

КОНТРАБАНДА

Ежемесячный журнал о современной русской литературе

Журнал «Контрабанда» основан в ноябре 2007 году на Седьмом форуме молодых писателей в Липках участниками литературного Интернет-журнала «Точка Зрения» (<http://lito.ru>) Алексеем Караковским, Анастасией Яковлевой-Помогаевой и Андреем Белозёровым. Генеральные партнёры журнала – издательство «Современная литература в Интернете» (<http://litseries.ru>) и веб-студия «Web-техника» (<http://webtechnics.ru>).

Журнал приглашает к сотрудничеству литературных критиков и публицистов. Приветствуются юмор, дерзость, интеллект. Не приветствуется академичность, официальность. Публикация литературных произведений осуществляется на коммерческой основе (1 страница - 500 рублей). Заявки на публикацию принимаются по адресу karakovski@gmail.com. Редакция оставляет за собой права отказа в публикации любых текстов.

Журнал распространяется в Москве, Петербурге, Калининграде, Казани и Одессе, а также через Передвижную книжную лавку писателей Живого журнала (подробнее - см. на официальном сайте). Журнал «Контрабанда» является участником журнальных Интернет-порталов «Читальный зал» и «Мегалит»

Официальный сайт журнала: <http://zhurnal.lito.ru>
E-мэйл: karakovski@gmail.com

Главный редактор – Алексей Караковский.
Верстка – Алексей Караковский.
Фото – Наталья Караковская.

Редакционный совет:

Сергей Алхутов (Москва) – прозаик, редактор Интернет-журнала «Точка Зрения», член Союза писателей Москвы.

Лиене Ацтия (Саулкрасты, Латвия) – поэтесса, главный редактор Интернет-журнала «Точка Зрения».

Алексей Караковский (Москва) – прозаик, музыкант, издатель, член Союза писателей Москвы.

Обозреватели:

Елена Бондаренко (Блонди) (Железнодорожный, Россия) – прозаик, главный редактор Интернет-проекта «Книгозавр».

Андрей Моисеев (Москва) – критик, эссеист.

Анна Никольская-Эксели (Барнаул) – детский писатель, Посол Мира «Конвента Народной Дипломатии» в России.

Вероника Сафонова – журналист, критик.

Ольга Таир (Новозыбков, Россия) – прозаик, критик, эссеист. Модератор сообщества «Мир книг» books_world.

Дэн Шорин (Тула) – писатель-фантаст, редактор Интернет-журнала «Точка Зрения».

Общественный совет:

Кирилл Ковальджи – поэт, прозаик, переводчик, секретарь Союза Писателей Москвы.

Ирина Медведева – руководитель литературного конкурса «Илья-премия».

Евгений Степанов – кандидат филологических наук, главный редактор журналов «Дети Ра» и «Футурум-Арт».

Перепечатка материалов разрешается только с письменного разрешения редакции.

Номер подписан в печать 11.04.10 в 18:40. Заказ № 4

Отпечатано в ООО «ИПЦ «МАСКА». Москва, Научный проезд, д. 20, стр. 9. тел.: (495) 510 32 98. www.maska.su, info@maska.su

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Роскомнадзором, ПИ №ФС77-38426 от 15 декабря 2009 года.

В НОМЕРЕ:

Или контрабанда - сам корабль?

Лоис Макмастер Буджолд. Солдат-недоучка

События	2
Фестиваль «Пересечение границ» - IV Кириллу Ковальджи – 80 лет!	
Рецепты чтения от Ольги Таир	7
Алексей Караковский. «Рок-н-роллный возраст» Артур Голден. «Мемуары Гейши» Екатерина Завершнева. «Над морем» Г. Г. Граник, С. М. Бондаренко. «Секреты орфографии» Марина Куновская. «Second Hand»	
Сценография	9
Ольга Таир. Успех и провал «Алисы» Бертон. Вероника Сафонова. Театральный апрель.	
История песен	11
Илья Морозов. «Jason Crest» и Елисейские поля Джо Дассена Марк Уилш. Ватерлоо-роуд (перевод Алексея Караковского)	
Исторический слой	15
Грэйл Маркус. Последний концерт «Sex Pistols» (из книги «Следы губной помады»)	
Перечитывая классику	20
Виктор Кузнецов. Беды и победы Николая Глазкова	
Большая литература	22
Мария Насонкина. Реформа русского языка: всё врут календари... и словари Ольга Денисова. Дискуссия об электронных библиотеках: читать бесплатно!	
Технология культуры (ведёт Сергей Алхутов)	25
Сергей Алхутов. Литература и текстовые носители: увековечить или заразить?	
Сетевые раскопки	31
Андрей Моисеев. Поэтические сообщества «Живого Журнала»	
Кают-компания	25
Антон Нечаев: «Фонд Астафьева ищет авторов сам, под свою ответственность»	
Портрет писателя в интерьере	30
Андрей Моисеев. Вода и глина Надежды Коган.	
Кунсткамера	32
Елена Бондаренко. Врунет: поэты.	
Безумный словарь	34
Демоны и боги.	
Фантом Дэна Шорина	41
Юлия Зонис. Любовь и голуби	
Контрабандное чтение	42
Поэты фестиваля «Пересечение границ» - IV Екатерина Борновицкая. Стихотворения. Александр Кожемякин. Стихотворения. Вероника Ручимская. Стихотворения. Алексей Шолохов. Сапрофиты. Алексей Караковский. Княжна Софико.	
Сказки Полянской	61
Мария Полянская. Дикий цветок	
Издательство – авторам	64

“ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦ” В КАЗАНИ

23-24 апреля в Казани (зал музея Горького) состоится IV фестиваль «Пересечение границ», тематика которого – странствия по миру, пересечение культур и исторических эпох, возможно, уход из дома – словом, всё, что связано с практическим постижением пространства и времени вокруг себя.

«Всем известно, что Казань находится на стыке древних дорог и древних культур. В этом городе живут потрясающе творческие люди, которые знают цену красоте и свободе, для них проводить фестиваль, посвященный теме странствий, легко и приятно. Кроме того, важно, что поблизости от Казани находится сразу несколько крупных культурных центров Поволжья. Мы проводили до этого фестиваль в Петербурге и Москве, и я думаю, что Казань - это именно тот город, куда хочется и куда удобно приехать в гости. Это очень важное обстоятельство, облегчившее нам задачу приглашения участников со всей страны», - прокомментировал главный организатор фестиваля, издатель, главный редактор литературного журнала «Контрабанда» Алексей Караковский. («Татар-Информ»).

Фестиваль современного искусства «Пересечение границ» основан в апреле 2009 года издательством «Современная литература в Интернете». Создан он с целью продвижения арт-проектов, посвящённых путешествиям, практической географии и любой деятельности человека, направленной на познание окружающего пространства. Участники фестиваля – путешественники, писатели, музыканты, художники, фотографы.

«Пересечение границ» проводится без особой периодичности 3-4 раза в год – по мере готовности организаторов и участников. Первый фестиваль был проведён 14 апреля 2009 года в Москве на борту корабля «Сильвер» и скромно назывался «арт-гео-акцией». В программе приняли участие путешественник-автостоппик Антон Кротов (он рассказал о путешествиях по Индонезии, Папуа и Египту), писательница Мария Полянская (она представила книгу о подлинной жизни в Голландии и Амстердаме). Музыкальную поддержку осуществили группы «Происшествие» и «Мост Мирабо».

Второй фестиваль состоялся 31 мая того же года в Санкт-Петербурге, на знаменитой Пушкинской, 10. В акции участвовали: писатель Николай Якимчук (автор книги об Артуре Рембо, написанной непосредственно в Африке), поэты Павел Феникс, Андрей Харчевников и Максим Валух, представившие каждый свою собственную поэтическую географию. В

2009 год. Антон Кротов, Алексей Караковский - участники первого фестиваля «Пересечение границ». Фото - Наталья Караковская..

качестве гостя были замечены французская путешественница Бриджит Ляфрешу, прозаик Василиса Сатирская, поэтесса Дарья Верясова. Завершило мероприятие акустическое выступление группы «Происшествие».

Фестиваль «Пересечение границ-III» состоялся зимой – 26 декабря 2009 года в Москве в клубе «Мастер и Фагот». Участниками его стали путешественники Марина Галкина (альпинистка, специалист по выживанию в экстремальных условиях, рассказавшая об одиночных путешествиях по Чукотке), Вадим Назаренко (автостоппик, автор книги «Диагональ Евразии», рассказавший об автостопе в Китае и поездке с маленькой дочерью на Камчатку) и Алексей Караковский (автор книги «Автостопом во Владивосток»). Музыкальную программу, как и прежде, составила группа «Происшествие».

Все три фестиваля носили камерный характер. Теперь «Пересечение границ» наконец-то выходит на федеральный уровень и, по большому счёту, начинает новый этап своего существования. Уже сейчас известно, что в фестивале примут участие ведущие поэты Казани – такие, как Айрат Бик-Булатов, Айгель Гайсина, Алёна Каримова, Анна Русс, и др.; приедут гости из Москвы, Набережных Челнов, Нижнего Новгорода, Перми и даже из Берлина.

Партнёры фестиваля – Интернет-проект «Исчезнувшие города» (dead-cities.ru), музей Горького (Казань), отель «Колви» (Казань), а также Передвижная книжная лавка писателей Живого журнала. Официальный сайт фестиваля – <http://frontier-fest.ru>. Живой журнал: frontier_fest.

В этом номере журнала мы постараемся рассказать подробнее об участниках крупнейшего литературного события сезона.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

Стихи участников фестиваля - стр. 35.

Антон Кротов. «Через семь границ»

...Когда мы пошли через базар на площадь, нами заинтересовались очередные представители иранской молодежи — они зазвали нас пить чай. Мы поднялись на второй этаж местной чайханы, где пили чай с видами на площадь.

Иранцы пьют чай из маленьких чашечек, а в общественных местах это мелкокочашечничество вообще приобретает патологический характер. В чашечку, как в рюмочку, наливают пятьдесят грамм чая, и ты сидишь и ждёшь, пока хозяин пойдёт по второму кругу и принесёт еще чай. В мае, в поездке на Салехард, мы с Олегом выпивали по 2 литра чая (8 стаканов) и более за раз, а здесь и поллитра не выпьешь. Зато кусковой сахар здесь лежит на каждом столе, и можно класть его сколько угодно.

Сии новые знакомые отвлекли нас от наблюдения площади еще на полчаса. Говорили они по-английски, но так быстро, что я не понимал их. Это довольно редкий случай в Иране. Поэтому общался с ними Олег, а я поедал сахар из сахарницы. Наконец, мы освободились и вышли на площадь; уже вечерело. Хотели зайти в мечеть, но она закрывалась за поздностью часа.

По сторонам площади находились лавки, в которых продавали открытки, чеканные вазы и прочие сувениры. Больше всего было лавок с чеканкой. Чеканщики сидели в своих лавках и постукивали. (...) Продолжая свой путь по площади, мы встретились с молодым человеком лет восемнадцати, который страстно желал с нами познакомиться и зазвал нас на чай.

Человек оказался молодым продавцом ковров. Лавка, где он работал вместе с другими, более взрослыми продавцами, находилась здесь же, на площади. В лавке лежали на полу, на полках, висели на стенах и ткались на станке десятки ковров, от очень больших и дорогих до маленьких. Мы сидели на коврах, пили чай, рассматривали ковры и слушали слова среднекачественного английского языка, при помощи которых молодой человек уговаривал нас купить один из ковров.

— Не думайте о цене, — примерно так говорил он, — вы теперь мои друзья, я вам продам этот ковер очень дешево. В странах Запада этот ковер стоит больше 200 долларов, а может и 300 долларов. А я вам его продам совсем дешево. Не думайте, что я вас специально зазвал сюда, чтобы продать ковер. Просто вы мои друзья, и я хочу сделать вам добрую услугу. Этот ковер очень удобен и дома, и в путешествии (о ужас! таскаться с ковром!). Он очень теплый. Вы сэкономите здоровье, потому что на ковре вы будете спать и не замерзнете... Он очень дешевый, потому что это ученический ковер. Не думайте о цене. Или вот другой ковер. Если вы купите его здесь, вы сэкономите деньги, потому что иначе вам придется покупать ковры в других местах, где дорого.

Олег выглядел интересующимся, хотя вряд ли хотел тащить в Москву с ковром в рюкзаке (в компресспакет его засунуть, что ли?), и юноша доставал всё новые ковры. Я предоставил событиям возможность грести своей чередой: сидел, пил чай, и размышлял, продадут нам ковер или нет?.. Цена ковра оставалась неизвестной.

Стоил он, как выяснилось уже «под занавес», около 50 долларов.

Егор Паагирев. «Две северных недели»

Утром оценили обстановку. Как выглядит 28-я буровая? Две большие бочки с нефтью, газовая скважина-факел, дизельная и три балка. Балок — это вахтовый домик, где живут рабочие (временно) и мы

(тоже временно). В балке есть печь, стол и четыре крохотные комнатки с двухэтажными кроватями. Полторы комнатки заняли мы с разрешения буровиков. Внутри было тепло, но иногда в соседнем балке останавливался дизельный генератор. Тим-Волкодав бегал заводить его снова, дёргая за веревку генераторное колесо, тем самым помогая выживать населению буровой.

Рабочие относились к нам достаточно хорошо, но высказывали мнение о том, что в Нарьян-Мар попасть будет трудно, так как в кабине, помимо водителя, едут сменщики. Мы не расстраивались, отвечая, что можем ехать в кузове, и дежурили на зимнике. Машин на Нарьян-Мар не было, а на Хьярйагу каждые примерно четыре часа ездил нефтевоз. Когда хлеб кончался, кто-нибудь отправлялся за хлебом в Хьярйагу, когда кончалась вода — ездили на соседнюю буровую за водой; также нефтевоз подвозил новоприбывших автостопщиков. Вскоре на 28-й буровой собралось 14 участников экспедиции. Дивясь на такое количество, рабочие отдали нам в пользование целый балок, в котором никто не жил. Поблагодарив их за такое внимание, мы переселились туда и спросили новоприбывших об их судьбе. Вот что с ними было.

Попав вдевятером в Хьярйагинский, все вписались в общежитии рабочих, отмываясь и отъедаясь там. Алекс и Лера замёрзли, зашли в какую-то контору и попросили, если есть, какую-нибудь списанную одежду, и в итоге каждый получил великолепные ватные штаны зелёного цвета. «Просите, и будет вам дано...» А Сергей Болашенко напугал американцев, владевших каким-то буровым управлением в Хьярйаге. У Сергея была маска от ветра — обычная белая тряпка, со вставленными детскими очками для плавания. Смотрелось очень прикольно. Сергей имел мысль узнать температуру зимнего воздуха и подошёл к окну конторы, у которого обретался градусник. Босс, увидев странного человека, чуть обморок не упал: «Террористы! О ужас!» Подоспевшие охранники обыскали рюкзак Болашенко, чего он больше всего не любит, а затем выдворили Сергея обратно. Он обиделся и уехал автостопом в Ардалу, думая, что через неё идут машины в Нарьян-Мар. Другие американцы, обитавшие в Ардале, наставили Болашенко на истинный путь и подарили на прощанье множество различных фруктов, а также карту зимников, назвав её «секретной». С этой картой Болашенко отправился к остальным нам, на 28-ю буровую.

По зимникам машины ходят в основном ночью, так как водители боятся снежной слепоты. Светает здесь в 10, а темнеет уже в 15.00. Дежурить на трассе мы решили круглосуточно, сменяясь ежечасно. Дежурный тепло одевался и наблюдал, не появятся ли на горизонте движущиеся огоньки. Если огоньки появлялись, это означало, что машина находится приблизительно в 5 км от буровой и подъедет через полчаса. На зимнике средняя скорость грузовика — 10 км/час. Дежурный имел право уехать первым как самый замёрзший, но дальних машин не было — только на нашу буровую или на соседние. Потом выяснилось, что поток на Нарьян-Мар составляет 1-2 машины в сутки.

Стоя на трассе, мы сменялись, убегали в балок, разговаривали, отдышали, ели, потом опять выходили в холодную тундру, на двадцатипятиградусный ветреный мороз, с надеждой: вдруг впереди загорятся огоньки? Тима Волкодава, специалиста по выживанию, всё ещё не покидала идея соорудить ледяное иглу и сидеть в ней, дежуря, — но этот проект так и остался проектом, не перешедшим в реальность.

А в полночь увидели северное сияние: на небе переливались светлые зелёные сполохи. Посмотришь, а они уже в другом месте. Около часа наблюдали мы это зрелище, пока сияние не исчезло. «При более сильных

морозах и разноцветное бывает!» — говорили буровики. — «Вот, как холод под —40 закатит, так и всю ночь оно блестит!» Но больше за всю поездку северного сияния мы не видели. Наверное, это было одно из своеобразных возмещений за долгое ожидание Нарьян-Марских машин...

Антон Кротов. «Вперёд, к Магадану!»

...Машин на Колыме мало. Это в центральной России сущность автостопа была такой: выбрал позицию, где скорость машин поменьше, стоишь, смотришь в глаза водителям, руками машешь. Остановился, договорился, сел, поехал. А на Колыме сущность автостопа другая: вылазим из машины или из палатки, находим место, где нас будет видно издали, стелим коврик, ищем дрова, разводим костёр; варим суп, собираем ягоды, варим компот, варим чай, опять суп... Читаем, пишем, одному можно и поспать — если нет дождя; если дождь — ходим, разминаемся, греемся, костёр пожарче разводим, «чушки» большие ищем деревянные. Основная задача автостоппика — дожидаться машины. Из этого вытекает несколько задач: сбор дров по всей округе, нахождение источника воды, ну и самое главное — изобретение способов не скучать.

Так, полено за поленом, час за часом, суп за супом, и может появиться машина, а может и не появиться; если появилась, может остановиться, а может и не остановиться. На повороте на Нежданкинское, как ни странно, мимо нас прошли две машины, которые нам не остановились — «транзит», перегонные из Подмосквья! К чести прочих водителей, они останавливались практически всегда, даже если были загружены, если ехали недалеко и даже в другую сторону.

...Когда мы поняли, что машин сегодня уже не будет, то оставили рюкзаки в густых зарослях кедрового стланика и решили вздвигнуться на одну из гор. Андрей называл их сопками. Я вообще не люблю, когда горы называют сопками, так как сопка должна иметь округлую вершину, а горы на Колыме неправильной формы.

Так вот, мы выбирали, на какую из двух гор (или сопки) нам залезть. Рядом было две горы: большая и маленькая. Решили сперва на маленькую, и лезли часа полтора, но вершины всё не было, а гора хотела породить камнепады. Наконец мы попали в зону тундры: наверху камни покрывал толстый слой мха и лишайника, росли маленькие красные ягоды (брусника), кедровый стланик и миниатюрные берёзы, и вообще — кайф, лежи-валяйся. Здесь и камнепад не страшен, все камни обволоклись лишайником, как студнем. Но вершины мы так и не достигли и, чтобы не застрять наверху на ночь, решили спускаться. С высоты Андрей увидел какие-то домики в нескольких километрах от горы и мы решили переночевать в них, поскольку машин в нашу сторону не наблюдалось ни одной.

Домики оказались брошенной метеостанцией. Всё в ужасном беспорядке. На полу лежали книги, выброшенные с полок, сейф открыт, накладные и всякие бумаги валялись, разбросанные, вокруг. Но окна в доме ещё целые, также в доме нашлись нары и несколько больших кирпичных печек, можно будет спать, натопив одну из них. На улице также валялись книги, например «Определитель облаков», с цветными фотографиями оных. Вокруг бродили две голодные собаки — видимо, станция была покинута совсем недавно...

КИРИЛЛУ КОВАЛЬДЖИ – 80 ЛЕТ!

Поэт, прозаик, критик, переводчик Кирилл Ковальджи родился в бессарабском селе Ташлык (сейчас – Одесская область) в 1930 году. Во время войны скитался по странам Восточной Европы. Первые стихи опубликованы в 1947 году. Закончил Литературный институт. Проработав некоторое время в Кишинёве, переехал в Москву.

Член Союза Писателей СССР (1956). Избирался членом правления Союза Писателей (1956-59), секретарем Союза Российских Писателей (1991-95), Союза Писателей Москвы (с 1995). Член Русского ПЕН-центра. Награжден медалями “За доблестный труд” (1970), “За трудовую доблесть” (1980), Почетной грамотой Президиума ВС РСФСР. Заслуженный работник культуры (2005). Лауреат литературной премии “Венец” (2000). В 2007 году в издательстве “Время” вышла книга Кирилла Ковальджи “Избранная лирика”. Официальный сайт – www.kovaldji.ru

Человеку 80 лет. Это редкость и большая удача. Человек влюблён в жизнь и жалеет только об одном: жалко, что уже 80 – а ну хотя бы 60, как было бы хорошо. Но всё-таки уже 80, и с этим приходится мириться: принимать поздравления от людей, несопоставимо далёких по жизненному опыту, высидеть бесконечное юбилейное чествование в Центральном доме литераторов...

Несведущие люди часто упрекают Ковальджи в конформизме: якобы, был своим при любой власти, вот и прожил так долго. Да какое уж тут «своим»! Чуть не угодил под репрессии, будучи студентом Литературного института, в последний год жизни Сталина. Дальше предпочёл служить литературным редактором, клерком, чтобы не зарабатывать деньги на стихах, подкладываясь под требования идеологии. Нет, Ковальджи не из тех, кто служит власти. Ковальджи – вне власти, и лишь иногда позволяет ей приблизиться, когда её цели совпадают с его собственными (недаром в течение пяти лет он был членом Комиссии по помилованию). Если в жизни человека эстетика находится на первом плане, что должно удивлять в таком подходе?

Ковальджи не избегает политического дискурса, но и не выделяет его. В выборе тематики стихов он удивительно народен: его трогают те же проблемы и в том же соотношении, что и любого москвича. Разница заключается в позиции: Ковальджи ни на секунду не забывает о своём поэтическом предназначении – отчасти историческом, церемониальном, но и не менее – праздном интеллектуальном развлечении, которое должно служить всего-навсего Красоте (ах, как этого мало для нашей современной торопливой жизни!). Да, Ковальджи чертовски приятен. И ему чертовски приятно. Если Вам когда-нибудь повезёт увидеть его в какой-нибудь компании, обратите внимание, как ему нравятся красивые женщины – и, самое главное, как он нравится им.

При всём при этом Ковальджи – убеждённый энергетический донор. Помимо работы с молодыми писателями, обязанными ему своей карьерой, Ковальджи в течение многих лет ежедневно решает вопросы, связанные с чьей угодно выгодой, кроме как своей: то выбил знакомому художнику мастерскую, а то – не удивляйтесь – бесплатно перевёл для какой-нибудь нотариальной конторы румынские или молдавские документы. А уж сколько случайно встреченных начинающих поэтов заручились его моральной поддержкой! Если Ковальджи читал вслух со сцены ЦДЛ какие-нибудь графоманские строки, то их автору оставалось

ЦДЛ, 18 марта 2010 года. Фото Натальи Караковской.

только одно из двух: либо исчезнуть навсегда, либо срочно становиться гением (увы, второе происходило гораздо реже).

Возраст позволяет Ковальджи относиться свысока к великим поэтам: по сравнению с ним Рубцов умер молодым, а Есенин и Лермонтов — вовсе мальчишками. Но, как вы понимаете, вряд ли к этому можно относиться серьёзно. Попробуйте дожить до восьмидесяти и быть способными на иронию (не говоря уже о самоиронии) — ведь обстоятельств, располагающих к одиночеству у стариков гораздо больше: из ровесников в живых уже почти никого не осталось, да и друзей уже трудно найти. Единственный друг последних лет, поэт Анатолий Кобенков, ушёл из жизни рано, не дотянув и до шестидесяти.

Мне всегда нравилось, как обсуждали одно и то же стихотворение Ковальджи и Кобенков. Холерик и меланхолик, они прекрасно дополняли друг друга: Анатолий Иванович, обладатель тончайшего поэтического слуха, не оставлял и камня на камне от слабого текста, не боялся никаких авторитетов. Но Кирилл Владимирович, хоть и соглашался с аргументами Кобенкова, ни разу на моей памяти не применил «тактику выжженной земли» по отношению к автору. Наоборот, он всегда старался, подсказать, направить, воодушевить. И только в крайнем случае в разговоре наедине позволял себе саркастические шутки в адрес особо надоедливых графоманов и карьеристов.

Ковальджи часто называют классиком — по многим причинам сразу. Мне же кажется, что основной критерий — аксиологический: переболев в юности Брюсовым, Ковальджи постепенно как бы прошёл насквозь Серебряный век, обратившись к более близким для себя идеалам Золотого века; античная созерцательная философия и «души прекрасные порывы» значат для него больше, чем хаотичный духовный поиск. Именно поэтому любые проявления эпатажа вызывает у него ироническую улыбку: уж кому, как не Кириллу Владимировичу знать, что всё это — случайная пыль по сравнению с Вечностью, которой нельзя приказывать, но с которой можно идти рука об руку, если довериться её законам. Отсюда же — вся эта как бы случайная, но на самом деле очень тонко продуманная простота стихов. Поэтика Ковальджи не лишена усложнённой современной атрибутики, но по своему кажущемуся прямолинейным посылу близка, скорее, к Пушкину.

Дай Бог, дожить хоть кому-нибудь из нас до 80, чтобы понять, какво это — быть рядом с Пушкиным.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

Открытки для Ковальджи

Жили-были две сестры — фея Непредсказуемости и фея Гармонии. Как полагается, у каждого ребенка есть своя фея-крестная, но мальчик Кирилл родился таким очаровательным, что случилось неожиданное: сестры поспорили, кому быть его крестной. Малыш улыбался каждой и терпеливо ждал. В итоге сестры решили всегда-всегда сопровождать вдвоем по жизни этого очаровательного младенца. Может, именно поэтому Кирилл Ковальджи и при Сталине побывал, и при румынских королях... Но не в этом дело! Просто в шестнадцать лет Кирилл начал писать стихи. Эти стихи до сих пор заставляют верить в любовь и полностью доверяться мечтам: И одновременно заставляют обернуться на реальность:

Я не видела крестных фей Кирилла Владимировича, но уверена, что они его не покидают. А читая и перечитывая книги Кирилла Ковальджи, ловлю себя на зависти: я не смогу делать столько разного сразу, улыбаться и еще помогать другим. Я, как многие обыкновенные люди, еле-еле справляюсь со своим бытом и семьей. И когда думаю скольким людям (не считая меня) этот человек не просто дал надежду, а вложил в руки смысл и цель жизни, благодарю случай за знакомство.

Поэт и прозаик, лирик и мыслитель, переводчик и полемист и все это в одном человеке. И при этом я смело могу сказать, что Кирилл Ковальджи сохранил уникальную способность быть общедоступным человеком. Он обладает самоиронией, умением смеяться над ошибками и даром защищать других.

Анастасия Кузьмичёва. Минск.

Моё знакомство с Кириллом Ковальджи началось до того, как судьба преподнесла мне подарок — ненадолго стать его ученицей, слушательницей его семинара для молодых писателей в Липках.

Прочитав книгу его стихотворений, я в волнении и с нетерпением ждала встречи. Мальчик, стоящий на пороге жизни и только познающий мир, и мужчина — познавший, продолжающий искренне радоваться новым постижениям и тоскующий о несвершившемся — таков для меня лирический герой Кирилла Ковальджи, обнажающий и саму душу автора. Я каждый раз ловила себя на ощущении, что вот этот мальчик, показывающий монетки Вике (ещё и сходство имён) и чья левая рука случайно встретилась с левой рукой девочки (героиня рассказа К.Ковальджи «Цыганская свадьба») — близок и понятен мне.

И почти родной мне Ковальджи, сказавший: «я — бессарабец во всей полноте национальной неразберихи», — ибо и в моих жилах течёт «кровь бессарабская», разбавленная войной, границами, лицами и переселениями. И этот Мужчина: «... Ну, вот. Так и не увижу ту, которую слышал так близко...» (отрывок из книги К.Ковальджи «Обратный отсчёт») — волнует меня своей «недостижимой близостью»: И нет ни возраста, ни расстояний, ни времени, ни государств, ничего того, что могло бы нарушить это понимание, эту общность душ:

И когда за липкинскими окнами с серого неба тихо падал октябрьский дождь, я смотрела на человека, сидящего почти рядом, слушала его тёплый, мягкий голос; улыбалась его иронии; замирала след за его паузами, пытаюсь представить — о чём он думает именно сейчас. И всё время благодарила судьбу за то, как хорошо, что этот человек встретился в моей жизни. Что именно его стихи, его «бутылка с личным посланием» дошли до адресата — «мне... до востребования».

Спасибо, Кирилл Владимирович! И с Днём Рождения!

Вика Чембарцева. Кишинёв.

• СОБЫТИЯ

Свое творческое долголетие Кирилл Ковальджи запрограммировал еще в ранних стихах: «Я родился, чтоб жить любопытствуя, благодарно и жадно жить...». Теперь этот юношеский максимализм доказан продолжительной жизнестойкостью поэта, который на творческом подъёме встретил своё 80-летие. Поэзия — дело молодое, считалось прежде, поэт живёт мало. Но вторая половина XX века доказала, что много даровитых поэтов доживают до глубоких седин, не теряя силы рифмованного слова, убеждая, что поэт живёт при любом режиме. Среди них Кирилл Владимирович. Программу будущего Ковальджи заложил и журналу «Юность», выпустив первый рукописный журнал с таким названием ещё в школе. А затем, став известным поэтом, уже работал в популярном молодёжном журнале во времена Бориса Полевого и Андрея Дементьева.

Я только родился, когда Ковальджи уже публиковался. Я ещё учился говорить, а поэт заходил в гости к Валентину Катаеву, Леониду Леонову, Борису Пастернаку, Константину Симонову, роднясь с русско-советской классикой, хотя, по его признанию, не сильно замыкался на этом. Но, будучи зрелым поэтом, всегда держался молодых, понимая, что только они обещают «притяжение будущего» роду человеческому роду духовному.

Мы дружим с Кириллом Владимировичем лет пять. Нас познакомил Анатолий Кобенков. И Ковальджи не отмахнулся от провинциала: обмениваемся книгами, стихами, мнениями о ходе литературного процесса. Кирилл Владимирович всегда среди действующего процесса литературы — семинары, обсуждения, статьи, публикации в журналах. Остаётся только позавидовать такому творческому долголетию мастера и радоваться, что ёмкое слово поэта активно работает, что Кирилл Ковальджи по-прежнему ощущает себя гражданином литературоцентричной России, поэтом посеребряного века. И это не поэтическая иллюзия, это факт современной литературной жизни:.

*Сколько надо таланта и дури,
чтоб, мечтая о личном венце,
посвятить себя литературе
не в начале её, а в конце... .*

Владимир Монахов. Братск.

Кирилл Владимирович — наш дед Мазай. История студии, которая собиралась по четвергам в конференц-зале «Юности» (сейчас это помещение съедено «Интерфаксом») никогда не завершится. Ее уже перехлестнули воды нескольких личных мифов, хотя летопись возможна — в виде личного апокрифа, как написал в предисловии к одной из посмертных книг Нины Искренко Арабов. И у Юры, и у несравненно виртуозной Нины, и конечно же у триады Жданов-Парциков-Еременко есть крепнущий ствол мифа, похожий на индийское дерево баньян — и все это наш Кирилл. За яркими фарами названных имен родоначальник студии оставался, при всей неназойливой скромности, заметным, а в чем-то и твердым, ухитряясь удерживать не вожжи, разумеется, но главные акценты всех выступлений. Учитель? Слишком пафосно и одиноко. Скорее по-винокуровски: «... воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться». Но меньше всего Ковальджи пошла бы того юбиляра. Он чуткий поэт, пластичный мыслитель, он в постоянном облаке людей — и ни разу на облаках. 20 лет назад, еще работая с ним через коридор в том здании на Маяковке, я объявил всех, попавших в его орбиту, «птенцами Кириллова гнезда». Годы ничего в этом смысле не изменили. Родоначальник сам в полете. Птенцы немного подросли. Мы рядом, дорогой Кирилл!

Александр Самарцев, Москва

• РЕЦЕПТЫ ЧТЕНИЯ ОТ ОЛЬГИ ТАИР

Ведущая колонки — Ольга Таир, автор блога в Живом Журнале **caprice**, модератор сообщества «Мир книг» **books_world**.

Алексей Караковский. Рок-н-рольный возраст

Маска & Современная литература в Интернете, 2008, 2010.

На первый взгляд может показаться, что перед нами — всего лишь трогательная история взросления ещё одного книжного мальчика, в результате внутренних противоречий (явившихся, как и у большинства из нас, следствием вступления в пубертатный период, но — в отличие от большинства — так и не разрешённых естественным путём) решившего изменить мир. Или просто ещё один биографический очерк об ещё одной музыкальной группе (типа «Секс Пистолз: история изнутри»), лидером которой является автор.

Отчасти книга А. Караковского «Рок-н-рольный возраст» таковой и является, но, пожалуй, выгодно отличается от многих подобных исследований тем, что в ней автором предпринята небезуспешная попытка анализа неких парадигмальных сдвигов, происходивших в нашем обществе на протяжении минувшей четверти века.

Да, действительно, большая часть повествовательной ткани пущена на Тришкин кафтан для отечественного андеграунда, то есть, на масштабное и претендующее на полноту описание того, что в силу своей необъятности и многогранности вряд ли может быть описано так, как, вероятно, хотелось бы любопытствующему дилетанту: исчерпывающе и объективно. Думаю, с этим даже Трицкий не справится. Однако — подобно тому, как философ способен (во всяком случае, ходят упорные слухи на эту тему) по капле воды догадаться о существовании океанов, так и мы — благодаря автору «Рок-н-рольного возраста» — можем оценить масштабы и смысл явления, отталкиваясь от описанной в данной книге надводной части айсберга. И — приходим к неожиданному и пугающему выводу. В фантазмагорической кафкианской стране, жизнь в которой даже не вечно бронзовеющие свадебные генералы, а их серые брахманы руками бесчисленных кшатриев в штатском умудряются делать год от года всё бессмысленнее и абсурднее, практически все люди, у которых есть хотя бы минимальная склонность к анализу происходящего, рано или поздно неминуемо (иногда и неожиданно для себя!) оказываются в оппозиции ко всему официально рекомендуемому. И — поскольку «настоящих буйных мало» (да и технологии подавления активного сопротивления существующему миропорядку отлажены государством настолько, что борьба практически стала тождественной самоубийству) — большинство недовольных просто вынужденно уходит в подполье. И тогда, и сейчас. В такое чисто кустуричное «подземелье».

И не то, чтобы жизнь в нём была привлекательна и исполнена какого-то особо глубокого смысла, — отнюдь нет (кто смотрел фильм, тот поймёт), — просто приемлемой альтернативы не просматривается: выход «на поверхность» автоматически будет означать то, что мыслящему и, при этом, честному человеку должно, по идее, быть противно: встраивание (на правах винтика) в лживую и насковзь прогнившую систему. В которой даже не ложь и гниль является самым тоскливым, а тот факт, что не имеет эта система никакой иной цели, кроме тупого, скрупулёзного воспроизведения самой себя, любимой. По-прежнему гнилой — и по-прежнему лживой. Впрочем, напрашивается следующий вопрос: а бывают ли вообще системы иного типа?! Надеюсь, не риторический... и заведомо не праздный! — об этом свидетельствует, напри-

мер, история совсем иной «системы»: субкультуры хиппи (которой, в частности, посвящена значительная часть «Рок-н-роллевого возраста»).

Вообще, в этой книге можно почерпнуть массу информации о самых разных сторонах и аспектах явления отечественного андеграунда. Но и все эти интереснейшие сведения (впрочем, доступные и благодаря многим другим источникам), и сама история группы «Происшествие» (а также в разное время связанных с этой группой и её лидером людей), и даже данные нам в ощущениях... тьфу! — то есть, в приложениях тексты песен — лишь предлог для осмысления гораздо более глобальной и важной темы: кто мы и какого хрена здесь делаем.

И что мы ДОЛЖНЫ тут сделать. И — должны ли.

То есть, Алексей Караковский, в каком-то смысле, делает за нас нашу внутреннюю работу: задаёт вопросы, которые большая часть людей не задаёт себе никогда в жизни, — и не только спрашивает, но и отвечает.

Ответы ищите в книге. Впрочем, чтобы поиск был успешным, понадобится умение читать между строк.

Александр ЧЕКАЛОВ

Артур Голден. «Мемуары Гейши»

АСТ Москва, 2009 г.

«Мемуары Гейши» Артура Голдена — довольно нашумевший в свое время роман, который был продан тиражом более 4 миллионов экземпляров и переведен более чем на 30 языков.

Когда еще не дотрагиваешься до романа и не начинаешь читать его первую страницу, наибольшую ценность и интерес, на мой взгляд, пред-

ставляет то, что автор романа не относится к числу профессиональных писателей. Артур Голден — американский японист, который рассказал читающей публике историю жизни одной из самых популярных гейш 20 века. В основе романа лежит биография Минэко Ивасаки.

Минэко старательно развивала свои интеллектуальные и физические способности и до такой степени изнуряла себя, что едва не умерла от болезни почек. Зато впоследствии в ее обществе проводили время королева Елизавета II и принц Чарльз. В 29 лет Минэко неожиданно оставила ремесло гейши, находясь в зените славы. Она вышла замуж, родила дочь и до сих пор живет в одном из пригородов Киото.

Артур Голден познакомился с Минэко Ивасаки в 1992 году. Его книга, главная героиня которой, Нитта Саюри, сильно напоминает знаменитую гейшу, вызвала у Минэко бурю негодования. Она утверждает, что факты ее личной жизни искажены. Так, например, аукциона, с которого продавалась девственность главной героини, в реальной жизни не было. Минэко Ивасаки подала на Артура Голдена в суд за раскрытие и искажение фактов ее личной биографии. Спустя несколько лет знаменитая гейша сама написала автобиографию.

Книга читается очень легко, практически на одном дыхании. Занятная очередную главу, хочется скорее начать новую и узнать как же будут развиваться события дальше, какие еще испытания принесет судьба главной героине.

Тоненькой ниточкой через весь роман проходит тема океана. В размышлениях Чио, а впоследствии гейши Саюри, нередко встречаются сравнения тех или иных событий, эмоций, людей с океаном, волнами, рыбами, запахами из ее детства. Ведь Чио родилась и жила первые годы своей жизни на берегу океана, ее отец был рыбаком и рыбацкая жизнь была всем тем, что она видела в этой своей жизни. И хотя ее жизнь совершенно изменилась, и живет она уже не в «подвыпившем домике» на берегу океана, а в районе гейш в Джионе, Саюри все равно вспоминает свое детство, своих родителей и сестру, которых она уже никогда больше не увидит.

Читая роман, нередко встречаешь мысли, которые хочется цитировать. Очень многое из того, о чем мы часто думаем, что является истинной, и доказано уже не одной судьбой, не одним поколением, написано так, как еще не приходилось увидеть и услышать ранее. Однажды прочитав такую всем понятную истину, написанную таким языком, уже сложно забыть ее или усомниться в ней. Она как ледокол, бороздящий водные просторы, клином врезается в сознание и надолго оставляет за собой след.

В романе до мельчайших деталей прописан образ гейши: костюм, макияж, поведение. Даже не имея представления о том, кто такие гейши, чем они занимаются и как выглядят, прочитав роман, можно довольно отчетливо представить себе этот образ.

Уже буквально на первых страницах романа автор четко дает понять читателю, что ремесло гейши не имеет никакого отношения к проституции. Быть гейшей — это искусство, которому нужно учиться всю свою жизнь. Даже будучи уже успешной состоявшейся гейшей, девушки продолжают совершенствовать свое мастерство. Кроме того, что этот роман о культуре Японии, о профессии гейши и о жизни одной из величайших представительниц этого ремесла, это еще и история величайшей любви. Это история о любви с первого взгляда, о любви, которая дает силы жить и двигаться вперед.

После прочтения остается легкое чувство грусти, но в то же время появляется ощущение, что наша жизнь в наших руках, и мы сами делаем свою судьбу!

Елена НИКИТИНА

Екатерина Завершнева, «Над морем»

М.: Р.Элинина 2009 и «Сомнамбула», М.: Лимбус Пресс, 2009.

Это сложная книга, которая притворяется простой.

Это только кажется, что название «обыкновенное» (ну какой поэт не писал о море?), что черный «изгиб» на обложке — не более, чем намек на морскую волну. Какое «море» имеется в виду? Подсознание? Смерть?

В отзыве Фанайловой на книгу Екатерины Завершневой «Над морем» (отзыв можно найти на обложке) есть слова: «Современному поэту хорошо бы не слишком концентрироваться на своем лирическом Я или по крайней мере стараться растворять его в мире...» Странно: и у Фанайловой, и у Завершневой мне нравится именно лирическое Я, в «растворенном» и «нерастворенном» виде. Мне как эгоистичному читателю слишком хочется найти это Я, даже там, где автор, возможно, не хотел его обнаруживать. В стихах Завершневой нередко встречаемся с мозаичным узором из деталей, предметов и признаков, — но «Тающие улицы там за твоей спиной / Волны горячего воздуха», «проекты наброски / вспомогательные линии / вокруг нас до кончиков пальцев» предполагают наблюдающее Я. Мне хочется в каждой детали видеть знак: влияние другой книги Завершневой, «Сомнамбулы»?

Многие стихотворения, действительно, походят на запись снов. «Как это было» — кошмар завораживающий, страшно и просыпаться не хочется: «В те дни / Когда наши тела / Открылись в траншеях / И мертвые через платок / Обыскивали живых...». «Ветер, ночь» — сон, похожий на явь, или явь, похожая на сон? У вас часто бывает так, что вы спите и думаете, что не спите? «Повсюду шорохи вздохи / Мохнатые нити лунатика / Бусинки лунной слюны...».

Некоторые тексты заставили меня задуматься о том, что у психологов и фольклористов много общего: «Мать и отец / в окошко глядят / гостей не узнают / а дом без дверей / весенний дождь / по тарелкам стучит / просыпается петух / ходит по столу / подбирает зерно / прошлогднее» («Говорит наш господин...»).

Безумно нравится относительно короткое стихотворение «Ангельский колокольчик». Немало моих знакомых упрекнули бы его в «детскости», а для меня «детскость» — не плохо, а хорошо: «Собака лает ветер дует / Качает мою детку / Босые ножки / Динь-дилинь». Лирическое Я автора выхватывает из «моря» предметы, явления (иногда они складываются в сюжеты), символы, знаки и дает им жизнь — воплощает.

Хотелось бы, чтобы не сбылось предсказание Р. Левчина из предисловия к «Над морем»: «едва ли у этой книги будет много читателей».

Елена ГОРШКОВА

Г. Г. Граник, С. М. Бондаренко. «Секреты орфографии»

Просвещение, 1994 г.

Эта книга — дополнение к учебнику русского языка для младших школьников. Авторы немало потрудились для того, чтобы добиться информационной насыщенности текста и в то же время сделать его доступным. Внимание ребенка удерживается дозированной подачей материала, причудливыми иллюстрациями, юмором, хорошо подобранными цитатами. Отрывки текстов, на которых изучаются правила орфографии, взяты из лучших детских книг Л. Толстого, А. Волкова, А. Милна и других писателей.

Авторы убеждают маленького читателя, что грамотные мальчики или девочки чувствуют себя принцами и принцессами на балу жизни, а неграмотные не смогут толково подписать открытку другу, составить письмо маме или бабушке, написать сочинение или даже самый маленький стишок. Уже просматривая введение, ребенок поймет, что с этой книгой можно быстро подружиться, что она поможет в жизни.

В первой главе «Секретов орфографии» рассказывается о зарождении письменности на Земле: о рисунчатом письме древних египтян, о вавилонской клинописи, о знаках индейцев Майя, китайских и японских иероглифах. Во второй главе речь идет о появлении алфавита, вводится понятие фонемы и звука. В конце каждой главы ребенку предлагаются опросы и задания. Они помогут ему ещё раз вспомнить и мысленно повторить прочитанный материал.

На последних страницах авторы рассказывают ребенку об игре специально для каникул «Загадочный театр». Игра научит детей ясно выражать свои мысли, загадывать и отгадывать загадки.

Ольга ТАИР

Марина Куновская. «Second Hand»

Минск, Виноград, 2002.

Две претензии к Марине Куновской

Я читаю глазами. И книжка Марины Куновской с иллюстрациями Светланы Ветровой мое внимание сразу привлекла. Хорошая такая книжка, симпатично оформленная, приятного цвета. Но начала не с неё, читала другое. И слегка маялась. Другое не всё понравилось. Читала, вздыхала, а потом чай уходила пить, прихватывая что-то из любимого старенького — прислонить к сахарнице.

Но читала терпеливо и кротко. Обещала, надо прочесть. Так же кротко за книжку Куновской «Second Hand» взялась. И ну — радоваться. С первых же строчек: «Мой танк уютен и человечен: / Цветной фланелью обиты кресла / И в меру пульт приборный подсвечен, / И четко виден прицельный крестик».

Мурашки по спине. Со мной всегда так, когда читать дальше — хочется. Просто — нравится читать, проговаривая строки про себя, вкусные они. А потом вдруг концовка стихотворения: «...И если даже мой танк стреляет, / то убивает совсем не больно».

Вот так. И мурашки становятся ледяной крупкой. Пусть даже Марина этого и не хотела. Или пусть другой читатель поспорит со мной о смысле, или даже я потом перечитаю, и сама с собой поспорю о смысле. В этом, кажется мне, и есть смысл правильных слов — в неоднозначности их. Потому что — живые, настоящие.

Я набираю телефонный номер и кричу в трубку, чтоб слушал, слушал. И листаю страницы, потому что — выбрать не могу, что читать — телефонное время превращается в деньги, надо выбрать самое. Не выбирается, потому что самое — все. И тогда я читаю просто подряд, два стихотворения, третье. Радуюсь, что я не одна сейчас у Марины, что есть ещё человек. Радуюсь, что оба мы только что открыли для себя поэта.

Мимо пьяных фрегатов — белый, будто из райских вод,
Мимо сонных людей, что молиться и плакать не смеют,
Он идет, как по нитке, по гребням дрожащих волн —
Наши карты надежны, мы забыли смешные приметы.

• РЕЦЕПТЫ ЧТЕНИЯ ОЛЬГИ ТАИР

Смотрю на год издания книги. Поздновато открыли, конечно, стихи написаны в восьмидесятых-девяностых. И в этом тягостное недоумение. Они настоящие, они живые и очень талантливые. Почему же так мало известно о прекрасном поэте Марине Куновской?

Возможно, сама Марина не считает стихи главным в своей жизни — есть одна книга, может быть, будет вторая и — ладно... Или что?

Сведения, которые я уже нашла в сети:

Марина Куновская. Поэт. Родилась в Ленинграде, выросла в Борисове (Белоруссия). Окончила факультет журналистики Минского университета. Независимый журналист, член координационного совета общественной организации «Женский ответ». Книга стихов «Second hand», книга «Угрошение строптивой кухни». Публиковала также переводы современной поэзии с белорусского на русский и с русского на белорусский языки.

Но я сейчас лишь о книге стихов. Вся она состоит из посвящений. Очень разных. Не конкретным людям, а категориям людей. Есть посвящения экологам, классным дамам, замужним женщинам, одиноким мужчинам (грустная история о папе Карло, что протопил печь еще не вырезанным из полена Буратино), автобусу номер 18 и много-много других. Потому и темы стихотворений — самые разные.

Юмор или ирония в стихах? Скорее — мягкая улыбка. Почти во всех. Даже в самых грустных. Просто там улыбка — печальная. И великопнейшее чувство меры. Ни одно стихотворение не заставило поежиться от излишнего пафоса, истеричности, иронизирования либо морализаторства. Будто подходит автор к самому краю и — останавливается вовремя, там, где нужно.

А там, где улыбка не нужна, в строках — настоящее темное горе. Без соплей:

... Шагали соседи, и ящик качался
На длинных костлявых плечах,
И тело по доскам скользило рывками,
За гвозди цепляясь в углах.
Но я никогда не видала живую —
А мертвой уже не помочь —
Невесткиной тетки по сводному брату
Двоюродной бабушки дочь.

Конечно, это ум и это талант. Прекрасное сочетание. Оно даёт свободу и автору и читателю. Читать стихи, написанные не на пределе, не на крике. Идти за автором в его широкий и большой мир, не натываясь локтями на стены и не пригибая головы. В этом надежда. Автор — наш современник, значит, будут ещё стихи и книги, я очень на это надеюсь.

А пока, спасибо минскому издательству «Виноград» за книгу, которую я держу в руках и, пока не отобрали, перечитаю еще неоднократно.

Спасибо Марине за стихи и Светлане Ветровой за философские в книжке картинки. Особенное спасибо за надпись крупными буквами «ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ» на задней обложке.

И что я там говорила о претензиях? Одна задумчивая — почему название такое? Почему — вторые руки? Из-за посвящений, которые как бы заставили автора оттолкнуться от них и писать? Тогда претензия снимается. Тем более, что название запоминается крепко. Вторая претензия... Автор! Почему Ваше имя мелкими такими буквами на обложке? Почему? Сразу его и не разглядишь. Хотя... Прочитав книгу, я уж имя Ваше накрепко запомнила, и мелкие буквы мне не помешали.

Елена БОНДАРЕНКО (БЛОНДИ)

• СЦЕНОГРАФИЯ

УСПЕХ И ПРОВАЛ “АЛИСЫ” БЕРТОНА

«Это наша Алиса?». Такой вопрос робко или с удивлением, а иногда и с иронией, герои «Alice in Wonderland» задают много раз на протяжении фильма Тима Бертона совсем не случайно. Вот так авторы фильма бесхитростно извиняются перед зрителями за разводку, ведь перед нами совсем не продолжение «Алисы» Льюиса Кэрролла. И теперь это известно миллионам зрителей, которые посмотрели новое творение знаменитого американского кинорежиссера.

«Alice in Wonderland» — коммерческий продукт весьма среднего качества, он успешно продается благодаря звездам: Джонни Деппу, Хелене Бонем Картер и Энн Хэтэуэй и, конечно же, благодаря фамилии и самого режиссера. Сказка Бертон по мотивам известной книги Льюиса Кэрролла не придумана, не создана, а сделана. Такое впечатление, что его сконструировали по заранее разработанному специалистами бизнес-проекту, чтобы максимально зацепить и взволновать многомиллионную целевую аудиторию.

Обратите внимание вот на что. Джонни Депп наверняка приглашен в фильм специально для девушек и дамочек всех возрастов, а актриса в главной роли — наоборот, никому не известна и никак не может оттягивать на себя внимание зрителей. Любая девушка, сидящая в зале кинотеатра, легко абстрагируется от главной героини и представит себя на месте Алисы. Мне кажется, именно для этого у главной героини выбелены брови, уничтожены ресницы, а также характер, всем давно привычная кэрролловская индивидуальность.

Алиса Бертон похожа на тысячи голливудских героинь второго плана. У этого главного персонажа нет почти ничего, кроме бледненького платья и одной неуместной и невнятной сцены стриптиза. Это и не Алиса вовсе, а только что размороженный полуфабрикат, Алиска Бертон. Забавно, что и в рекламной компании этого фильма Алиса почти не упоминается. Нам расписывают три образа, три совершенно разных характера: Хелена Бонэм Картер — королева Червей, Энн Хэтэуэй — Белая королева и Безумный шляпник Джонни Депп. Эти персонажи выглядят гротескными и запоминающимися. А вот Алисы в фильме словно бы и нет. Так, мелькает перед нами моль какая-то недобитая.

Почти сразу становится понятно, что перед ними продукт, выполненный по технологии, заранее просчитанный математически, и он «обречен на успех». Да, так и получилось, по сборам от просмотра фильма «Alice in Wonderland» Тима Бертона обошла «Аватар», хоть как-то создающий фантастическую, волнующую реальность на экране.

Визуальный ряд «Алисы» эффектными кадрами так и не смог порадовать зрителя, хотя, рекламные материалы фильма выглядят изысканными и утонченными для непосвященного в секреты высокого искусства зрителя. Нам опять предложили лишенный глубокого смысла ширпотреб, жвачку для мозга — отлично разрекламированную, недорогую, на съемки которой ушло всего 40 дней. Глянец и «зрелищность» фильму обеспечили CG-аниматоры, специалисты по motion-capture и 3D. Сколько дней создавались спец-эффекты? На это ушло примерно от двух до двух с половиной месяцев. Вот как чудовищно мало времени надо потратить, чтобы получить имитацию желанного для многих умного, талантливого кино. «Нам стыдно, простите нас!» — слышится мне почти в каждой реплике персонажей фильма. И ещё вот что: «Аттракцион века! Алиса оттенит вашу природную красоту! Просмотрев фильм, почувствуйте себя королевой!»

Чахоточный образ Алисы рассчитан на девушек, а вот зачем эту сказку смотрят некоторые мужчины, для меня загадка. Хотя, и для сильного пола творческой группой фильма приготовлены сюрпризы — плоские шуточки на сексуальные темы. Интересно, об этом рассказывается в какой-нибудь рекламе?

С первых же кадров фильма заметны неловкие попытки Бартона заигрывать со зрителем, используя давно избитые кино-штампы. Например, погоня, что организовала для Алисы гусеница. Неуклюжее чудовище несется, словно паровоз, разметая вокруг себя всё, к чему прикасается. Зачем эта погоня нужна? Нелепо же, неубедительно, долго, нудно! Так нужно — требует от Бартона технология создания коммерческого продукта, и он идет у неё на поводу. Да, это была первая нудная погоня, что я видела в кино за всю свою жизнь. Такое не забывается, поверьте. Очень хочется теперь начать коллекционировать нелогичные, унылые сцены из фильмов как ещё один вариант кино-ляпов.

Всё время, пока смотрела фильм, я старалась понять, зачем нужен этот фильм мне, другим зрителям? Для чего режиссеру и всей его команде понятно — миллионов по-быстрому подзаработать. И наконец, придумалось, к чему можно приложить тяжелый опыт борьбы со сном, пока я изо всех сил терпела эту поделку Бартона. Я пришла к нескольким мыслям. Хочу ими поделиться, вдруг и вам они пригодятся.

Первая. Даже самый коммерческий продукт может быть откровенной гадостью, и поэтому не стоит упираться в существующие технологии создания подобного продукта. Технологии создания коммерческого фильма, книги, чаще всего годятся, чтобы сначала сэкономить деньги, а потом продать воздух, пустышку, и пасуют, если речь идет о создании произведения искусства. Вторая. Искренность и коммерция сегодня пока не совместимы. Если вы хотите написать рассказ, стихотворение, открываете крышку роля, чтобы сочинить музыку к песне, то лучше не думать о целевой аудитории и будущих продажах. Третья. Книга пока ещё лучше и сильнее её экранного воплощения. Впрочем, этот факт мы знаем давно. Неудачных экранизаций хороших книг мы можем вспомнить сотни, если не тысячи.

И вот он, ожидаемый эффект от фильма «Alice in Wonderland»: придя домой из кинотеатра, выбросив из головы страшных, монструозных персонажей Бартона, мы ещё раз открываем книгу Льюиса Кэрролла, рассматриваем любимые иллюстрации и встречаемся с нашей, настоящей Алисой. «Привет, Алиса, мы по тебе скучали. Ты как?»

Ольга ТАИР

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ АПРЕЛЬ

Весна — время пробуждения от зимней спячки и пора всеобщего расцвета. И это относится не только к тополям за вашими окнами и певчим пташкам, но и к культурной жизни столицы. Три фестиваля, охватывающих обе столицы и другие города России.

Ледоколом зимнего застоя является, безусловно, фестиваль «Золотая маска», в одиннадцатый раз знакомящий москвичей с жемчужинами российских и зарубежных постановок последнего года. Фестиваль начался ещё в феврале и завершится 16 апреля церемонией вручения наград в Гостином дворе. Последняя неделя, пожалуй, самая насыщенная — примерно по семь спектаклей разных жанров и направлений в различных театрах Москвы, днём и вечером. Успеть вскочить на последнюю подножку трамвая определённо стоит — когда ещё вы сможете насладиться таким разнообразием вкусовых оттенков, присущих спектаклям разных стран, режиссёров и направлений? Вот вам «Песочный человек» — мрачная гофманская сказка,

переведённая на балетный язык штутгартским хореографом Кристианом Шлуком для Латвийской Национальной Оперы. Балетная постановка сочетается в себе редкую изысканность с глубоким философским осмыслением того влияния, которое «Песочный человек» оказал на мировую литературу, а за ней — на театр и кинематограф. Вот пермская «Калека с Инишмана», пронизанная ирландским духом, который режиссёр Сергей Федотов смог перенести из романов МакДонаха на подмостки «Театра у моста». В этом году Пермь щедро одарила московских театралов. В музыкальном театре имени К.С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко мы можем увидеть сразу два спектакля Театра/ оперы и балета им. П.И. Чайковского. «Медея» — балет, перенесённый хореографом Юрием Посоховым из Америки на пермскую труппу. Нужно отметить, что присущая русским танцовщикам глубина чувств и понимания того, что они танцуют, не могла не изменить постановку, придав воплощённой красоте греческого мифа драматизм и некую долю психологизма. Второй спектакль — опера — событие исключительное и абсолютно уникальное не только для России, но и для всего мира. Проза Солженицына «Один день Ивана Денисовича» переносится на сцену и становится музыкальным произведением! Трудно представить, но ни одного слова автора постановщики не изменили, да и зачем, если — согласно их мнению, — текст Солженицына невероятно музыкален. Композитор Александр Чайковский говорит о невероятном вдохновении, охватившем создателей — он сам написал музыку всего за два месяца, что является удивительно коротким сроком для работы подобного объёма. Мировая премьера представлена в шести номинациях и претендует на звание лучшего спектакля. Из событий последней недели «маски» нельзя не отметить и спектакль прошлогоднего победителя в номинации «Эксперимент» — Liquid Theatre. На этот раз театр представляет свой сперва предназначавшийся для городских парков перформанс «Antidot» — протест против офисной серости и манифест возвращения к природе, безусловно самое яркое событие программы «Russian case». Среди классических спектаклей стоит упомянуть «Игроков» омского Театра драмы — очень сильный драматический спектакль с лучшими артистами театра, особенность и интерес которого заключается ещё и в том, что он удивительно актуален для современного зрителя: безудержная страсть к деньгам, погоня за прибылью, готовность на любой поступок для достижения своих целей — всё это как нельзя лучше описывает современное меркантильное общество, хотя описывалось это саркастическим языком Гоголя сотни лет назад.

Не успеют номинанты «Золотой маски» получить награды, как в Москве, 4 апреля — по истечении Великого поста, стартует «Пасхальный фестиваль», который завершится только в начале мая, в День Победы. Откроется фестиваль почти одновременно в храме Христа Спасителя и в Большом зале консерватории, где Хор Шведского Радио и Симфонический оркестр Мариинского театра представят «великую мессу» И.С.Баха. За пультом — Фредрик Мальмберг. Вечером там же состоится Торжественное открытие фестиваля под руководством бессменного маэстро Гергиева. Среди обширной симфонической, камерной и хоровой программ трудно выбрать какие-то особые события. Однако, учитывая доступность мероприятий (множество концертов являются благотворительными, кроме того, значительная часть событий «Пасхального фестиваля» проводится в церквях), можно с уверенностью рекомендовать посетить максимальное количество концертов. И всё же нельзя не упомянуть про концертное исполнение оперы «Троянцы» солистами, хором и Симфоническим оркестром Мариинского театра под управлением Валерия Гергиева, а также про вечер в Большом зале консерватории 12 апреля. Здесь зрителям представят Хоровую симфонию-действие «Перезвоны» В.Гаврилина под управлением Андрея Петренко, а также шедевр Петра Чайковского —

• СЦЕНОГРАФИЯ

симфонию №6, «патетическую», которую сам композитор считал вершиной своего творчества. За пультом Валерий Гергиев.

Из событий апреля нельзя не отметить очередную премьеру 234 сезона Большого театра – «Ромео и Джульетту» в постановке Ю.Н. Григорovichа. «Капитальное восстановление спектакля» — гласят афиши. Возникает, конечно, вопрос, отчего бы не «восстановить» версию Леонида Лавровского, считающуюся во всём мире образцовой. Есть предположения, что главный театр страны сможет позволить себе две постановки «Ромео и Джульетты» (как позволил себе две «Тщетных предосторожности»), и вторая будет поставлена уже на Основной сцене для лучших артистов труппы, в то время как в готовящемся спектакле будут задействованы молодые силы. В последнее время ГАБТ всё чаще восстанавливает порой совсем забытые спектакли и возвращает к жизни балеты, которые, казалось бы, должны были исчезнуть по идеологическим соображениям. Кроме того, сейчас в моде балет современный, за который так боролся бывший худрук Ратманский. Однако с приходом нового худрука – Юрия Бурлаки – стало ясно, что театр берёт курс на возрождение своего исторического прошлого, и основным пунктом этой задачи является, безусловно, возвращение на сцену спектаклей, составлявших ранее славу театра.

Кроме того в главном театре страны 18 апреля в балет «Жизель» вместе с солисткой Большого театра Натальей Осиповой выступит артист Американского театра балета Дэвид Холберг. Они уже танцевали этот балет вместе, но для американских зрителей. Теперь возможность увидеть этот удивительный дуэт есть и у нас. Однако появление Дэвида Холберга – звезды американского балета – в Москве не случайно, он приезжает вместе с другими знаменитостями со всего мира на X Международный фестиваль балета в Петербурге, который пройдёт с 15 до 25 апреля на сцене Мариинского театра. В фестивале примут участие Алина Кожокару (Королевский оперный театр Ковент Гарден), Даниил Симкин (Американский театр балета), Полина Семионова (Берлинский государственный балет), Матье Ганьо (Парижская опера), Светлана Захарова, Мария Александрова, Наталья Осипова, Андрей Уваров (Большой театр), Ульяна Лопаткина, Диана Вишнёва, Алина Сомова, Виктория Терёшкина, Екатерина Кондаурова, Игорь Зеленский, Леонид Сарафанов, Андриан Фадеев, Владимир Шкляров (Мариинский театр).

По традиции фестиваль должен открыться премьерой, и в этом году мы увидим один из самых востребованных спектаклей последних лет – «Анна Каренина» Алексей Ратманского. Премьерные спектакли исполнят примы Мариинского театра Диана Вишнёва (15 апреля) и Ульяна Лопаткина (16 апреля), а их партнёрами станут соответственно Андриан Фадеев и Юрий Смекалов.

Одним из важнейших событий фестиваля станет вечер молодых хореографов 23 апреля, где три молодых и талантливых хореографа (Эдвард Льянг, Эмиль Фаски и Юрий Смекалов) покажут одноактные спектакли, поставленные ими специально для лучших солистов Мариинского театра: Екатерины Кондауровой, Виктории Терёшкиной и Леонида Сарафанова.

Ещё одна премьера фестиваля – знаменитая «Кармен-сюита» Бизе – Щедрина в хореографии Альберто Алонсо. Майя Плисецкая, первая исполнительница партии Кармен, вторично приложила усилия к созданию этого балета – теперь на сцене Мариинского театра, где этот балет ставится впервые. Премьеру станцует другая балерина международного масштаба – Ульяна Лопаткина. Подобное мероприятие не останется без внимания зрителей не только из Петербурга – сотни балетоманов со всего мира съезжаются в город на Неве, чтобы увидеть этот поражающий своей роскошью фестиваль международного масштаба.

Вероника САФОНОВА

• ИСТОРИЯ ПЕСЕН

“JASON CREST” И ЕЛИСЕЙСКИЕ ПОЛЯ ДЖО ДАССЕНА

История этой удивительной группы, ярких представителей британской поп-психоделии шестидесятых, началась в 1964 году в Кенте, в маленьком городке Торнбридж. Юный Терри Кларк учился играть на барабанах, и естественно, хотел играть в группе. В процессе поиска братьев по духу он наткнулся на другого Терри – Добсона, который тусовался с гитарой в клубе «Teen and Twenty». Если Кларк не сочиняет (проверить это мы по объективным причинам не можем), у Добсона была какая-то странная гитара – с тремя струнами. Я так и не понял – то ли это какая-то экспериментальная модель, на большее количество струн не рассчитанная, то ли Терри пропивал все карманные деньги и никак не мог купить дополнительные струны, то ли Торнбридж был такой дырой, что струн купить было просто негде. Так, или иначе, но двое новых друзей решили, что трех струн для того, чтобы лабать крутые соло, в принципе, достаточно. Чуть позже были найдены басист Рон Фаулер и Дэйв Тиффин с полноценной шестистрункой. Как гласит легенда, отчаявшись придумать себе интересное название, ребята напились в дрободан (а в 15-16 лет только повод дай – сами знаете) и кто-то родил монструозное The Spurluweeves, которое за ними и закрепилось.

После репетиций и нескольких выступлений по пабам, ребята отравились участвовать в конкурсе «Алло, мы ищем новых «Битлз» или Get With It», проводившемся газетой... Назовем ее, допустим, «Кентский Комсомолец». Конкурс, проходивший, в несколько этапов, принес им известность в масштабах графства. А самое главное – Кларк был впечатлен игрой некоего совсем уж пацана из лузерской группы с лузерским названием «Charlotte Black». Пацан, по имени Дерек Смолкомб, сменил незадачливого Тиффина. И вообще ребята решили, что одной гитары им вполне хватит – Добсон, отложив свою невнятную трехструнку, пересел за орган. Кроме того, Кларк решил, что ему неудобно одновременно петь и барабанить. Из группы Tony's Defenders, которая тоже не дошла до финала, был украден ударник Роджер Сиггери. В этом составе ребята выступили в финале конкурса, выиграть не выиграла, но всё-таки пошли в студию и записали первую пластинку с кавером на известный госпел «Amen». До нашего времени эта запись либо не дошла, либо, скорее всего, кто-то из музыкантов ее, как говорится «зажал» у себя дома.

Ребята продолжали репетиции, но к 1966 году решили, что, пожалуй, хорошо бы название сменить, а то как-то совсем не так получается. Новое название The Good Thing Brigade появилось при примерно таких же обстоятельствах, как и первое, и семантика его также была окутана глубокой тайной. Наступали новые дни, Psychedelic revolution. Ритм-н-блюзовые и соуловые каверы в репертуаре стали вытесняться авторскими композициями дуэта Кларк/Добсон. Выглядеть друзья стали по-другому: на смену строгим костюмам и аккуратным прическам пришли шевелюры, бороды, колокольчики, бусы, разукрашенные цветами кафтаны. Наконец, у группы появился свой агент, они стали ездить в Лондон и играть на разогреве у звезд вроде The Moody Blues и The Who.

В сентябре 1967 года в газете The Kent Courier появился материал под названием, вольный перевод которого звучит как «The Good Things не переживают, если немного залажают» (а чего, в самом деле переживать?), проиллюстрированное огромным фото ребят, на котором они вы-

• ИСТОРИЯ ПЕСЕН

глядели так, как будто посадили все сбережения в каком-нибудь бутике на Карнаби-стрит (это было не так уж далеко от правды). Терри Кларк заметно нервничал, пытаясь понравиться старорежимным читателям газеты, среди которых, естественно были его родители (не забывайте, что нашим героям еще не было 21 года): «Ну, мне, конечно, нравится, как хиппи одеваются, а до их идеологии мне дела нет». Барабанщик Роджер Стиггери говорил более по делу: «Нас не сильно беспокоит вопрос «чистоты игры». Для нас важно, чтобы публике нравилось выступление в целом – нам хорошо, если зрители уходят счастливыми с нашего концерта». Впоследствии, при общении с представителями звукозаписывающих компании подобная откровенность («А кто не лажает? Назови!») сослужит группе плохую службу. Но пока они не думают о том, что жестокости и цинизма в мире шоу-биза не так уж и мало – они молоды и занимаются любимым делом. Казалось, всё будет замечательно.

Как говорила тетя одного известного музыканта, «гитара – это хорошо, но жрать-таки надо». Все работали. Терри Кларк устроился водителем фургона. Выехал из дома дождливым утром в понедельник, во время ланча зашел пропустить рюмочку... И еще рюмочку... И еще... И еще... и ещееее... К вечеру Терри был опять безработным. «Да иди оно всё... Скоро мы прорвемся», – думал он.

И как, ни странно, оказался почти прав. В ноябре 1967 года на концерт The Good Things Brigade попал менеджер EMI. Звали его Тимоти Майлс Биндон Райс. Тиму ребята понравились и он предложил им записать демо. Однако накануне похода в студию ребята получили еще одно предложение, от которого не смогли отказаться. И зря – пойдя они на прослушивание в EMI, всё могло бы сложиться по-другому. Бывший участник группы Four Pennies Фриц Фрайер работал менеджером Philips и тоже активно искал таланты. Пораженный высоким качеством и непосредственностью авторского материала группы, он предложил им не просто прослушивание, а целый контракт, и был еще более поражен тем, как все в один голос согласились, не дав ему даже закончить фразу.

Прежде чем начать записывать дебютный сингл, друзья решили в очередной раз сменить название – всё же они теперь артисты крупного лейбла, положение обязывало. В числе песен, написанных Кларком и Добсоном, была «The Collected Works of Justine Crest», посвящение некоему вымышленному автору. Имя Джастин никому не нравилось, начали перебирать похожие и... Славная когорта никогда не существовавших в действительности британских музыкантов пополнилась мистером Джейсоном Крестом.

Во время первой сессии звукозаписи было записано семь вещей. Первоначально Фрайер планировал выпустить на сингле King of The Castle, в которой он углядел отголоски лирических вещей The Who, однако предпочтение было отдано новой композиции с завораживающим соло на органе Farfisa и сюрреалистическим текстом: «Бирюзовый велосипед-танDEM, резиновые кольца-колеса, хор тихих голосов, книга молчаливых гимнов». Сингл с этой жемчужиной британской психоделии, превосходно спродюсированный Фрайером, вышел в январе 1968 года и всячески рекламировался, как первый хит первой в новом году группы-открытия. Однако... Несмотря на доброжелательные рецензии, сравнивавшие новичков с Procol Harum и Tomorrow (один критик, правда, язвительно проехался по тексту, содержащему в частности слова упоминание underwater fish «подводных рыб» – а действительно, встречали вы других рыб? я вот нет) и активное проигрывание на немногих выживших пиратских станциях, сингл продавался плохо. Песня была слишком медленной и чересчур странной даже для того экстен-

тричного времени. Больше хитовости было в би-сайде Good Life – такой типично британской песне, которую хорошо орать хором в пабах. «Джейсоны» успокаивали себя тем, что их первый сингл был признан высоко оценен профессионалами в области звукозаписи. Представители Philips также не сильно расстроились, вспомнили что-то там про первый блин и вскоре музыканты вернулись в студию.

И опять получилась незадача. Следующим синглом должна была стать My House Is Burning. Но только «Джейсоны» собрались записать окончательную версию, как на Regal Zonophone вышла песня про пожар, в которой использовались звуки пожарной сирены. Тогда вместо My House Is Burning на сингле вышла Juliano The Bull – менее замысловатая, зато ее тоже было удобно петь хором. Эта вещь, с интересной гитарной работой Смоллкомба, очень понравилась самому Джону Пилу, который постоянно крутил ее. Но би-сайд Two By The Sea, в лучших традициях «Джейсон Крест», был намного удачнее заглавной вещи пластинки.

«Джейсоны» стали широко известными в узких кругах героями андерграунда. Часто играли живьем на Radio One, исполняя помимо собственных вещей, совсем уж странные переделки таких вещей, как California Dreaming. А вели себя и вовсе по-панковски. Однажды босс Radio One Джонни Бирлинг получил письмо возмущенного слушателя, который якобы слышал, как один из этих мерзавцев рыгнул-де в прямом эфире. Страж капиталистической законности предлагал навсегда отстранить группу от эфира, но, по счастью, Бирлинг был человеком прогрессивных убеждений и никаких дисциплинарных взысканий с его стороны не последовало. Роджер Стиггери до сих пор гордится тем, что сделал ЭТО.

Тем временем руководство Philips решило, что раз если уж новые звезды так и не могли разродиться хит-синглом, то надо обратиться за поддержкой к старым коням, которые борозды не испортят. В этом случае старого коня звали Рой Вуд, а песня называлась (Here We Go Round) The Lemon Tree. По легенде, Рой даже подыграл JC на виолончели, однако сами музыканты этот факт отрицают и я им верю: Рой тогда только начал учиться играть на виолончели.

Кавер получился фрикбитовый, пожестче оригинала. Струнные тут (в отличие от версии The Idle Race, записанной тогда же, но в Англии не вышедшей – Джефф Линн категорически отказывался от популярности в роли лидера кавер-группы), присутствуют, но виолончель достаточно припанкованная. Что не есть плохо, а даже наоборот! Би-сайд музыкантам тоже не дали написать. Жалостливую балладу Patricia's Dream написали продюсер Фрайер и его друг Дэвид Сэндисон.

Вы уже можете догадаться, что этот сингл тоже провалился. Для того, чтобы поправить положение, было принято решение отправиться на гастроли в Европу. На континенте хорошо принимали всех британских музыкантов, независимо от их популярности на родине. Тур по Скандинавии и ФРГ был запланирован на начало 1969 года. Но тут не выдержал басист Фаулер. Увидев, что звезд из них не получается, он решил, что наигрался в эти игры и ушел из музыки совсем. На смену ему пришел старый друг Роджера Джон Селли.

Отправляясь в тур, музыканты заготовили несколько треков, которые можно было бы выпустить в случае, если «джейсонкрестомания» таки разразится. В таких вещах как эпическая переделка You Really Got A Hold On Me или Teagarden Lane, чувствуется явное влияние раннего псих-прога Procol Harum и Vanilla Fudge. Сами музыканты ставили на композицию Black Mass, с текстом, представляющим попытку сатирического взгляда на оккультизм. Судя по тому, как развивались дальнейшие события, кто-то жестоко усмехнулся. Не дьявол, так история.

Philips решили не рисковать с «Мессой» и для следующего сингла была выбрана также вещь стороннего автора. Впрочем, музыкантам был обещан выпуск полноценного альбома в случае успеха этого сингла. Даже название придумали – The Senile Mysteries of Black Mass, и дизайн обложки. Бывший коллега Фрайера по Four Pennies Марк Уилш написал песню Waterloo Road, в которой на простую и привязывающуюся мелодию был положен неприятный рассказ о том, как герой идет по одной Ватерлоо-роуд, встречает девушку, идет с ней к ее друзьям, они вместе тусуются, поют песни, пис-лав-бубльгум, короче. И автор, и продюсер почувствовали в песне потенциальный шлягер, убедили музыкантов ее записать (даже чуть-чуть поощрили материально), что те и сделали.

Часть дублей записывалась прямо на улице – возле центрального офиса Philips на Стэнхоуп-Плейс. В январе 1969 года бдительные граждане как-то особенно мешали музыкантам (хотя считали наоборот – что музыканты мешают им). Помните, как одна группа решила той достаточно теплой зимой сыграть концерт прямо на крыше своего офиса и чем он закончился? Полиция приехала и к Jason Crest, и, во избежание проблем, им пришлось вернуться в студию...

А потом случилось то что случилось. Фрайер оказался прав и песня действительно переживёт века. И вы все её знаете, даже если о группе Jason Crest слышите впервые. «Мы почувствовали, что выпуск этого сингла был ошибкой уже тогда, когда узнали о том, что Миссис Миллс решила сделать кавер этой вещи на своем очередном альбоме». В это же самое время в Париже Джо Дассен готовился записывать новую пластинку. Перед записью пластинки Джо обычно отслушивал 2-3 тысячи песен со всего света, придирчиво отбирал 12-15 и записывал. Yeah, it worked! Песня Джо чрезвычайно понравилась, ее перевели на французский, Ватерлоо-роуд поменяли на Шан-Зелизе, вуаля. Композиция стала мегапопулярной по всей Европе, как в странах НАТО, так и Варшавского Договора. В это время наши герои играли в Гамбурге, денег было мало, с моря дул холодный ветер. Представляете себе, какие эмоции должны были они испытывать, наблюдая за тем, как полмира подпевают песне, написанной специально для них, а про них и слышать не желает? Неудивительно, что они ненавидят этот сингл и чуть было не запретили включать его в компиляцию, изданную в девяностые.

Это было началом конца. Терри Кларк замкнулся в себе, пытаясь докопаться до причин тотального невезения группы, которой прочили большое будущее. Остальные относились к произошедшему философски – «бери от жизни всё, что возможно»: концерты – есть? Есть. Ходят на них? Кто-то пока ходит. Ну, вы понимаете. В июне вышел последний сингл A Place In The Sun. Свет, беззаботность, вера в счастливое будущее сменились тоской и апатией. Стихи Терри Кларка отражают его собственную внутреннюю опустошенность: «Я так долго был одинок... я ищу свое место под солнцем...

место под солнцем, где было бы хорошо». Кларк был разочарован во всем и всех, и что самое неприятное – в остальных музыкантах.

Этот прекрасный сингл, показавший выросший потенциал Кларка, как автора и аранжировщика, также провалился. Би-сайдом была злосчастная «Месса». Контракт с Philips закончился. Фриц Фрайер записывал новую группу The Open Mind – на них пока еще не стояло клеймо законченных неудачников. Что было делать дальше? Родилось решение – вернуться в Гамбург, где их, как и любую английскую группу, принимали с удовольствием, и там предаться всяческому гедонизму. Только один голос был против. Это был голос Терри Кларка. Решив, что пользы от их теперь уже экс-лидера – как от козла молока, четверка, рекрутировав на вокал Брайана Преббла, некогда бывшего фронтменом The Riot Squad (группы, где в качестве саксофониста скромно подвизался мальчик Дэвид, тогда еще не Боуи), и усилив состав вторым гитаристом Брайаном Беннетом, уехала в Гамбург, оставив Кларка в состоянии глубочайшего психологического кризиса на фоне кентских холмов.

Отвергнутый группой, в которую он вложил всю душу, Кларк предавался тоске и пьянству. Увидев объявление о том, что ВИА Orang Utan ищет вокалиста, Терри отправился на прослушивание. В этом коллективе он продержался полгода. Группа записала один альбом, вполне себе хардовый хард с налетом психоделии, однако не смогла выпустить его на родине и он вышел в Штатах. По мнению знатоков (сам я не слышал эту пластинку), на этом LP присутствуют чуть ли не самые совершенные вокальные партии за всю карьеру Кларка. Однако сам он их ставит не слишком высоко, что вполне понятно.

Пока Кларк из всех сил косил под Пола Роджерса, его коллеги вернулись домой, переименовали себя в High Broom, выпустили неплохой сингл Dancing in the Moonlight, но альбом так и не смогли выпустить. Кажется, он по сей день не вышел. Так закончилась история Jason Crest. Если не точкой, то многоточием. После этого Джон Селли вернулся в Гамбург, женился на девушке, с которой познакомился во время работы там и стал играть с Les Humphries Singers, прогремевшими по Европе с Mammy Blue. Гитарист Дерек Смоллкомб присоединился к Samuel Roddy – как часто бывает с хард-рокерами, эта группа смогла выпустить свой единственный альбом только в ФРГ. Пребл, Беннет и Добсон создали трио Montage – своего рода «наш ответ» Кросби, Стилзу и Нэшу. Но их единственный альбом тоже не был выпущен... К середине 1971 года Терри Кларк помирился со Смоллкомбом и ударником Сиггери. Эта троица основала Holy Mackerel, позиционировавшуюся как «главную британскую группу кантри-рока». После того, как обанкротился инди-лейбл, Santa Ponsa, на котором они издавались, имена наших героев перестали появляться на страницах музыкальных изданий.

● ИСТОРИЯ ПЕСЕН

Вспомнили о них на волне всплеска интереса к психоделии и фрик-биту уже в восьмидесятые, тогда-то группа и приобрела статус культовой. В 1998 году все сохранившиеся записи JS были изданы на CD. Информация о том, чем занимаются музыканты сейчас, крайне скупа. Собственно говоря, единственное, что я знаю — то, что они все живы. Также пока не удалось узнать — были ли у них концертные реюньоны. Студийных однозначно не было.

Причина, по которой эта великолепная, на мой взгляд, группа, не добилая особого успеха — та же, что, увы, у очень и очень многих представителей той славной эпохи: идеализм и отсутствие коммерческой жилки. Мне такие люди чрезвычайно симпатичны, я и сам такой, но... Если группа хочет быть как Rolling Stones, в ней, прости Господи, должен быть свой Мик Джаггер, который не просто так учился в Лондонской школе экономики. Иначе...

Для JS фатальной ошибкой стало решение о контракте с Philips. На конец 1967 года это был самый консервативный из гигантов британского рынка звукозаписи. В то время как EMI и Decca отдали целые подразделения (Regal Zonophone и Deram соответственно), на откуп модам и психоделикам, «филипповцы» плохо представляли себе, с чем имеют дело и им, с одной стороны, хотелось занять себе что-нибудь Эдакое, с другой — «срубить бабла». Малограмотный менеджмент привел к тому, что бабла особого не срубили, а хорошую группу погубили.

Впрочем, мышление в категориях «успеха/неуспеха» на мой взгляд, глубоко порочно. Мне кажется, что каждый человек обязательно найдет Свою Музыку, какой бы малоизвестной широкой публике она не была. Если эта музыка — Его. Неисповедимы пути Господни.

Илья МОРОЗОВ

ВАТЕРЛОО-РОУД

Марк Уилли

Иду по улице один, смотрю, девчонка впереди,
И я спросил: «Куда ты?», она сказали: «Пошли!».
Идём по авеню вперёд, вокруг тусуется народ,
В неспешных разговорах проводя свои дни.

О, Ватерлоо-роуд! О, Ватерлоо-роуд!
В будний день, в уик-энд, ночью, днём или нет —
Всё, чего ждёшь, произойдёт на Ватерлоо-роуд.

Нам попался парень, бренчавший на гитаре
Всю ночь в каком-то клубе с девяти до пяти,
Играл он как попало, но песня так цепляла,
Что мы, вскочив, запели хором этот мотив.

О, Ватерлоо-роуд! О, Ватерлоо-роуд!
В будний день, в уик-энд, ночью, днём или нет —
Всё, чего ждёшь, произойдёт на Ватерлоо-роуд.

Ну вот, проснулись птицы, пора бы возвратиться,
Уже рассвет, охота спать всем, как ни крути.
Я помню твои руки, я слышу эти звуки,
Пошли скорей на авеню петь этот мотив!

О, Ватерлоо-роуд! О, Ватерлоо-роуд!
В будний день, в уик-энд, ночью, днём или нет —

Всё, чего ждёшь, произойдёт на Ватерлоо-роуд.

Перевёл Алексей КАРАКОВСКИЙ

Комментарий переводчика

Решение перевести на русский язык текст песни «Ватерлоо-роуд» у меня созрело мгновенно по прочтению статьи Ильи Морозова. К счастью, оригинальный текст нашёлся быстро и оказался совсем несложным. Всё, что мне потребовалось — лишь перенестись на несколько часов в чудесную атмосферу шестидесятых годов, эпохи любви и цветов, да припомнить несколько типичных для тусовки разговорных выражений.

В общем контексте эпохи песня поражает своей пуританской (в хорошем смысле слова) чистотой: в ней нет ни слова о наркотиках, ни слова об алкоголе, и даже любовная линия едва обозначена (забегая вперёд, скажу, что у Джо Дассена эта тема подана более явно, у меня менее, а у англичан и вовсе сведена к полунамёкам). Добрая искренняя песня о хипповской тусовке, о дружбе и любви, без лишнего пафоса, без всякого намёка на пошлость как по смыслу, так и по форме. И даже голос вокалиста Терри Кларка звучит трогательно взволнованным.

Признаться, мне и самому было, что вспомнить о юности. Мы носили фенечки до локтей, бродили по улице до самого заката, проводя досуг тем, что пели песни или просто разговаривали на отвлечённые темы, которые уже и не вспомнить. Тем забавнее, что лучшую песню о хиппи и об Арбате я услышал не в пятнадцать лет, а в тридцать один, и написали её какие-то почти неизвестные мне британцы... Чтобы, как говорится, «закончить гештальт», остаётся только её спеть на Арбате и, если получится, пустить «Ватерлоо-роуд» в народ именно там.

По-моему, в наше время эту песню знают наизусть все, кто когда-либо учил французский язык. К сожалению, я не отношусь к этой категории творческого населения, но когда мне попался подстрочник перевода с французского варианта песни, я имел возможность убедиться, что изначальный смысл английского текста в нём заботливо сохранён, и лишь некоторые акценты передвинуты — да и то, по-видимому, вынужденно. Но как бы то ни было, получается, что этот русский текст может считаться переводом как с английского, так и с французского варианта песни. За исключением пассажа с Елисейскими полями, конечно — но разве это важно? Ведь главное что? Конечно, Любовь!..

В общем, дамы и господа, пойте с нами «хором этот мотив»!

Алексей КАРАКОВСКИЙ

ГРЭЙЛ МАРКУС. ПОСЛЕДНИЙ КОНЦЕРТ “SEX PISTOLS”

Из книги «Следы губной помады» («Lipstick traces»)

Продолжаем публикацию глав перевода книги Грейла Маркуса «Следы помады: Тайная история XX века» (1989) — с разрешения переводчицы Александры Умняшова. Для более основательного знакомства с текстом произведения мы рекомендуем обратиться к блогу переводчика — gileec.livejournal.com.

Обломки его зубов были очень остры. Так казалось, когда Джонни Роттен грассировал своими rrrrrr; когда в 1918 году призывник-уклонист Рихард Хюльзенбек рассказывал утонченной публике, пришедшей послушать о новых тенденциях в искусстве, что «мы были за войну, дадаизм и сегодня за войну. Вещи должны сталкиваться друг с другом: необходимая степень жестокости еще не скоро будет достигнута» (цит. по: Хюльзенбек Р. Первая дадаречь в Германии / Альманах дада — М.: Гилея, 2000. С. 80. Пер. с нем. М. Шульмана); как в 1649 году Рантер Эйбизер Коппе написал в своем «Восторженном Пламенном Свитке»: «И сказал Господь: говорю тебе, Я ниспровергну, ниспровергну, ниспровергну»; как в 1961 году Ситуационистский Интернационал опубликовал пророчество, «предупреждение тем, кто строит руины: после архитекторов мы станем последними пещерными обитателями трущоб и гетто. И они узнают, как надо строить. Они, привилегированные жители городов-спален, умеют только разрушать. Можно многого ожидать от встречи этих двух сил: она станет началом революции».

Именно это слышалось, когда Джонни Роттен грассировал своими rrrrrr; или, во всяком случае, такое могло показаться.

В 1975 ГОДУ

В 1975 году подросток, которого станут называть Джонни Роттенем, превратил себя в ходячий плакат и прошагал по лондонской Кингс-роуд на край света — до конца улицы — в футболке Pink Floyd с подписанным сверху «Я ненавижу». Он выкрасил зеленым те ключья, что остались у него вместо прически, и гулял в толпе туристов, сплевывая на проходящих мимо хиппи, старавшихся не обращать на него внимания. Но однажды на него обратил внимание один делец, собравшийся организовать группу. Барабанщик так вспоминал прослушивание этого подростка, состоявшееся около музыкального автомата, в то время как паренек декламировал “Eighteen” Элиса Купера: «Мы подумали, что он нам подходит. Настоящий псих, настоящий фронтмэн. А потом началось: он знал, чего хочет и добивался этого. И мы тоже поняли, чего хотим. Хотя петь он не умел. Но нам это было не так важно, ведь и мы тогда только учились играть».

Может быть, у самозваного Свенгали — Малькольма Макларена, владельца бутика на Кингс-роуд — в голове и не было планов, что Sex Pistols могут быть чем-то еще кроме девятимсячного чуда, легкой наживы, шутки, *êpater la bourgeoisie*. Он нашел их на улице, снял место для репетиций, придумал нелепое и одиозное название, наговорил много всего о пустоте поп-музыки и о перспективах безобразия и противостояния, уверил, что у них есть отличный шанс наподдать шороху и что у них есть на это полное право. Если бы ничего не получилось, из них могла бы выйти еще одна реклама его магазина, которому всегда нужна новая реклама; перед тем, как в 77-м остановиться на Seditonaries, Макларен в 71-м назвал свой бутик Let It Rock — тогда там продавались одежда для тедди-

боев и старые сорокапятки; потом, в 73-м — Too Fast to Live Too Young to Die, где можно было найти одежду для байкеров и прочие молодежно-бандитские реквизиты; наконец, Sex в 74-м, переориентированный на ремни и прочие секс-аксессуары, а также футболки с надписями вроде «Боже храни Миру Хиндли», поминавшие женщину, которая вместе с Яном Бреди в 1963-64 гг. совершили «болотные убийства» — детоубийства, которые Хиндли и Бреди записывали на пленку в качестве художественной акции. А может быть, для студента художественного колледжа в шестидесятых, не проявившего себя в полной мере анархиста-провокатора и ставшего главным теоретиком и пропагандистом группы, Sex Pistols означали довести страну до ручки и вернуть то первое ощущение от “Great Balls of Fire” Джерри Ли Льюиса («Я никогда не видел ничего подобного — позже вспоминал Макларен, как его одноклассник пел эту песню на школьном вечере — я думал, у него голова отвалится»), чтобы соединить воедино музыку и политику, и изменить мир. Потрясенный майскими событиями 68-го во Франции, Макларен помогал организовать демонстрацию солидарности в Лондоне, а потом торговал футболками, украшенными лозунгами Мая — Я ПРИНИМАЮ СВОИ ЖЕЛАНИЯ ЗА РЕАЛЬНОСТЬ, ПОТОМУ ЧТО ВЕРЮ В РЕАЛЬНОСТЬ СВОИХ ЖЕЛАНИЙ — этот лозунг Enragés, небольшой группы студентов заговорщиков, начавших восстание, подбавил работоспособности скромным бизнесменам, стремительно раскупавших маклареновские комбинезоны. Макларен мог продать все: в конце 78-го, когда экс-басиста Sex Pistols Сида Вишеза арестовали за убийство своей подруги Нэнси Спэджен, Макларен тут же отпечатал майку с его изображением и надписью Я ЖИВ — ОНА МЕРТВА — ТЕПЕРЬ Я ВАШ (как объяснялось: с целью выручить денег, чтобы вытащить Сида из тюрьмы). А незадолго до этого, в 74-м, Макларен вместе с Джимми Рейдом финансировал выпуск «Покидая двадцатый век» Кристофера Грея — первой англоязычной антологии ситуационистов.

Он продвигал книгу, как мог. «Это несколько больше, чем просто современная интерпретация размышлений Маркса об отчужденном труде в категориях классовой войны», говорил Питер Урбан, менеджер The Dils, лос-анжелесской панк-группы (их первым синглом стал “I Hate the Rich”, после которого их конкуренты Vom записали “I Hate the Dils”). «Вроде того, — подхватывал Макларен — но гораздо сильнее. Что хорошего в этих слоганах, так то, как ты можешь их использовать, не состоя в какой-нибудь партии при каком-то движении. Закабаление в такого рода движении часто подавляет креативный подход, личную точку зрения и возможность проявить себя... А эти слоганы как раз на это и направлены. В них есть та потрясающая агрессия и заносчивость...». «Анекдот с бородой», парирует Урбан, игнорируя не только интересные умозаключения Макларена, но и наклейку на книге, где помещена цитата из рецензии Джона Бергера: «одна из самых понятных и безупречных политических формулировок шестидесятых». Рецензия Бергера называлась «Не услышанные пророки», и оказавшись что-то еще из нее на стикере, то разговор мог зайти гораздо дальше, а, может, и в тупик.

Дискуссия была помещена в майском номере лос-анжелесского панк-зина Slash; выпуск посвящался нескольким enragés (по-французски: маньяки, фанатики, сумасшедшие), которые десять лет назад пытались изменить жизнь. Посвящение было проиллюстрировано “une jeune femme que l’avenir inquiète trop souvent” («девушка, которую очень беспокоит будущее»), когда-то знаменитым постером коллектива Atelier populaire: на нем изображена молодая женщина, чья голова обмотана стерильной марлей, а губы намертво заколоты английской булавкой. Спустя десять лет это выглядело археологической находкой. Это было необычайное

• ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОЙ

возвращение в то странное время, когда пустячный конфликт в университетском кампусе в пригороде Парижа повлек за собой цепную реакцию протеста — когда сначала студенты, затем рабочие, потом служащие, профессора, медсестры, доктора, спортсмены, водители автобусов и художники не вышли на работу, а вышли на улицы, построили баррикады и вступили в противоборство с полицией; или вернулись на работу, распустили свои профсоюзы и превратили рабочие места в пространства для дебатов и критики, а стены Парижа украсились необычными лозунгами — когда десять миллионов людей сделали знаменательный поворот к застою современного общества. В своем бесподобном научном труде «Протест в Париже», посвященном Маю 68-го, Бернард Браун писал: «В беспорядке и суматохе майского восстания лозунги и студенческие кричалки являли собой стихийность масс и индивидуальное остроумие. Лишь спустя время стало очевидным, что такие слоганы —

Революция исчезает в тот момент, когда призывает к самопожертвованию • Запрещено запрещать • Ни бог, ни царь и ни герой • Долгой абстрактное, да здравствует сиюминутное • После бога искусство тоже умерло • Мы не хотим мира, в котором гарантия не умереть от голода связана с риском умереть от скуки • Club Med — дешевый отпуск за чужой счет • Не будем менять боссов, изменим жизнь • Никогда не работай • Шанс должен быть систематически изучен • Беги, товарищ, старый мир за тобой! • Будь жесток • Чем больше потребляешь, тем меньше живёшь • Живи без простоев • У тех, кто говорит о революции и о классовой борьбе, не имея при этом в виду повседневную жизнь, не понимая подрывного элемента в любовных отношениях и позитивного заряда в отказе от ограничений, — во рту мертвечина • Под бульжниками мостовой пляж.

— были фрагментами своеобразной и чарующей идеологии ситуационистских памфлетов... Именно эти тексты имели огромное значение для того, чтобы майские восстания вылились в протест против современного мира, забурливший смесью страсти, тайны и перво-данного». Президент Шарль де Голль в своем июньском обращении, которое помогло ему восстановить его власть говорил: «этот взрыв был спровоцирован несколькими группировками, бунтующими против современного общества, против потребительского общества, против технологического общества, — как коммунистического на Востоке, так и капиталистического на Западе — группировками, которым нечего предложить взамен, но которые услаждаются отрицанием». «Начало эпохи» — так называлась центральная статья двенадцатого и последнего номера журнала *Internationale situationniste* в 1969 году. Збигнев Бржезинский назвал это «Предсмертным хрипом отщепенцев истории».

В 1978 году, когда Бржезинский был советником президента США по вопросам национальной безопасности, а «Начало эпохи» — скверно переведенным на английский раритетом, читатели *Slash* праздновали условный юбилей Мая 68-го, хотя с таким же успехом они могли помянуть хит Gary US Bonds 1965 года “Seven Day Weekend”. Читатели имели возможность сравнить постер *Atelier populaire* с хорошо известным плакатом Sex Pistols «God Save the Queen», работы Джимми Рейда, где была изображена Ее Королевское Величество Елизавета Вторая с заколотыми булавкой губами. Связь была очевидной. Джон Бергер в 1975 году написал:

Революционные надежды 60-х, воплотившиеся в 68-м, теперь оставлены или невозможны. Но однажды они вспыхнут вновь, в чем-то другом, и воплотятся с другим результатом. Я имею ввиду лишь это,

я не предрекаю различий. И когда это произойдет, ситуационистская программа (или анти-программа) будет открыта как одна из самых понятных и безупречных политических формулировок того исторического десятилетия; и ее страшная мощь и выпущенная на волю несостоятельность отразятся самым экстремальным образом.

Будучи менеджером The Dils, Питер Урбан не интересовался такого рода извилистой сентиментальностью. Он говорил Макларену, что есть мир, который нужно завоевать, тактики уже сформулированы, идеология устоялась, так что вперед... Макларен прервал его: «Питер, как же тогда тебя занесло продюсировать группу, называющуюся «хуй»? Или «члены» — где здесь противостояние?»

The Dils были последователями Sex Pistols; я был на их концерте в 1979 году — беспомощная имитация, и не более того. К этому времени Нэнси Спэджен уже была зарезана, а Sex Pistols породили волну последователей по всему миру, многие из которых сами стали первооткрывателями в рок-н-ролле. Но как группа — и как проект, и как международный скандал — Sex Pistols просуществовали чуть дольше девяти месяцев; они дождались выхода в свет своей первой пластинки 4 ноября 1976 года и прекратили свое существование 14 января 1978-го в гораздо более ценном качестве, чем наследство, оспариваемое в суде — в тот день закончились их американские гастроли и Джонни Роттен покинул группу, заявив, что Макларен, жаждая славы и денег, предал все, ради чего затевались Sex Pistols. А ради чего они затевались? Для гитариста Стива Джонса, необразованного мелкого преступника, и барабанщика Пола Кука, помощника осветителя, это — девочки и веселье. Для первого басиста Глена Мэтлока, студента художественного колледжа и работника магазина Sex, это — поп-музыка. Для заменившего его наркомана Сида Вишеза это — положение поп-звезды. Джонни Роттен же до сих пор — несмотря на то, что он наговорил много всего (включая такой пассаж: «Стив может катиться и стать Питером Фрэмптоном» — тот не стал; «Сид тоже может катиться и кончить себя» — тот так и поступил; «А Пол пусть тоже валит и вернется на свою должность осветителя» — у того еще есть такая возможность) — так и не сказал, что это означало для него.

SEX PISTOLS

Sex Pistols назвали свое последнее выступление самым худшим в их карьере, но для пяти тысяч зрителей, заполнивших Winterland Ballroom в Сан-Франциско 14 января 1978 года, этот концерт оказался чуть ли не Судным днем — и вовсе не потому, что при входе евангелисты распространяли листовки следующего содержания: «Джонни Роттен есть каждый из нас, но высвободить его нельзя — его необходимо распять!»

Для самого Джонни Роттена это вряд ли могло быть в новинку: на одной из его самых известных фотографий он как раз запечатлен распятым на кресте. Вся английская субкультура, берущая начало в Sex Pistols, уже была объявлена мертвой тем, чей бизнес и состоял из того, чтобы делать подобные заявления: древним тайным обществом, рассеянным в газетных шапках и туризме. А может быть, изначально, панк и в самом деле был неким тайным обществом, но не оберегающим тайну, а ищущим ее разгадку, в смутном убеждении ее существования? И не был ли этот секрет однажды раскрыт, когда панк стал идеологией протеста и самовыражения — когда люди поняли, на что можно рассчитывать, когда они осознали, что могут получить, заплатив за вход, или как поступить, чтобы заработать деньги — когда история оказалась готова к новым примечаниям?

В США повсюду организовывались простейшие анклав (ночные клубы, фэнзины, магазины пластинок, полудюжина студентов, троица художников, девушка, рассматривающая в зеркале свою новую прическу) – хотя, может быть, меньше всего на это влияло волнение от прослушанного импортного и запрещенного (и стоящего 10 долларов) сингла “Anarchy in the U.K.”, а также чтение газет вкупе с телевизионным сюжетом о лондонской молодежи, раскрашивающей лица тем, что дома под руку попадет. Настоящие открытия происходили наобум, на пустом месте («весь этот мир изначально создавался людьми, которые пользовались случаем и оперировали путанными обрывками информации» – рассказывал основатель лос-анжелеского панк-сообщества) и для кого-то такие открытия, как новая походка или новая манера общения, подчеркивали противоречия повседневного существования на годы вперед и придавали новый интерес к жизни, гораздо больший, чем ранее.

«Теперь настало время аудитории тоже поучаствовать – сказал в 1976 году на сцене Джо Страммер из Clash, – я хочу, чтобы прямо сейчас все мне ответило на вопрос: зачем вы здесь собрались?» В то время как сами Clash дожидались выхода Sex Pistols на сцену Winterland, многие люди вокруг них тогда тоже задавались этим вопросом – почему их охватывает такое смутное и болезненное предвкушение. Среди всех историй, закодированных в том мгновении, по крайней мере, одна-то точно была предвкушением музыки; по сравнению с тем, что тайно содержалось в музыке, одна история почти не осознавалась – и вот с нее-то я и начну.

А ТЫ УЖЕ

“А ты уже видел Sex Pistols?” однажды в 76-м шепотом спрашивал Джо Страммер Грэма Паркера – это выглядело так, как будто бы он пересказывал какую-то сплетню и не хотел повышать голоса. Они были частью лондонской «паб-рок» сцены (Паркер подражал Уилсону Пикетту и The Temptations, а Джо Страммер шел по стопам Чака Берри и Джина Винсента) – еще одной тщетной попытки вернуть обрюзгшую музыку 70-х к своим корням. «Нет – ответил Паркер – Sex Pistols?». «Это нечто новое, парень, – говорил Страммер – это нечто новое».

Вскоре Страммер покинул свою ревайвл-рок-группу и организовал Clash. Когда друзья его спросили, почему, он ответил: «вчера мне казалось, что я – грязь, но, увидев Sex Pistols, я понял, что на самом деле, я – князь». Хорошая история, слишком хорошая, чтобы быть правдой, но в случае музыки это действительно было правдой – но не большей, чем в музыке Slits. Они были первой женской панк-группой: четыре девчонки, у которых не было особых идей, кроме как выйти на сцену и поорать. Они говорили “fuck you” и это означало: «почему бы и нет». Как написал об этом, спустя долгое время, Джон Савадж: «это был голос людей, осознавших свою силу».

ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ

Что на самом деле Slits оставили после себя, так это нечто, зашедшее в немом крике: безымянный виниловый бутлег в белом конверте. Кажется, диск назывался “Once Upon a Time in a Living Room”, но в данном случае трудно быть уверенным; в каракулях, хаотично расписанных на этикетке, тебе самому приходится вычленять названия песен. Например, “A Boring Life” – когда началась музыка, я уже не пытался вычленять слова.

Одна из Slits хихикает, другая спрашивает «готовы?», третья отвечает «готовы?» – как будто это слово не из ее словаря, и, наконец, четвертая заходится смешком, вроде того, каким зашлась Алиса, провалившись

в кроличью нору: “Ah ah, OH NOOOO—”. Это похоже на крики спускающихся с американских горок, а на следующем подъеме у тебя есть время вспомнить Элвиса в 55-м, в студии Sun Сэма Филлипса, репетирующего вступительный диалог к “Milkcow Blues Boogie” («Ребята, стойте! Меня это не заводит! Давайте сыграем совсем по-другому!»), хотя на его фоне диалог Slits слишком прост, чтобы такое еще репетировать (не говоря уже о том, чтобы куда-то вставить). А затем в тишину вгрызается скрежещущий шум. Это высокое напряжение – от замешательства к предвкушению, от нерешительности к панике, от тишины к звуку – вот чем являлся панк.

Slits это были: певица Ари Ап, Палмолив на ударных, Вив Альбертин на гитаре и Тесса на басу. Rolling Stone Rock Almanac от 11 марта 1977 года: “в первый раз Slits вышли на сцену в лондонском Roxo в качестве разогрева Clash . . . они девушки и у них есть свой стиль, и это – запредельный, но просвещенный дилетантизм. . . свой музыкальный непрофессионализм они восполняют тем, что приглашают зрителей поиграть на сцене, а сами в этот момент перебираются на танцпол». Здесь на ум приходит строчка из старой ямайской сорокапятки Принца Бастера “Barrister Pardon”, финальной части его трилогии о Судье Дредде, сказке о мстителе из Эфиопии, появившемся в трущобах Кингстона с целью освободить их от злостных хулиганов. На протяжении трех синглов он приговаривал малолетних убийц к сотням лет тюрьмы, сажал туда же их адвокатов, когда те имели неосторожность противоречить, доводил всех в зале суда до слез, а затем всех освобождал, и все заканчивалось танцами: «да, я судья, но я умею танцевать». Своей «A Boring Life» Slits осудили любую другую версию рок-н-ролла – “Milkcow Blues Boogie”, “Barrister Pardon” и даже свои жалкие будущие пластинки, выпущенные, по прошествии времени, на большом лейбле.

С этим ничто не сравнится. Крича и вопя поверх треска гитар, группа разгонялась до нужного ритма и начинала лепить формы. Ритм сбивался, они снова выходили на подъем, спускались и продолжали в том же духе. Крики, визги, писки и нытье – все эти непосредственные женские звуки, никогда ранее не звучавшие как поп-музыка – носились в воздухе, в то время как Slits пробирались рука об руку через вызванный ими шторм. Здесь нашли свой выход наслаждение и месть, истошные скандирования – шло в ход все, что могло здесь согдиться, и для этих девушек простейший аккорд был удачей: их дилетантизм был совсем не просвещенным.

“No more rock ‘n’ roll for you / No more rock ‘n’ roll for me” пел кто-то пьяным голосом, что хорошо слышно на записи и что отсылает к известному запеву Sex Pistols “no future” – вероятно, это был парень, записывавший концерт, – но это и было заявление самих Slits о том, что их творчество не имеет отношение к рок-н-роллу. Это была музыка, отказавшаяся от своего имени, что означало отказ от своей истории – и с этого мгновения никто не помнил, чем же был рок-н-ролл, а значит возможным и невозможным становилось все: случайный шум становился рок-н-роллом, а Beatles по сравнению с этим – нет. За исключением некоторых позабытых пророков – таких как Captain Beefheart, гаражных групп из 60-х вроде Count Five или Shadows of Knight, Velvet Underground, Stooges или из начала 70-х типа New York Dolls, Jonathan Richman and the Modern Lovers, а также гностических регги-изгоев – панк немедленно подверг сомнению всю предшествующую музыку, отказал в правомерности любому, у кого был поп-хит или кто думал, что умеет играть. Отменив одну традицию, панк ввел другую.

Отглядываясь назад, все еще кажется возможным принять именно эту версию рок-н-рольной истории за правду, как за всю историю – и не от того, что музыка, которую панк поставил под сомнение, была настолько плоха, но потому, что отголоски музыки Slits все еще позволяют думать о ней как о гораздо более связанной и таинственной, чем любая

работа штучной выделки любых предшественников и последователей. “A Boring Life”, услышанная в свои первые мгновения в 77-м, и услышанная десять лет спустя, переписывает историю рок-н-ролла.

ГОВОРИЛИ

Говорили, что в 50-е количество негритянских вокальных ансамблей, у которых имелись свои записи, исчислялось пятнадцатую тысячами. Не знаю, правда ли это; когда я об этом узнал, у меня глаза на лоб полезли. Но панк доказал, что такое возможно.

Лишь малая часть из тех групп были замечены публикой, хотя все из них хотели иметь свою аудиторию, известность и деньги, и чтобы их трехминутная запись стала сенсацией – в одно мгновение у людей, которые раньше и помыслить не могли, что кто-то будет интересоваться, как они звучат и что хотят сказать, появился шанс. Это была целая волна новых голосов, которых не знала история популярной культуры и, наряду с другими жанрами рок-н-ролла – искушенным ритм-энд-блюзом Рэя Чарльза и Clyde McPhatter’s Drifters, рокабилли Элвиса, Карла Перкинса и Джерри Ли Льюиса, безумными вспышками Литтл Ричарда, ушлыми подростковыми гимнами Чака Берри, сюрпризами нойзмейкеров Monotones – она свидетельствовала о наступающих повсюду в мире переменах в популярной музыке. «Мне необходимо поговорить с мальчиком по имени Элвис Пресли – говорила в 1956 году директриса лондонской общеобразовательной школы – он нацарапал свое имя на каждой парте во всех классах».

Другое важное событие в рок-н-ролле – появление «Битлз» в Ливерпуле и Лондоне где-то между 1962–63 гг., возвращенных черным роком Джеймса Брауна, музыкой лейблов Motown из Детройта и Stax из Мемфиса, в каталогах которых какофония не встречалась. Записывалось бесчисленное количество новых групп, и, однажды вдохнув жизнь в музыку, они вскоре превратились в преобладающую силу со своими требованиями – свидетельством тому служат социальные бунты американских негров, затем международное восстание белой молодежи – важность рок-н-ролла все возрастала. Провозглашенный искусством, он становился застенчивым. Та общая тенденция, поставившая во главу угла звук – готовность к чему угодно, лишь бы быть услышанным, содержащаяся в большинстве сорокапятки 50-х или даже в третьесортных пародиях на «Битлз» – уступила место культуре здравого смысла, обогащения и виртуозности.

Окруженные поначалу многочисленными маленькими независимыми лейблами, большие лейблы с середины 60-х сконцентрировали на себе популярных артистов и сосредоточились в некоем центре; и вскоре уникальность в музыке, которая в 1956-м не имела никакого значения, стала вызывать раздражение. С 1967 года, когда увидел свет альбом «Битлз» “Sgt. Pepper’s Lonely Hearts Club Band”, рок-н-ролл стал управляться идеологией позитива, продуктивности и новизны. Почти все звучало обнадеживающим, многозначительным и новым, но, по сути, музыки в этом было мало. Почти все стремилось к этому центру, а центр, в свою очередь, не признавал ничего, что к нему не стремилось. Предупреждения конца десятилетия – битловский “A Day in the Life”, “Let It Bleed” Rolling Stones, “John Wesley Harding” Боба Дилана, “White Light/White Heat” Velvet Underground, “Plastic Ono Band” Джона Леннона и последующая за бунтами волна трезвого и политизированной черной поп-музыки – “There’s a Riot Going On” Sly and the Family Stone – были не замечены даже теми, кто их выпускал. Музыкальный бизнес двигался в сторону совершенствования производства; этот процесс завершился в 1975 году, когда конгломераты сервисно-досугового обслуживания сконцентрировали

продажу музыки в руках корпораций, число которых в разы превосходило количество американских авто-производителей. «Развлечение это не мерило убеждений – писал в 1985 году Майкл Вентура – это мерило ценностей. Можно сказать, что в этом и есть смысл «развлечения», в том виде, в котором мы его имеем, – в отвлечении от ценностей, от которых мы устали и без которых боимся жить... Ведь после работы тебе не хочется видеть на экране людей, живущих более интересно, чем ты... Такова в целом американская жизнь». Вентура мог бы с уверенностью сказать – современная жизнь вообще. В 1977 году в своем ежегодном докладе Warner Communications, в то время лидирующая корпорация сервисно-досугового обслуживания, увидела эту проблему так:

Развлечение становится необходимостью. Такое заявление кажется недопустимым: может ли развлечение быть такой же необходимостью, как пища, одежда, кров?... Но проблема, поставленная в заявлении, не относится к слову «необходимость», но к «развлечению». Так же как и двадцать лет назад, «развлечение» – отвлечение, увеселение – остается в рамках таких широких понятий, как фильмы, телевиденье, радио, популярные печатные издания и музыкальные записи. Но сегодня само слово перестает быть отражением этих процессов. Сегодня роль этих медиа гораздо более разнообразна и значима, чем просто с удовольствием проведенное время. По своей подаче... эти медиа [остаются] абсолютно теми же. Но в своей персональной и общественной пригодности они переменялись чрезвычайно... Скорость мировой индустриализации, непрерывно возрастающая с XIX века, надо полагать, болезненно отражается на индивидуальности отдельного человека: возрастающая производительность и стандартизирующийся мир ставят под угрозу личную свободу и возможности человека, что приводит его к выводу о собственной незначительности.

Это то, что в 1956 году имел в виду Гарольд Розенберг, когда говорил о «пролетаризации»: «процесс деперсонализации и пассивности» берет свои истоки в современном устройстве общества, в переносе «психологического типа фабричного рабочего XIX века» в тотальность общества XX века. «Развернутые своей отчужденностью и потерявшие контроль над своими отношениями с другими, – говорил Розенберг – члены каждого класса подчиняются искусственно созданному самолюбанию толпы, обещающему восстановить для каждого их связи с прошлым и будущим». Но в 1977 году Warner Communications не так мрачно смотрели на вещи:

Принимая в расчет, что технологии создают проблему, человек начинает использовать технологии для ее решения. С беспрестанно возрастающими возможностями любых форм коммуникации, возможности «развлечения» достигают того уровня, когда оно направлено на индивида, на его опыт и склонности, на саму его личность... Изменение курсов информации – любой скорости и любой направленности – и есть сфера деятельности Warner Communications. И феноменальный рост нашей компании, наряду с другими такими же компаниями, свидетельствует о таком тесном единении культуры и технологии, какого еще не знала история, и о соразмерной этому революции в восприятии человека самого себя.

МИР

Мир не остановился после ликвидации Jordan Motor Car Company, создателей Jordan Playboy, самого гламурного американского автомобиля 1920-х; вполне возможно, мир переживет также и без пятнадцати тысяч ду-воп-групп и их пластинок. В ситуации все расширяющегося рынка, организованного сверху вниз, продажи музыкальных записей на подъеме,

несмотря на то, что изобилие 60-х проторило путь для неразумной и упадочной экономики, сводящей на нет вроде бы устоявшиеся ценности, как до-рок-н-ролльное «много-работай-копи-деньги», так традиционное шестидесятичное «не-работай-так-долго-как-сможешь». Бедствия охватили Британию до того, как это произошло в США, и понадобилось несколько лет, чтобы наверстать упущенное. Не случайно, что одновременно с Sex Pistols в свет вышел роман Маргарет Драбл «Эра оледенения», где описано экономическое и социальное крушение Британии, а герои книги только это и приветствуют как освобождение от тоски. И в обоих случаях речь шла о мире, где перспективы размыты, и о верящих в их реальность глупцах.

Один за другим посыпались законопроекты о войнах и социальном планировании, арабы со своей нефтью стали вести дела с Западом так, как когда-то уроженцы Запада с оружием в руках вели дела с арабами; росли безработица и инфляция, капиталовложения замораживались. Мир, обещанный в 50-е («Чего тебе хочется? – гласила английская реклама в 1957 году – хорошей и дешевой пищи? Много новой одежды? Сказочного дома с современными удобствами? Новой машины... Катер... Свой собственный самолет? Будет все, что ни пожелаешь – плюс много свободного времени. Мы вступаем в новую Индустриальную Революцию вместе с электроникой, автоматикой и атомной энергией, которые выполнят любое наше желание... быстро... дешево... с избытком»), мир, который казался таким реальным в 60-е, в 1975 году являлся жестокой шуткой. И шуткой не над частным страданием, а над нереализованными чаяниями, шуткой, ввергающей в панику и за которую хотелось мстить. Маргарет Драбл писала:

По всей стране люди, услышав новости, смотрели друг на друга и говорили: «вот те на», или «что дальше», или «я пас», или «ну и к черту!», а потом шли смотреть цветной телевизор, или есть жаркое на ужин, или шли в паб, или петь в хоре. По всей стране люди обвиняли друг друга в том, что все идет не так – профсоюзы, правительство, шахтеров, водителей, моряков, арабов, ирландцев, своих мужей, своих жен, своих безработных и ни на что не годных отпрысков, начальное образование. Никто не знал, кто на самом деле во всем виноват, но люди, в большинстве своем, бесконечно обвиняли окружающих; и лишь немногие сохраняли благородное молчание. Те, кто на протяжении двадцати лет жаловался на незначительно повышающиеся цены, естественно, не стал молчать и радоваться своей овсянке. Жалобщик всегда им и останется, так что те, кто жаловался раньше без особой причины, теперь имел большое раздолье.

МЭЙНСТРИМ

Мэйнстрим рок-н-ролла, к 1975 году уже почти окончательно повернувшийся лицом к одной аудитории – к белому среднему классу, продолжал терять свою ритмическую основу, без стержня которой он разваливался на глазах. «Приключение» и «риск», ранее бывшие лозунгами, превратились в жаргонизмы их 60-х, которые сами стали шаблоном, «шестидесятыми». Теперь же смерти, распады и те, кто сгорел в битвах и экспериментах той эпохи, были преобразованы в единый шаблонный лозунг семидесятых: «выживание».

Определение «странный», наверное, может показаться самым точным по отношению к молодым представителям белого среднего класса – а по отношению к некоторым так и, вообще, другого слова не подберешь – оно свидетельствовало об их невозможности к сопротивлению. По волшебству обычного языка, понятия «выживание» и его близнец – «выживший», переписали историю 60-х как ошибку, а показатели личной и

профессиональной стабильности (работа, семья, не состояние на учете в психбольнице и просто – жизнь) в семидесятые толковались как героизм. Эти понятия, сначала употреблявшиеся по отношению к «выжившим» в «шестидесятые» и теперь участвующим в «реальной жизни», вскоре утвердились в своем значении: выживание и было реальной жизнью.

За этим последовало то, что те, чье душевное или физическое благосостояние не находилось под явной угрозой, могли притязать на титул выжившего, а называться таковым означало удостоиться высшей похвалы. Идея стремительно распространялась. В этой стремительности появились даже нотки агрессии: став названием для новой линии кейсов «The Survivor», понятие засверкало тем смыслом, что лишь находящийся в опасности может зваться достойнейшим из выживших – а в джунглях новой экономики нет ничего важнее этого. Более того, идея вышла за грани бытия. «Гарп выжил» – написал поклонник книги Джона Ирвинга «Мир глазами Гарпа», в которой герой был застрелен в возрасте тридцати трех лет. Это была абсолютная победа понятия над выражавшим его словом: мертвый выживший.

Принцип того, что Бруно Беттельгейм в 1976 году назвал «абсолютно ненужной долговечностью», когда «сохраняется все – не важно, как, зачем и для чего», овладел всеми формами дискурса. Беттельгейм писал о новом философском освящении «выживания» в нацистских лагерях смерти, где нет места даже фантазии о сопротивлении: приводя в пример фильм Лины Вертмюллер «Семь красоток» и исследование о лагере Терренса Де Пре «Выживший», он говорит: «единственная вещь, по-настоящему важная, это жизнь в своей грубой биологичности... мы должны жить без напластований культуры» и «только грубыми телесными позывами». Иными словами, человек вынужден жить по законам необходимости и не то что без напластований культуры, а, вообще, – по до-культурным законам и, как однажды написала Ханна Арендт, веляния тела противоречат свободе: когда важнейшим становится выжить, «свободой должно жертвовать ради самой жизни». В 1951 году Альбер Камю в «Бунтующем человеке» пересказал несколько иную историю –

В своем «Сибирском дневнике» Эрнст Двингер рассказывает о пленном немецком лейтенанте, проведенном долгие годы в концлагерном голоде и холоде: он соорудил там из деревянных планок нечто вроде беззвучного фортепьяно и исполнял на нем странную музыку, слышимую лишь ему самому в этом царстве страданий, среди оборванных узников...

– историю, говорит Камю, о «гармонирующем бунте». Но Камю уже давно не в моде; и то, что Арендт называла «необходимостью», не сводилось к голоду и холоду, или к «состоянию непреходящей нужды и мучительного страдания». Язык вывернулся наизнанку так, что культура стала напластованием, необходимой роскошью, сохраняющими жизнь обильными чувствованиями, и такие убеждения были присущи в первую очередь не тем, кто страдал в нужде, а рок-звездам. Эта идеология сохранилась даже в названиях записей: «Survivor», «Rock and Roll Survivor», «You're Survivor», «I Survive», «Soul Survivor», «Street Survivors», «Survival», «Surviving», «I Will Survive» – и так до бесконечности – почти в каждом случае исполнители именно так выражали свои страдания, потому что, промолчав об этом многие годы, теперь они могли свободно распространять свои товары повсюду и, более того, они праздновали свой моральный триумф, который обесценивал любой шаг в сторону приключения и риска. Такой обмен, на гарантию умереть от скуки взамен гарантии умереть от голода, оказался хорошей сделкой, но – лишь оптимальным вариантом.

Перевёл Александр УМНЯШОВ.

Продолжение в следующем номере

БЕДЫ И ПОБЕДЫ НИКОЛАЯ ГЛАЗКОВА

*Иногда идешь по победам,
а на самом деле по бедам.
Н. Глазков*

Многие, кто отродясь не слышал о Николае Глазкове, знают стихи этого поэта, ставшие народной мудростью. «Я на мирзираю из-под столика, век двадцатый — век необычайный: чем столетие интересней для историка, тем для современника печальнее». «Пусть заходит ум за разум в море неизвестности, но не сдамся двум заразам — тусклости и трезвости!». «Ты сказала мне: — Нельзя же сразу! — Я сказал: — Нельзя же никогда!».

А сочиненное им еще до войны самое короткое в русской поэзии четверостишие: «Мы — умы, а вы — увы!»?

“Самсебяиздат”

Николай Иванович Глазков (1919–1980) никогда не был ни диссидентом, ни критиком советской власти. Но именно он ввел в обиход слово «самиздат», точнее — «самсебяиздат». Так еще до войны поэт называл собственные рукописные книжечки, любовно переплетенные и проиллюстрированные друзьями (рисунки к ним делали такие знаменитые художники, как, например, Александр Тышлер и Давид Штеренберг).

Не был Глазков и «эскапистом», уходившим от жизни в чистое искусство или в маргиналы. Но он жил так, как может жить только самый свободный из людей — поэт. Не то чтобы его стихи бросали вызов пошлой и подлой реальности, они были просто продолжением неординарной и чистой личности их автора. Каждое стихотворение Глазкова — поступок, каждый поступок — стихотворение. То и другое могло быть менее удачным, но никогда — фальшивым. Естественность — основная черта Николая Глазкова в стихах и в жизни. Редакторы, критики и сограждане, навсось привыкшие к нормативам, канонам, условностям и т. п., редко могли понять и принять это его свойство. Глазков писал предельно простым языком, что и раздражало ревнителей чистоты жанра.

Шебуршит колючий снег.
В стужу и во мраке
мерзнет бедный человек —
лучший друг собаки.
И неприятности любви
в лесу забавны и милы —
ее кусали муравьи,
меня кусали комары.

Прелести таких «краткостиш» с их незамутненной чистотой восприятия не могли оценить ни присяжные эстеты, ни так называемые друзья народа. Тем более неприемлемой считалась манера Глазкова ходить в ботинках без шнурков или купаться в любом близлежащем водоеме (в Алма-Ате, например, он окунулся в гостиничный фонтан). А ведь это лишь немногое из того, чем поэт Глазков отличался от множества других поэтов, печатавшихся куда чаще и отмеченных куда большими регалиями. Последних, впрочем, у Глазкова никаких и не было. В Союз писателей его приняли на 42-м году жизни, хотя все поэты знали его стихи наизусть, а

многие просто тянули его строчки в свои сборники. До самой смерти Глазков издал с десяток книг, но это была верхушка айсберга, наиболее продаваемое. Настоящего Глазкова стали издавать только в середине 80-х.

Член Географического общества

Был, впрочем, один документ, которым Николай Иванович весьма гордился — членский билет Географического общества, основанного еще в 1845 году. После войны Глазков ради заработка колесил по Союзу, печатаясь в “районках”. И это переросло в страсть к путешествиям, к изучению страны. Особенно понравился Глазкову маленький поселок Чурапча в Якутии, настолько, что поэт — скуластый, слегка раскосый, с узенькой бородкой — сам стал походить на якута. Хотя родом он чисто русский, разве что прадед по матери — латышский рыбак.

В Магадане на областном совещании писателей Глазкова назначили руководителем поэтической секции, но охрана отказалась пропустить его в зал. «Какой-то тип рвется без билета», — сказал ретивым дружинникам ответственный представитель обкома. — «Немолодой уже, а туда же, в литературу... А ну-ка, вышвырните его».

Заступники у Глазкова все-таки нашлись, поэт чинно отсидел положенное время в президиуме, вечером искупался в бухте Нагаево (не мог же он нарушить свое жизненное правило), несколько дней подряд слушал местных стихотворцев, а потом на попутном грузовике уехал по Колымской трассе в Якутию, в поселок Хандыга — поплавать в Алдане...

Гений или шут?

Поражает, как стремительно юный Коля Глазков ворвался в поэзию. Его стихи конца 30-х написаны рукой зрелого мастера, впрочем, он ведь начал писать лет в восемь-девять. А кроме мастерства была еще смелость думать, говорить и действовать не так, как полагалось в те годы... Один из одноклассников Глазкова вспоминает, как в седьмом классе Николай “схватил пару” за домашнее сочинение “Образ Левинсона в романе А.Фадеева “Разгром”. “Я, Глазков, такого от вас не ожидала! — сказала будущему поэту учительница. — Как можно делать такие выводы?” Оказывается, Николай, ссылаясь на афоризм Шота Руставели “Сотня тысячу осилит, если мудр вождя совет”, доказывал, что Левинсона разгромили потому, что тот был профаном в военном деле.

“Глазков решительно отличался от своих сверстников”, — в один голос говорят и Борис Слуцкий, и Сергей Наровчатов, и Давид Самойлов... Вот, например, одно из ранних и наиболее знаменитых стихотворений Николая Глазкова — “Ворон». Вначале это не более, чем парафраз Эдгара По: автор спрашивает птицу, будет ли он богат, любим и т. д. Разумеется, на все следующий ответ «Никогда», даже на вопрос, будет ли коммунизм. А потом:

Я спросил: «Какие в Чили
существуют города?»
Каркнул ворон: «Никогда!»,
и его разоблачили!

Что это — лукавая пародия, поучительная басня или же нечто большее? Следует иметь в виду, что отец поэта, Иван Николаевич Глазков, адвокат и большевик с дореволюционным стажем, в тот год сгинул в ГУЛАГе. И тогда стихи приобретают зловещий смысл, напоминая о дьявольской серии провокаций, «разоблачений» и самооговоров...

● ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

Юный поэт еще с первого курса Московского пединститута имел у одних репутацию гения, у других – шута. «Я поэт или клоун? Я смешон или нет? – спрашивал он много позже сам себя. И отвечал. – Посмотреть если в корень – клоун тоже поэт!» Имидж (как теперь сказали бы) юродивого мешал ему пробиться в печать: вплоть до конца 50-х он жил переводами, а еще раньше кормился пилкой дров. Об этом одно из знаменитейших глазковских четверостиший:

Живу в своей квартире
Тем, что пилю дрова.
Арбат, 44,
Квартира 22.

Постоянная маска позволяла Глазкову говорить много такого, за что иначе он мог бы пойти по следам отца... «Мне говорят, что окна ТАСС моих стихов полезнее. Полезен также унитаз, но это – не поэзия!»

В одной довоенной анкете для друзей Николай сообщает о своем мировоззрении – «христианство, марксизм, футуризм». В самом деле, среди его ранних поэм есть звучащие очень по-христиански, хотя слово Бог там почти не упоминается. Разве что в таком контексте:

Господи, благослови Советы,
защити страну от высших рас,
потому что все Твои заветы
нарушает Гитлер чаще нас...

Поэмы Глазкова – это по сути большие блоки четверостиший, довольно условно объединенных общей темой. «Краткость – единственная сестра таланта!» – любил он повторять, и писал «краткостишия» всю жизнь. Многие из них существуют в разных вариантах, нередко их можно найти в поэмах или в балладах – целиком или частично. «Сам себе издатель, редактор и спецкор», Глазков мог такое позволить. Он был еще много чем «сам себе». Хозяин одной из гостеприимнейших московских квартир, Николай Иванович притягивал к себе и чтением стихов, и разговорами на самые разные темы (он знал наизусть и «Историю» Ключевского, и таблицу Менделеева), и состязаниями по уральской борьбе (которую ныне зовут армрестлингом), и шахматными турнирами... Как вспоминают друзья Глазкова, он неплохо играл в шахматы, но не настолько, чтобы самолюбие могло быть удовлетворено, когда за одну доску с ним усаживались знакомые гроссмейстеры Таль, Авербах или Полугаевский... Зато мало кто, даже именитые спортсмены, мог выиграть у него соревнование на силовом...

Рядовой русской массовки

Впервые Глазков появился на киноэкране в роли ратника с деревянным мечом в руке в фильме Сергея Эйзенштейна «Александр Невский»:

Простой и высокий –
не нужен мне грим –
я в русской массовке
служил рядовым...

Самим собой оставался Глазков и у Тарковского – в его «Андрее Рублеве» он снялся в роли Летящего мужика. А в «Особенном человеке» Веры Строевой готовился сыграть Достоевского. Увы, первую из назван-

ных работ прервал перелом ноги на съемках в Суздале, и роль вышла вдвое короче, а фильм Строевой, боясь намека на «пражскую весну» и процесс Синявского и Даниэля, вообще запретили. Глазков не был в «Особенном человеке» единственным актером-непрофессионалом. Некрасова там должен был сыграть писатель Александр Хмелик. Как вспоминает Вера Строева, репетицию как-то посетил очень известный актер театра Вахтангова. «Они, – сказал он о Глазкове и Хмелике, – играют совсем не по-нашему. Но это, наверное, намного выше того, что делаем мы!»

Многое из того, что говорил и делал Николай Глазков, еще предстоит осмыслить. Вот, казалось бы, чудаческая идея – собрать подписи под обращением в Верховный Совет СССР, чтобы 64-й день каждого года объявить Днем шахматиста. Но если посчитать, то выйдет 5 марта, день кончины Сталина! А персидское «шах мат», как известно, означает «царь умер»... Вот тебе и простота! Его чуткость к слову повсюду наткнулась на языковые парадоксы. Студентом литфака Глазков ходил на военную подготовку в садик Мандельштама, названный в честь академика-радиофизика. Но какой поэт смог бы ходить строем в таком саду?..

Летом сорок четвертого он сообщает друзьям, что вместе с Красной Армией «взял Лиду» – только не город в Белоруссии, а жену. Первый брак Глазкова был неудачным и потому – недолгим. Зато со второй женой, художницей по имени Росина, он счастливо прожил четверть века. Она, хотя иногда ей приходилось очень нелегко, всячески пеклась о своем талантливом муже. И хорошо знала и ценила его творчество... А Глазков многие из стихотворений адресовал ИМЛ – «Иночке моей любимой»...

В 1956 году у Глазковых, обретавшихся в темной и тесной квартирке, родился сын «Коля маленький». Но лишь в середине 70-х подошла очередь семьи на улучшение жилищных условий. Долгожданную радость омрачил переезд с Арбата не просто на окраину, а на Аминьевское шоссе. Место, к тому же, оказалось очень шумным, и семья вынуждена была хлопотать о другом районе. Наконец пришла бумага: «Вопрос решен положительно». Но это, как вспоминала Росина Моисеевна, был день положения поэта во гроб.

Шестьдесят первую годовщину Николая Ивановича друзья отмечали уже без него. «Как много мы у него не спросили!» – заявил тогда его друг, поэт Евгений Ильин... В 2007 году в издательстве «Время» вышел сборник Николая Глазкова «Хихимора».

Виктор КУЗНЕЦОВ

РЕФОРМА РУССКОГО ЯЗЫКА: ВСЁ ВРУТ КАЛЕНДАРИ... И СЛОВАРИ

*...Хоть и заглядывал я встарь
В Академический словарь.*

А.С. Пушкин

Все врут календари.

А.С. Грибоедов

Уже много было сказано и написано об утвержденном с легкой руки Министерства образования и науки РФ списке нормативных словарей русского языка. Много, но не всегда правильно и часто не по делу. СМИ наполнились слухами о грядущем языковом апокалипсисе и торжестве безграмотности, а добропорядочные граждане теряли сон и аппетит в тревоге за судьбу русского языка. «Язык улиц — вон из словарей», — скандировали газеты. «Скоро все будут “ложить” и “звонить”, — сокрушались учителя. «Теперь можно говорить как хочешь, правила отменили! Даешь язык падонкафф!» — вопили интернет-сайты. Возмущенная общественность требовала призвать нерадивых филологов к ответу и вернуть народу словари Даля, Ожегова и Розенталя (которые, в общем, никто ни у кого не отнимал). Масла в огонь подлили и депутаты питерского ЗакСа, выступив с эмоциональным обращением к министру образования Фурсенко: «Складывается такое впечатление, что русский язык намеренно упрощают, отпуская его в вольное плавание. Может быть, так легче скрывать вопиющую безграмотность».

Эти обстоятельства навели меня на мысль тоже выступить в СМИ, благо моя работа обеспечивает доступ к различным источникам информации, позволяющим составить более объективное представление о том, что произошло. Ну и ко всему прочему, я по долгу службы являюсь постоянным и довольно опытным пользователем словарей и справочников, поэтому, как говорил классик, не могу молчать. Помимо статьи мной была подготовлена таблица некоторых разночтений, встречающихся в современных толковых, орфографических и орфоэпических словарях — вошедших и не вошедших в федеральный список. Таблица ясно показывает, что ситуация со словарями, прямо скажем, аховая (вы, в курсе, например, что некоторые словари уже давно разрешают говорить «без носок», а слово «риелтор» встречается в трех различных написаниях?), причем грифование тех или иных изданий Министерством проблему не решает. Насколько я знаю, такого рода исследований в СМИ еще не появлялось.

Таблицу вы найдете ниже, а пока давайте еще раз попробуем разобраться, с какой стати правила русского языка теперь утверждает российское правительство, почему современным словарям нельзя доверять и кто же во всем этом безобразии виноват.

У «кофейно-йогуртного скандала» довольно долгая предыстория, поэтому придется вернуться аж к 2005 году, когда был принят федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации». Зачем закон был нужен — отдельная тема. Считается, что положения конституции о том, что государственным языком РФ на всей ее территории является русский язык, недостаточно: закон в равной степени позволяет всем республикам иметь собственные государственные языки и использовать их наравне с русским, поэтому требовалось каким-то образом подчеркнуть приоритетный статус русского языка

как языка общегосударственного. Итак, новый закон вступил в силу и, казалось бы, какое нам дело до заоблачных сфер государственной языковой политики. Так да не так. Проблема в том, что при разработке закона были допущены неточности, последствия чего мы сейчас и расхлебываем.

«Закон о государственном языке писался без участия лингвистов. Его составители — коллектив депутатов, среди которых самым близким к филологии человеком был Станислав Говорухин. «Дважды этот закон поступал к нам в институт на рецензию и дважды подвергался разрушительной критике. Однако когда окончательный вариант закона был утвержден, мы не увидели никаких следов наших рекомендаций. Общество филологов было проигнорировано», — говорит Леонид Крысин, заместитель директора Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Два положения закона вызывают у лингвистов наиболее сильные сомнения. Во-первых, то, что «порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации», при этом ни слова не говорится о той роли, которую играет в этом Академия наук и действующая при ней Орфографическая комиссия. Во-вторых, недопущение использования «слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке», иными словами, запрет на употребление в речи имеющих русские синонимы иностранных слов, механизм действия которого совершенно неясен. Кроме того, сама идея утверждения неких отдельных норм русского языка для одной его ипостаси — государственной сферы функционирования — вызвала резкую критику филологов. «Для меня, как лингвиста, из этого положения вытекает непонятный вывод. Получается, есть два типа норм: государственного языка и просто русского языка. Это вызывает такое же недоумение, как, к примеру, кафедра культуры речи учителя в педвузе: есть только одна культура речи — культура речи образованных людей, и у учителя она такая же, как у врача или инженера. Точно так же дело обстоит с нормами государственного языка. Это искусственно придуманное чиновниками понятие, с лингвистической точки зрения лишённое права на существование», — считает коллега Леонида Крысина Мария Каленчук, заместитель директора Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

А дальше все просто и логично: в 2006 году появляется постановление Правительства РФ, согласно которому Министерству образования и науки поручено определить по результатам экспертизы и на основании рекомендаций Межведомственной комиссии по русскому языку список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка РФ. Проще говоря, «самых-самых главных» словарей. В качестве экспертов выступают сотрудники четырех российских вузов: Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, МГУ и СПбГУ. Как известно, недавно перечень прошедших экспертизу изданий был опубликован, в него вошли «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка, «Большой фразеологический словарь русского языка» В. Н. Телии, «Орфографический словарь русского языка» Б. З. Букчиной, И. К. Сазоновой, Л. К. Чельцовой и

«Словарь ударений русского языка» И. Л. Резниченко. «Мы многократно обращались и к правительству, и к президенту еще на стадии принятия закона, предупреждали о недопустимости грифования списка словарей, но нас никто не услышал. Чиновники, разумеется, лучше нас знают, как нужно обращаться с нормами», — сожалеет Мария Каленчук. И правда, к сожалению, академическая наука пока столь же далека от хорошего пиара, как среднестатистический обыватель от академических словарей. Это и дало право Юлии Сафоновой, члену редсовета портала «Грамоты.ру», заявить на прошедшей недавно в Петербурге Второй всероссийской конференции «Кодификация современного русского языка: результаты и проблемы» о том, что филологи проиграли информационную войну.

Однако вернемся к пресловутому «списку четырех». Не правы те, кто утверждает, что эти книги плохи. Вовсе нет. Все это прекрасно изданные авторитетные книги, которые составлены не вчера, многие пережили уже не одно переиздание. Проблема кроется в другом: в самом принципе отбора. И при более вдумчивом рассмотрении списка возникает, конечно, много вопросов. Во-первых, почему в его состав вошли только эти и именно эти издания, но нет в нем, к примеру, ни одного толкового словаря или словаря иностранных слов, а также справочника по орфографии и пунктуации? Во-вторых, по какой причине обошли вниманием считающийся на сегодняшний день наиболее полным и содержащий самое большое количество новых слов «Русский орфографический словарь» под редакцией В. В. Лопатина (180 тысяч слов против 100 тысяч в утвержденном орфографическом словаре)?

Ко всему прочему, непонятно, будет ли список регулярно обновляться, ведь словари, как известно, устаревают. Язык — это живая система, подверженная обновлениям и изменениям, поэтому, как бы нам того ни хотелось, языковую норму невозможно установить раз и навсегда, даже если это сделает правительство. «Общество и лингвисты по-разному понимают, что такое языковая норма и какова в этом роль лингвиста, — говорит директор Института лингвистики, заведующий кафедрой русского языка Российского государственного гуманитарного университета Максим Кронгауз. — Общество считает лингвиста неким жрецом — хранителем нормы, единственной, постоянной и незабываемой (при том, что само общество не собирается, конечно же, соблюдать эту норму, а будет говорить как хочет). Лингвист же хочет быть синоптиком, который предсказывает не ту погоду, которая должна быть, а ту, которая реально будет».

Далее, совершенно непонятно, для кого предназначен «список четырех». Если мы заглянем в тот же закон о русском языке, то узнаем, что сферами функционирования государственного языка являются деятельность чиновников и организаций, в том числе делопроизводство, проведение выборов и референдумов, законотворчество, судопроизводство, реклама, СМИ — сфера же образования напрямую не упоминается. Собственно, это и позволило чиновникам выйти из положения, когда на них со всех сторон обрушилась критика в связи с появлением пресловутого списка. Представители Минобрнауки тут же стали весьма неубедительно оправдываться, мол, эти словари предназначены исключительно для чиновников. Видимо, министерские чиновники сразу смекнули, какой скандал может разразиться, если заявить, что отныне преподавание русского языка должно вестись исключительно по этому списку. Ведь закупать новые словари для школ уж точно никто не собирался. Так что же получается: чиновники

будут говорить на каком-то своем, особом языке, отличном от того, которому учат в школе? Или, может быть, школьникам преподают негосударственный русский язык?..

И самое главное. Даже если министерство расширит список, как уже было обещано, проблему это не решит, а напротив, усугубит, ведь — открою вам страшную тайну — рекомендации большинства современных словарей расходятся между собой. Если вы возьмете в руки несколько вышедших за последние десять лет изданий и попытаетесь сравнить написание или произношение некоторых слов, вы, как говорится, почувствуете разницу. Поэтому в каком-то смысле правы и чиновники, полагающие, что, раз уж в стане языковедов царит такой раздор, необходимо навести порядок своими силами. «Вся эта ситуация может аукнуться непоступлением в институты! Представьте: один словарь дает одну норму, а другой другую, ученик пишет по одному словарю, а учитель проверяет по другому. Поэтому считаю, что нормы должен утверждать чиновник», — заявил председатель совета Российского гуманитарного научного фонда, заведующий отделом грамматики и лексикологии Института русского языка и литературы РАН член-корреспондент РАН Юрий Воротников.

Есть ли в России сегодня на самом деле самый полный, самый авторитетный орфографический словарь, орфоэпический словарь (словарь трудностей произношения и ударения), а также справочник по орфографии и пунктуации, положения которых безоговорочно признавались бы всеми авторитетными языковедами и которые бы использовались повсеместно? Ответ отрицательный. К сожалению, все словари имеют между собой довольно серьезные расхождения, а их авторы до сих пор так и не смогли прийти к разумному компромиссу. В кофе среднего рода самом по себе нет ничего страшного: по мнению лингвистов, подобная «смена пола» отвечает законам языка, было же, в конце концов, слово «какао» когда-то мужского рода (кстати говоря, кофе с пометой «с.» зафиксировано еще в 29-м издании «Орфографического словаря русского языка» под редакцией В. В. Лопатина в далеком 1991 году, просто тогда, видимо, мало кто обратил на это внимание). А вот когда открываешь два современных словаря известных авторов и понимаешь, что одно и то же слово в них пишется по-разному — вот это действительно страшно неудобно. В «списке четырех» лингвисты уже нашли разночтения. Что же будет, когда в ближайшем будущем перечень нормативных словарей расширится? Сомнительно, что кто-то возьмет на себя труд заняться сверкой и правкой их словариков.

«Неглупые люди жили в XIX веке, а писатели были, пожалуй, лучше нынешних, и в то время вопросы нормы никого не интересовали. Нормирование — это не наш термин, это все пришло от немцев. У нас же в России было понятие правильности и ошибки, что определялось по речи авторитетных людей. Например, таким образом был Пушкин», — размышляет президент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина академик Виталий Костомаров. Сейчас, конечно, взять за основу этот принцип довольно затруднительно: понятие публичного авторитета более не связано напрямую с грамотностью речи.

Сотрудники редакций уже давно привыкли полагаться на свой собственный вкус и чувство языка («Ударения мы ставим по словарю Штудинера, а написание проверяем по Лопатину»), а в случае неразрешимой проблемы обращаться за советом к сотрудникам справочной службы «Грамоты.ру», а то и вовсе — проверять частотность того

● БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРА

или иного варианта «Яндексом». Наверняка трудности испытывают учителя русского языка, ведь именно они отвечают за то, какую оценку получит их подопечный на экзамене. И абсолютно непонятно, как быть в этой ситуации неспециалисту, который не обязан быть в курсе лексикографических тенденций и хочет просто открыть словарь — любой орфографический, орфоэпический, толковый словарь, вышедший за последние десять лет, — и найти четкий ответ на свой вопрос. Обычный человек, не имеющий филологического образования, вряд ли удовлетворится формулировкой, что, мол, вопрос слитного и дефисного написания сложных прилагательных до сих пор является для языковедов одним из наиболее спорных.

«В очень эмоциональном разговоре по поводу словарей, по существу, участвовало три собеседника: общество, лингвисты и власть. В результате все трое остались крайне недовольны и, ка-

жется, даже не поняли друг друга, — подводит печальный итог Максим Кронгауз. — А вообще, ни власть, ни лингвисты, ни даже общество не являются полноценными хозяевами языка, и только сотрудничество поможет нам решить проблему кодификации языковой нормы». Видимо, лингвистам придется все-таки однажды сесть за стол переговоров и попробовать разрешить все имеющиеся на сегодня противоречия, тем более что спорных моментов не настолько много, чтобы о них нельзя было договориться. А пока... да поможет нам всем Розенталь.

Мария НАСОНКИНА

Таблица расхождений в рекомендациях различных словарей русского языка¹

РОС	БОС	РП	ОСР	СТПУ	НСТС	СОУ	РСУ
апартаменты и апартаменты	апартаменты и апартаменты	апартаменты и апартаменты	апартаменты и апартаменты	апартаменты и устар. апартаменты	апартаменты	апартаменты	апартаменты
декольтированный и декольтированный	декольтированный	декольтированный	декольтированный	декольтированный и допустимо декольтированный	декольтированный	декольтированный	декольтированный
дистрибутор и дистрибутор	дистрибутор и дистрибутор	—	дистрибутор	—	—	—	дистрибутор
естественно-научный	естественно-научный	естественно-научный	естественно-научный	—	—	—	—
исчерпать и исчерпать ²	исчерпать	исчерпать	исчерпать	исчерпать и допустимо исчерпать	исчерпать и исчерпать	исчерпать ³ и исчерпать	исчерпать
йогурт ⁴	йогурт	йогурт	йогурт и йогурт	йогурт и устар. югурт	йогурт	йогурт	йогурт
карате и карата	карате и карата	карате	карате	карате	карате	карате	карате
маркетинг и маркетинг	маркетинг и маркетинг	маркетинг и маркетинг	маркетинг	маркетинг и устаревшее маркетинг	маркетинг	маркетинг и маркетинг	маркетинг
массмедиа	масс-медиа	масс-медиа	масс-медиа	—	—	масс-медиа	масс-медиа
носок и носков ⁵	носок	носок и носок	—	носок (не рекомендуется носок)	—	носок и разг. носок	носок, не носок
обеспечение и обеспечение	обеспечение	обеспечение	—	обеспечение (не рекомендуется обеспечение)	обеспечение	обеспечение (не обеспечение)	обеспечение (не обеспечение)
офлайн	оф-лайн	—	—	—	—	—	—
плеер	плеер	плеер	плеер	плеер	плеер	плеер	плеер
разыскной	разыскной	разыскной	разыскной	—	разыскной	—	разыскной
риэлтор	риэлтор	—	—	риэлтор	—	риэлтор	риэлтор
читанный ⁶	читанный	читанный	читанный	—	—	читанный	—
феномен и феномен	феномен и феномен	феномен	феномен	феномен (и допустимо феномен)	феномен и феномен	феномен	феномен
хелпи-энд	хелпи-энд	хелпи-энд	хелпи-энд	хелпи-энд	хелпи-энд	—	хелпи-энд, хэпли-энд, хелпи-энд
церковно-приходский	церковно-приходский и церковноприходской	церковно-приходский	церковноприходский и церковноприходской	церковноприходский и допустимо церковноприходской	церковноприходский	церковно-приходский и церковно-приходский	церковно-приходский
шопинг	шопинг	—	шопинг	—	—	—	шопинг

ШОС	СРЯ	НОС	ТСРЯ	БОСРЯ	СУРЯ	ОС
апартаменты и апартаменты	апартаменты и апартаменты	апартаменты и апартаменты	апартаменты и апартаменты	апартаменты и апартаменты	апартаменты и апартаменты	апартаменты
—	декольтированный	декольтированный и декольтированный	декольтированный и декольтированный	декольтированный и декольтированный	декольтированный	декольтированный
дистрибутор	—	дистрибутор	—	дистрибутор	—	дистрибутор и дистрибутор
естественно-научный	—	естественно-научный	—	естественно-научный	—	естественно-научный
исчерпать	исчерпать	исчерпать	исчерпать	исчерпать	исчерпать	исчерпать
йогурт и йогурт	—	йогурт и йогурт	йогурт	йогурт	йогурт и йогурт	йогурт
карате	карате	карате и карата	карате	карате	—	карате
маркетинг и маркетинг	—	маркетинг и маркетинг	маркетинг и маркетинг	маркетинг и маркетинг	маркетинг и маркетинг	маркетинг и маркетинг
массмедиа	—	массмедиа	—	массмедиа	—	массмедиа
носок и носков	носок	носок	носок и носок	носок	—	носок и носков
обеспечение	обеспечение	обеспечение и обеспечение	обеспечение и обеспечение	обеспечение	обеспечение и обеспечение	обеспечение
—	—	офлайн	—	оф-лайн	—	—
плеер	—	—	плеер	плеер	—	плеер
разыскной	разыскной	разыскной	разыскной	разыскной	—	разыскной
риэлтор	—	—	—	риэлтор	—	риэлтор
читанный	читанный	—	читанный	читанный	—	читанный
феномен и феномен	феномен и устар. феномен	феномен и феномен	феномен и феномен	феномен	феномен и феномен	феномен и феномен
хелпи-энд	—	хелпи-энд	—	хелпи-энд	—	хелпи-энд
церковно-приходский	церковноприходский	церковно-приходский	церковно-приходский	церковно-приходский	церковноприходский	церковно-приходский
—	—	шопинг	—	шопинг	—	шопинг-тур, шопинг-центр

Возможности «Контрабанды», к сожалению, не позволяют сделать эти таблицы более читаемыми. Просим читателей смириться с силами природы и считать эту картинку образительным материалом, иллюстрирующим сложность затрагиваемой в статье проблемы.

ДИСКУССИЯ ОБ ЭЛЕКТРОННЫХ БИБЛИОТЕКАХ: ЧИТАТЬ БЕСПЛАТНО!

Маркетинговое эссе в ответ на статью Леонида Казанова «По поводу пиратских оцифровок книги».

В советские времена в моей семье довольно много денег тратилось на чтение: мы выписывали литературные журналы, в том числе «роман-газету», сдавали макулатуру на Дюма, у нас была Библиотека всемирной литературы, книги дарили нам, и книги дарили мы. И просто покупали то, что можно было купить. Замечу при этом: не только можно купить, но и стоит прочитать. Разумеется, и в СССР было немало книг, которые читать не стоит. Но большинство книг, прочитанных мной, я брала в библиотеке. Потом мне было трудно с ними расставаться, но факт остается фактом: я читала их бесплатно. Кроме того, немалую долю в прочитанных мною книгах составляли те, которые мне давали прочитать друзья. Итого, бесплатно мною было прочитано около 80% книг.

Хочу отметить, что, в силу дефицита, бесплатно я читала именно лучшие книги. Признаться, мне не приходило в голову (равно как и моим родителям), что бесплатным прочтением книги я ворую у автора его гонорар, лишая его законного дохода. Напротив, посещение библиотек поощрялось ничуть не менее, чем приобретение книги за деньги.

Что я имею сейчас? Да все то же самое! Я покупаю книги в подарок, покупаю любимых мною авторов, чтобы они стояли на моей книжной полке, я покупаю необходимые мне настольные книги — около 20% того, что читаю. А 80% книг я читаю бесплатно, в электронных библиотеках. Не будем спорить о законности и моральных аспектах. Посмотрим на это с точки зрения рынка и рыночных механизмов поведения потребителя.

В данном случае я не пытаюсь оправдать читателей-халевщиков, пиратские библиотеки и иже с ними. Я не хочу рассматривать и претензии авторов, как противоположной стороны этого конфликта. Не конфликт, а объективные законы рынка управляют поведением потребителя, и задача противоположной стороны — знать эти законы и считаться с ними.

Экономические законы не могут опираться на мораль, мораль — это тоже стоимостная категория. Изменение менталитета потребителя требует долгосрочных вложений. Гораздо дешевле издать закон, изменяющий это поведение, но, как показывает практика, и добиться соблюдения закона не так-то просто, если он вступает в противоречие с менталитетом и естественным человеческим поведением. Так никакое антимонопольное законодательство не может противостоять образованию монополий и ценовым соглашениям между крупными корпорациями, может только тормозить и усложнять процесс. Точно так же закон об авторских правах лишь слегка мешает потребителю вести себя на книжном рынке так, как он привык. Закон этот — что-то вроде назойливой мухи: вызывает только раздражение, но ничего всерьез изменить не может.

Большинство людей планирует свои расходы подсознательно, не отдавая себе в этом отчета. В этом бюджете выделено довольно четко, сколько денег человек потратит на еду и какая это будет еда, какой ценовой категории, сколько — на транспорт, сколько — на коммунальные платежи, сколько — на мебель и ремонт и т.д. И, конечно, в бюджете каждой семьи есть расходы на развлечения. Часть этих расходов — расходы на чтение. У разных людей разные бюджеты на чтение книг. Кто-то считает для себя чтение самым важным развлечением, а кто-то — не

очень-то и нужным. Но в подсознании человека четко зафиксировано, сколько он готов на это потратить.

Эта цифра на относительно долгосрочном промежутке времени (несколько лет) — константа. Меняется она медленно и неохотно, ее определяет менталитет читателя (внутренняя составляющая) и внешние факторы, например, ситуация на рынке. Этот факт — важная деталь для составления маркетинговых программ, построения прогнозов и расчета ожиданий.

Из малых бюджетов в головах каждого человека складывается макробюджет: сколько на чтение готовы потратить все потребители книжного рынка. Без разработанных и профинансированных программ для рядовых участников рынка эту сумму тоже можно считать константой. И хотя в макромасштабе она изменяема и управляема, однако весьма неповоротлива.

Современный потребитель всегда стоит перед выбором: на что потратить свои деньги. И в структуре его развлечений книги уже давно не занимают первого места. Перед этим выбором стоят и те, кто имеет высокие доходы, и те, у кого заработок весьма и весьма скромный. Особенную категорию составляют подростки, не имеющие собственных доходов: их «бюджеты» складываются из карманных денег, весьма ограничены, зато почти полностью направлены на развлечения. Представьте себе подростка, который решает, что ему купить: бутылку пива или книгу? Я не вижу подростков, покупающих книги, зато покупающих пиво — на каждом углу. Играющих в on-line игры — в каждом интернет-клубе (это те несчастные, у кого нет своего нормального компьютера). Тусящих в интернете — множество, как и в кафе, и на улицах. На концертах, в кинотеатрах, на катках, на пляжах: соблазнов много, и книги — не самый большой соблазн. Особенно если за него надо платить деньги. Ведь тусить в чатах и играть в компьютерные игры можно и бесплатно.

Так с чего вы взяли, что кто-то побежит в магазины за книгами, если их можно бесплатно скачивать в сети? Скажу больше: если их нельзя будет скачивать в сети бесплатно, в книжные магазины тоже никто не кинется, уверяю.

Есть такой анекдот: «Папа, с завтрашнего дня водка подорожает. Ты теперь будешь меньше пить? — Нет, сынок, ты теперь будешь меньше кушать». Книги — не водка. Если они с завтрашнего дня подорожают, их просто будут меньше читать. Для большинства людей книги не являются предметом первой необходимости, особенно — новые книги. Если кризис прижмет домохозяйку, она сократит расходы на книги в первую очередь, а не в последнюю. Это называется — эластичный спрос. И у книг кривая эластичности спроса очень и очень крутая. Это не хлеб и не водка, цены на которые можно поднимать бесконечно — и все равно будут брать. Человек не будет тратить на книги больше денег, чем планировал. По крайней мере в среднем.

Макробюджет, который складывается из бюджетов, выделенных потребителем на чтение, в общей сложности расходуется следующим образом:

1. Хиты продаж поглощают львиную долю этих денег. Это либо гениальные (и раскрученные) произведения, вроде Гарри Поттера, либо успешные коммерческие проекты, не имеющие к литературе никакого отношения.

2. Покупка электронных устройств для чтения — для издателей и авторов эти деньги идут мимо, а для потребителя лежат в одной кубышке с расходами на книги. Человек, купивший электронную «читалку», обременен выражаясь, исчерпал свой лимит на покупку книг, иногда на два-три года вперед. И число таких людей растет день ото дня.

3. Довольно многочисленная группа книг «на выброс» — прочитать и забыть, а лучше всего — выкинуть, чтобы не занимали места на книжной полке. Именно в этой области подвизается большинство авторов и именно на этом надеется заработать — потому что именно на этот сегмент делает ставку издатель.

4. Небольшая, но стабильная доля идет на крепких авторов, которых не стыдно поставить на полку и подарить друзьям. Которых можно перечитывать и обсуждать.

5. На авторов, которых никто не читал и о которых никто не слышал, денег в этом бюджете уже не остается.

А теперь посмотрим, как обстояли дела, когда мы были самой читающей страной в мире. Около 80% книг мы читали бесплатно, брали в библиотеках и у друзей. Остальные двадцать мы покупали (или дарили друг другу) и получали в литературных журналах. При этом писатели, хоть и не были самой обеспеченной частью населения, но не бедствовали. Более того, они могли себе позволить работать над книгой три года, и авторский гонорар позволял жить на эти деньги, не подрабатывая в котельных и на вокзалах. Я, конечно, имею в виду профессиональных писателей, а не тех, кто долгие годы пытался в эту категорию пробиться (это — отдельный вопрос).

Вспомните фильм «Тутси» о жизни безработного актера. У нас в это время не было безработных актеров, потому что их число регулировалось «на входе» — при поступлении в театральный институт: за пределами конкурсом. Я не знаю, что лучше, и не предлагаю это обсуждать. Но если все те, кто не поступил когда-то в театральный, вдруг понастроят сцен и залезут на эти сцены, некому будет на них смотреть. И, уверяю вас, в этой толпе легко потеряются настоящие таланты, уровня Даля и Евстигнеева. С нашими писателями именно это и произошло: они решили, что если их издадут, то их будут и читать. Более того, они уверены, что раз они работают, то должны получать за это деньги.

Представим, что мы готовы покупать то же количество книг, которое покупали, будучи самой читающей страной мира. Но авторов-то стало в десятки раз больше! И доход каждого из этих авторов, очевидно, будет в десятки раз меньше. Просто потому, что люди не готовы читать по сотне книг в неделю, как бы они ни любили чтение. Более того, люди с тех времен стали читать меньше. Рост количества авторов и количества наименований книг никак не может повлиять на увеличение платежеспособного спроса. Более того, он и на количество прочитанных книг в единицу времени повлиять не может. А ведь книга — вещь долгоиграющая, есть еще классики, которых продолжают издавать. И они тоже — конкуренция современному автору.

Взгляните, автор зжат со всех сторон: с одной стороны — индустрия развлечений и море соблазнов, которые она предлагает. С другой — тысячи собратьев по перу, да еще и те, кто продолжает издаваться и после смерти. Стретьей — PR-акции коммерческих проектов, забивающие уши читателя (между прочим, весьма профессионально манипулируя его сознанием). И катится снежный ком: чтобы жить за счет авторских гонораров, надо писать больше и больше, а чем больше книг появляется на полках, тем меньше вероятность, что кто-нибудь их прочтет.

А теперь посмотрите на читателя. 95% книг, которые он видит на полках книжных магазинов — этот фуфло. Это толпа бесталанных безработных актеров на сцене, которые при этом стоят с протянутой рукой и канючат: «Ну я же играл, я работал, я репетировал — давай мне денег! Ведь ты смотрел, я видел, что ты смотришь!» Даже уличные актеры не требуют платы за свою игру — берут только то, что кинут им в шапку. На

что вы рассчитываете, уважаемые авторы? Каких денег вы хотите и за что? И верно говорят читатели пиратских библиотек: скажите спасибо, что я вас читаю. Потому что не только деньгами ограничен спрос на книги, но и временем. Потому что если со всех сторон раздается какофония, очень трудно расслышать в ней настоящую музыку — более того, трудно даже прислушаться. И если я прислушался — мне уже спасибо.

Самое обидное, что в этой толпе есть и настоящие таланты: вот кого этот бездарно организованный бизнес топчет в первую очередь. Мизерные гонорары убивают их, не дают им писать в полную силу. И вот это я скорей назову воровством: бездари и прохвосты оттяпали у них и тиражи, и честно заработанные деньги.

Рынок имеет склонность к саморегулированию. И потребитель, вопреки воле «производителя», все равно выкрутится. Как отреагировал потребитель на этот невообразимый вал книг, который на него обрушил издатель? Да очень просто — он перестал платить. К сожалению, он перестал платить не только за фуфло, он перестал платить вообще. И с особенным рвением он начал это делать после выхода закона об авторских правах, это его ответ на вой: «Бесплатное чтение книг — это воровство!». Но раньше писатели воровством это не считали, не так ли? Раньше большинство книг мы брали в библиотеках. И мы не скидывались на покупку книг в библиотеки — это была государственная программа, нам это доставалось бесплатно. Всем. И у кого денег куры не клевали, и у кого их совсем не было. Что изменилось сейчас? Писатели тоже хотят кушать? Безработные актеры в Америке тоже хотят кушать, но это не значит, что кто-то должен их кормить. Если они вылезли на сцену и что-то сыграли, из этого вовсе не следует, что кто-то им за это заплатит.

Рынок электронных книг будет расти не по дням, а по часам. По мере падения цен и доступности электронных «читалок». И все больше и больше читателей будут скачивать книги в сети — и скачивать их бесплатно. Этому можно помешать, закрывая пиратские библиотеки и торренты, но это не изменит тенденции: люди не станут тратить на книги больше денег, они будут меньше читать. Сначала они перестанут читать неизвестных им авторов, потом серьезную конкуренцию современным авторам составят те книги, срок авторских прав на которые истек. Когда правообладатели это поймут, они издадут новый закон: о покупке прав на издание таких книг. И появятся правообладатели на книги Достоевского и Толстого — их тоже нельзя будет читать бесплатно, это тоже назовут воровством. К чему мы придем, если закроем бесплатные библиотеки? Мы избавимся от читателей. От лучших читателей, заметьте, потому что читатели бесплатных библиотек — это определенный, довольно высокий уровень. Мы оставим вместо читателя потребителя развлекательной индустрии, которая по странному стечению обстоятельств ПРОИЗВОДИТ книги.

Но если мы не запретим пиратские библиотеки, книжный рынок рухнет в ближайшие несколько лет. Подавляющему большинству писателей вообще нечего будет жрать. И первыми пострадают лучшие — те, кто не имеет звездных тиражей, но не является и «производителем» книг. Потому что их сегмент рынка — читающая, а не развлекающаяся публика, а именно читающая публика в первую очередь озабочена приобретением «читалок». Максимум, на что они могут рассчитывать — это покупка их книг на книжную полку, в качестве сувенира или благотворительности.

Выход? Очень сложно говорить о выходе из этой ситуации. Права авторов, вроде как, уже защитили, но толку пока вышло мало. Закон об авторских правах вызвал только озлобление, а защитил не авторов, а правообладателей. Если и дальше законодательство будет развиваться в том же духе, ни к чему хорошему это не приведет. Потому что на дру-

● БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРА

гой чаще весов — защита прав читателей. Не потребителей, а именно читателей. Подростков, в первую очередь, которых надо приучать читать. И брать с них за это деньги — безнравственно. Наоборот, их надо тащить за уши в те самые бесплатные библиотеки, как когда-то тащили меня. Им надо внушать, что читать — это хорошо, это правильно. И не создавать у них на пути препятствий в виде денег (даже жалких копеек, которые они могут потратить на тысячи других соблазнов в сети).

Единственный выход, который я могу предложить: государственная программа финансирования бесплатных библиотек, как это было в советские времена. Не запреты и препоны в виде идиотских неработающих законов, а прямая оплата скачивания книг. Возможна не государственная, а благотворительная программа, но, имхо, это не обеспечит нужного количества денег.

Подобного рода программа может хоть как-то обуздать рыночный беспредел, ввести хоть какой-то отбор не с точки зрения спроса и предложения, а с точки зрения качества и уровня книг. Разделит голую развлекательную индустрию и литературу. И тем самым обеспечит доходы тех писателей, которые пишут книги, а не производят их.

Государство должно регулировать рынок! Это его прямая обязанность. Государство должно тратить деньги налогоплательщиков на этих самых налогоплательщиков. И хотя я понимаю, что нашему правительству это не выгодно, но, имхо, в этой стране еще остались люди, которым небезразлична ее культура. Рынок убивает сейчас эту культуру, убивает прямо у нас на глазах.

А впрочем... И там все будет куплено и продано... Дарья Донцова и Оксана Робски войдут в историю русской литературы как классики, за их скачивание государство предложит читателям доплату и бонусы, а чиновник получит за это «откат».

Но пока я не вижу другого выхода. Реклама и пожертвования читателей не обеспечат доходов авторам, это кошачьи слезы.

Выход для издателей: надо сокращать количество авторов и число наименований книг. И увеличивать тиражи тех, кто останется. Между прочим, уровень качества книг на Западе много выше нашего, и это потому, что издатели там — профессионалы. Профессионалы в литературе и в маркетинге. Имхо, западный издатель не станет издавать книгу для того, чтобы посмотреть, пойдет она на рынке или нет. Западный издатель умеет определять это заранее. А наш идет по пути наименьшего сопротивления и наименьших затрат. Потому что за двадцать лет рыночных отношений наш бизнес не привык смотреть на десять лет вперед, его интересуют только прибыли ближайшего года. Лозунг «Пипл схавает» уже не работает. «Пипл» хавал в начале 90-х, когда еще верил издателю и печатному слову.

Вывод для авторов: перестаньте кланчить деньги и кричать о воровстве. Никто не даст вам больше денег, если вы запретите читать себя бесплатно. На каждые заработанные двадцать рублей (приобретя одного покупателя) вы потеряете сотню читателей. А если вам нужны не читатели, а покупатели, может быть тогда вам не стоит писать? Может быть тогда лучше производить товары в какой-нибудь другой, менее конкурентной области? Честное слово, бухгалтера зарабатывают не меньше, а значительно больше писателей. Равно как слесаря и водители такси.

К сожалению, обидней всего за тех, кто не может не писать и при этом пишет хорошо. Они действительно в безвыходной ситуации.

Ольга ДЕНИСОВА

● ТЕХНОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ЛИТЕРАТУРА И ТЕКСТОВЫЕ НОСИТЕЛИ: УВЕКОВЕЧИТЬ ИЛИ ЗАРАЗИТЬ?

Вот данные журнала U.S.News о долговечности различных носителей информации (в годах):

Магнитная лента	5-15
Магнитная лента в кассете VHS	2-10
CD-ROM	5-50
CD-R, записанный на пишущем CD-RW	2.5-40
Плёнка для микрофильмов	10-20
Плёнка для архивных микрофильмов	100-200
Газетная бумага	10-20
Качественная бумага	до 100
Спецбумага (например, для гос. договоров)	до 500

К сожалению, в списке нет данных о долговечности пергамента, бересты, глины, мрамора и гранита. Но очевидно, что последние могут хранить выбитые на них письма даже не тысячи, а миллионы лет.

Кроме долговечности носителя, на уязвимости информации сказывается способ её записи. Аналоговая информация гораздо более надёжна, поскольку не содержит внутри себя сведений о способах её чтения. В цифровой записи есть критические точки, повреждение которых делает запись непригодной для чтения.

Сопоставляя надёжность цифровой и аналоговой записей с долговечностью цифровых и аналоговых носителей (для верности выкинем магнитные ленты), можно прийти к выводу, что каждый конкретный экземпляр цифровой записи крайне недолговечен, в сравнении с каждым конкретным экземпляром аналоговой записи. Словом, ваш шедевр на CD-ROME проживёт куда меньше Розеттского камня.

Поэтому в Интернет-среде необходимо должны появляться (и уже появляются) иные, чем в реале, пути повышения устойчивости текстов, картинок и проч. — пути, основанные на встроенной в эти тексты и картинки способности к самокопированию в общественном сознании. Кнопки типа «пошли ссылку другу» — лишь внешнее проявление этого свойства.

Вероятно, одна из сторон этого свойства у текстов — их, скажем так, цитируемость. Если люди начинают говорить цитатами из текста — значит, текст живёт и заражает всё новые и новые мозги. Если же текст малоцитируем (например, если это «Мир как воля и представление» Шопенгауэра или «Математические начала натурфилософии» Ньютона), его следует размещать не в Интернете, а на аналоговых носителях. Печатать на бумаге, например.

А лучше сразу выбивать на гранитной плите :)

Сергей АЛХУТОВ

ПОЭТИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА ЖИВОГО ЖУРНАЛА

Журнал «Контрабанда» продолжает публикацию поисковых исследований поэта Андрея Моисеева.

Конечно, когда целое сообщество представляет взгляды и вкусы одного человека (ну, или там полутора человек) — это печальное зрелище. Но ведь и наши собственные журналы, как правило, выражают взгляды одного человека — и это никого не напрягает. Просто, наверное, всё дело в том, что за человек перед вами. К одному зайдешь, пробежишь глазами два верхних поста — и закроешь навсегда, а другого хочется немедленно записать в друзья и читать взахлеб от корки до корки. Поэтому, говоря о поэтических сообществах, не могу умолчать здесь о трех «частных» журналах, полностью посвященных поиску в Сети и дальнейшему распространению хорошей поэзии.

Журнал *verserito* специализируется на поэтах, обитающих в ЖЖ. Записей — 41, комментариев — 38, в друзьях у 85 юзеров. В числе представленных авторов Михаил Дынкин, Глеб Михалев, Сергей Шестаков, Дмитрий Плахов, Игорь Караулов, Ольга Родионова и многие другие, известные и не очень. Второй журнал — суперстихи зондирует разные поэтические сайты. 39 записей, 53 комментария, в друзьях у 37 человек. В этом журнале можно встретить стихи Александра Кабанова, Николая Сулимы, Владимира Таблера, Евгения Орлова, Георгия Чернобровкина, Германа Власова и других авторов. И, наконец, третий журнал — *shego_to_vdrug* размещает и классиков, и современников. В нем 33 записи (комментарии отключены), и, сколь ни грустно, всего три человека зафрендлили этот проект. Найти в нем можно Пушкина, Баратынского, Гумилева, Мандельштама, а также Олега Горшкова, Дмитрия Воденникова. . .

К большому сожалению, последние записи во всех трех журналах сделаны очень давно. Не берусь судить о причинах, но, возможно, сравнительно вялая реакция читателей (то есть, наша с вами, друзья) навела создателей на мысль, что игра не стоит свеч. Если так — очень жаль. Возможно, я машу кулаками после драки, но все же решил занести всех троих во френды в надежде увидеть пополнение коллекции в будущем.

А вообще-то есть предположение, что все три названных журнала были созданы одним и тем же человеком (или группой товарищей). На эту мысль наводит и синхронность их возникновения (конец 2006 — начало 2007 гг.), и одинаковый стиль оформления, и полная секретность в юзеринфо, и главное — довольно четкое разделение сфер поэтических интересов. В общем, как говорил старина Вини Пух, «это ЖЖЖЖ — неспроста!»

Итак, любители классической и современной поэзии в ЖЖ не забыты — им есть куда пойти и что почитать. А что делать, если «чужка не читатель, чужка — писатель»? Есть сообщества и для пишущих, однако. Самое большое из них — *ru_stihi*. Существует с мая 2003 года, и отметилось за отчетный период десятью с лишним тысячами постов (читай — стихотворений) и 25-ю тысячами комментариев. Это сообщество-тысячник: в его составе 1610 участников, его читает 977 человек. В *ru_stihi* записаны такие авторы, как Б. Панкин, Р. Кусимов, С. Фаттахов, А. Караковский, И. Зеленцов, С. Яндел и известный бард Л. Захарченко. Правда, их поэтических текстов на последних пяти страницах ленты я не обнаружил (и, кстати, совершенно этому факту не удивился). Имена тех, кто активно публикуется в *ru_stihi*, мне совершенно не известны, и это тоже вполне естественно. Но надо заметить, что размещаемые тексты — это уже не тот «ужос», которым изобиливал в свое время любой поэти-

ческий сайт со свободной публикацией. Встречаются стихи интересные или хотя бы просто добротные. Кстати, и средний показатель «2,5 комментария на стихотворение» говорит о том, что жизнь в *ru_stihi* есть.

И всё же, если вы не хотите, чтобы плоды вашего вдохновения были похоронены под десятью тысячами произведений других авторов, вам есть смысл попытаться счастья и в других сообществах (правда, не всё ли равно: НЕ знают ваших стихов полторы тысячи человек или всего лишь сотня-другая? Впрочем, не будем о грустном. . .) В качестве альтернативы предлагается, например, «Общество потерянных поэтов» *lost_poets*. По крайней мере, судя по названию, его создатели не кормят авторов байками об их грядущей мировой известности, а предлагают небольшую, но уютную площадку для самовыражения. Впрочем, «небольшую» — это как посмотреть: с апреля 2004 года размещено 1327 стихотворений, получено 3375 комментариев; участниками сообщества являются 534 человека, и 426 юзеров держат его в своих френдлентах. В списке участников — А. Ефимов, А. Гамзов, И. Гольцова, А. Барвицкая, И. Панин; правда, заполняют ленту стихами опять-таки совсем другие люди. Юзеринфо сообщает, что к присылаемым стихам предъявляются определенные требования — в частности, яркость образов и свежесть мысли, что наводит на мысль о существовании в сообществе модерации и отсева по художественным критериям. Помимо стихов, в сообществе публикуются анонсы поэтических мероприятий.

«Поэты свободы» *freedompoets* — еще одно заведение для авторов. Оно позиционирует себя как сообщество, в котором нет никаких ограничений, ущемляющих нежные и ранимые поэтические души (*Редакция: это как посмотреть, в 2009 году модератор freedompoets забанил известную сетевую поэтессу Бантики-в-слезах... за стихи*). Впрочем, «грубый и необоснованный мат» и наезды на других поэтов и здесь не приветствуются. Сообщество сравнительно молодое — создано в апреле 2006 года. В числе 166 участников и 136 читающих — И. Рассадников и А. Круглов (*k_a_t_z*). Ярко выражен «актив» сообщества — несколько авторов, заполняющих собой 90% ленты. Кстати, зачастую это те же самые люди и те же самые стихи, что висят и в *ru_stihi*, и в *lost_poets*. А что поделать — сообществ у нас вон сколько развелось, авторы нарасхват, вот и приходится им разрываться на части. . . Записей — 760, комментариев 1302, и, судя по этой пропорции, читают ленту сообщества в основном ее же участники. Впрочем, вряд ли в других «сообществах для авторов» много наберется читателей «со стороны» — ведь это, как ни крути, стихи «первого уровня», и далеко не каждый сумеет подняться выше.

Андрей МОИСЕЕВ

АНТОН НЕЧАЕВ: “ФОНД АСТАФЬЕВА ИЩЕТ АВТОРОВ САМ, ПОД СВОЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ”

Антон Нечаев – главный эксперт Литфонда имени Виктора Астафьева, один из заметных деятелей культурной жизни Красноярска.

А.Н.Э.: – Некоммерческий Фонд имени В. П. Астафьева создан в 1994 году для поддержки наиболее талантливых представителей культуры и искусства в России. Антон, какие цели Вы преследовали, создавая Фонд?

А.Н.: – Фонд имени Виктора Петровича создавал собственно сам Виктор Петрович с помощью друзей, коллег-писателей, спонсоров. Кажется, ключевой разговор тогда прошел на борту самолета Москва-Красноярск (знаю только по рассказам, поскольку, понятное дело, в Фонде тогда не работал да и вообще в Красноярске меня не было). Там вместе летели Виктор Петрович Астафьев и Владимир Николаевич Гулидов – фигура для Красноярска очень значимая, ген.директор Красноярского завода цветных металлов, известный благотворитель. И там на борту, если ничего не путаю, Гулидов предложил Петровичу создать Фонд его имени (сам Астафьев был человек скромный, не стал бы своего имени Фонд основывать). Решено было работу Фонда посвятить молодым талантливым людям, поддерживать их по мере сил. Не обязательно, кстати, писателям, это позже мы сконцентрировались только на литературе. А сначала премии выдавали и актерам, и журналистам, и художникам, и библиотекарям. Приоритет был, конечно, отдан авторам из Сибири, но статус премии сразу был всероссийским, потому как и из других регионов поддерживали авторов. Вот эта главная цель при всех произошедших за годы изменениях (и Астафьева нет, да и Гулидова тоже) сохраняется: поддержка молодых авторов, если угодно стимулирование их творчества, продвижение их в жизнь литературную ради жизни всей нашей литературы, ради ее нормального, здорового существования.

А.Н.Э.: – Ежегодно в Красноярске вручается литературная премия им. В.П. Астафьева. Каковы причины, по которым молодому автору следует участвовать в конкурсе? Есть ли от этого какая-то реальная отдача?

А.Н.: – Аня, думаю, тут у каждого участника конкурса свои мотивы. Кто-то хочет хоть немного, но заработать (размер премии обычно тридцать тысяч рублей), кто-то мечтает приобщиться к знаменитому имени Астафьева, кто-то любит в придачу ко всему прочему путешествовать и приезд на премию расценивает, в том числе, и как познавательную поездку. Все эти, а также и многие другие причины оправданны. Конечно, молодому писателю (да любому писателю) не повредит лишняя копейка, премия, еще немного известности, связь с раскрученным, для многих почти святым именем Астафьева. Должен еще сказать, Аня, что помимо премии мы пусть немного, но помогаем и другими способами: это публикация в ежегоднике Фонда «Перовестник», публикация в иных, дружественных нам изданиях. Наши авторы печатались с нашей подачи в журнале «День и ночь», «Дети Ра» (Красноярский номер, а первый номер 2010 года посвящен Кемерово, также с подачи Фонда). Часто приглашаем на выступления, иногда бывают поездки, но это все для красноярцев, в основном.

А.Н.Э.: – В этом году в связи с вездесущим «кризисом» начала сезонов многих литературных премий так и не были объявлены. Как дела с этим обстоят в Красноярске?

А.Н.: – Пока не знаю. В 2009 году вручили, хотя, как говорят, положение было непростое. Про 2010 ничего не могу сказать. Радости здесь мало. Основной спонсор Фонда последних лет компания «Балтика» (здесь спасибо Евгении Георгиевне Кузнецовой) в 2009 сократил нам финансирование

вдвое. На десятый год, пусть я ошибусь, но у меня очень нехорошие предчувствия. Многим предприятиям надоела благотворительность, все поголовно избавляются от непрофильных активов. А мы самый что ни на есть непрофильный актив. Ведь, что сказать, позорище из позорищ – в этом году мы прекратили выплачивать пенсию вдове Астафьева Марии Семеновне, которую она получала много лет. Пенсия эта очень ее поддерживала. Но здесь мы бессильны: пенсия шла из денег компании РУСАЛ, который избавился вроде как в связи с кризисом от такого «отягощающего» платежа. Видно, время настолько трудное, что одна невеликая пенсия скромной бабушки способна разорить крупнейшую в мире алюминиевую компанию.

А.Н.Э.: – В прошлом году вышел первый номер альманаха «Перовестник», в который вошли произведения лауреатов премии. Выход его вызвал довольно-таки большой резонанс и волну жесткой критики, в том числе. В чем плюсы и минусы «Перовестника», на Ваш взгляд?

А.Н.: – Анечка, вы задаете этот вопрос фактически самому основному работнику «Перовестника». Как вы знаете, я и составитель этой книги, и редактор, частично и корректор. Более того, я же рассылаю, часто сгружаю-разгружаю и пр. Эта книжка мне родная. Так что вряд ли от меня вы дождетесь хотя бы минимальной объективности. Но все же попробую немножко взглянуть со стороны...

При сегодняшнем положении литературы в России, а в провинции особенно формат ежегодника, на мой взгляд, наиболее предпочтителен. Ни в одном городе, ни в одной редакции сейчас нет достойных внимания материалов на 12 номеров в год. Может на шесть и то только у известных изданий. А печатать всякую хрень лично мне не хочется. Поэтому в наш ежегодник входят реально лучшие тексты. Потому как книга одна, и конкуренция очень высокая. Конечно, это не лучшие тексты в мире, это лучшие тексты, попавшие в обозримое поле Фонда Астафьева, пришедшие к нам на конкурс. А создали их одни из лучших, а главное перспективных молодых литераторов страны. Прошлый год уже не буду трогать, про ту книгу много сказано, а в «Перовестнике 2009»: Евгений Эдин, Игорь Кудрявцев, Игорь Кузнецов, Наталья Лайдинен, Денис Берестов... То есть авторы, получившие уже всероссийское признание. Однако в чем несомненный плюс нашей книги, а также всего премиального цикла Фонда Астафьева – мы провинциалы. Мы совсем не ориентируемся на Москву. Мы ищем и открываем авторов сами, под свою ответственность, не боясь ошибиться, попасть впросак. То, что они потом еще играют где-то – что ж, пусть, нас это только радует.

Мне не очень нравится, как распространяется «Перовестник». Книга расходуется по России, я рассылаю ее в основные издания и авторам, конечно. Но способ распространения по Красноярску неэффективен.

● КАЮТ-КОМПАНИЯ

Книги нет в продаже (не имеем права. Лишь изредка, из-под полы). Многое идет в библиотеки, но все как-то вяло, неактивно...

А.Н.Э.: – В «Журнальном зале» «День и ночь» стоит в одном ряду с толстяками «Дружба народов», «Знамя», «Новый мир» и пр., пробиться в которые начинающему автору просто нереально. А Вы публикуете молодых? Каковы критерии отбора рукописей в «ДиН»?

А.Н.: – Увы, я уже несколько лет не работаю редактором этого журнала. Работал там с Романом Харисовичем Солнцевым, которого считал и считаю не только своим старшим товарищем, много помогавшим мне по жизни, часто просто одним своим присутствием, но считаю его и своим другом. Вот с ним я работал в «ДиН» пять лет. Как Солнцев умер, я сразу, не раздумывая, ушел. Я хотел работать в журнале с ним, поскольку уважал его как человека и писателя, более того, мечтал с ним работать в журнале, знал, что многому у него могу научиться, и смею надеяться, хоть чему-то научился. Помимо Солнцева, боюсь, в Красноярске я бы не согласился ни с одним человеком делать журнал (имею в виду старших товарищей. С молодежью можно, там весело). Простите мне, возможно, некоторое высокомерие, но что поделаешь, я правда так думаю. Критерий отбора при нас был один: рукопись должна быть талантлива, на наш взгляд. И все. Любая талантливая рукопись у нас проходила. Но тут все зависит от взгляда, на самом деле. Взгляд должен быть культурен, широк. Есть ли сейчас такой взгляд в журнале «День и ночь» – не уверен.

А.Н.Э.: – Вы – популярный блоггер, ведете литературную рубрику на Newslab.ru. Интернет – гигантская клоака, отбирающая кучу времени. А может ли интернет реально чем-то помочь начинающим авторам?

А.Н.: – Что может помочь автору – один Господь ведает. Кого инет сделает писателем, а кого-то напротив погубит. Так же кстати, как и наша премия: сколько людей она испортила, сколько вообще бросили писать... И это неплохо. Даже хорошо. Не все должны заниматься литературой, не так ли? Ну а в инете, в частности в моем блоге можно: выставить свое произведение на всеобщее обозрение-обсуждение, которое часто бывает полезным, часто жестоким. Я выставляю порой совсем ученические работы, и более опытные ребята советуют, что нужно подправить, куда двигаться. Плюс после первого поста ты если и не становишься знаменитым, но намного известнее, это точно. Несомненный плюс моей колонки то, что она не в ЖЖ, а на внешнем ресурсе, более того, ресурсе новостийном, где сидит весь регион, где берут новости и телекомпании, и газеты. Поэтому посещаемость там весьма высока. Люди заходят в блог, комментируют, читают. Конечно, в большинстве своем это публика случайная, нелитературная, но разве в привлечении случайных людей как минимум в качестве наших читателей не есть одна из главных задач популяризаторов отечественной словесности?

А.Н.Э.: – Начинающие авторы – все равно, что слепые котятка. Что бы Вы им посоветовали?

А.Н.: – Коллегам скажу: не подделывайтесь ни под кого, не пишите для «Нового мира» или для «Дня и ночи», к примеру. Или для Букера. Будьте самими собой, ищите себя, рискуйте, проигрывайте, живите. Но не пишите, чтоб пролезть куда-нибудь. Уважайте себя и дело, за которое вы взялись. Поймите, в этом мире нет ничего вечного, вкус, власть, тенденция постоянно меняется. Посему нет смысла подыгрывать преходящему. Писатель по определению занимается только собой, своим миром, который ему никогда не изменит и который постоянно меняется. Работая над собой, вы никогда не проиграете. Так что пишите. И верьте Господу.

Беседовала Анна Никольская-Эксели

● ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ В ИНТЕРЬЕРЕ

ВОДА И ГЛИНА НАДЕЖДЫ КОГАН

На «Стихи.ру», «Термитнике», «Самиздате», портале «Что хочет автор» она – Надежда Коган. На «Рифме.ру» – Шляхова Надежда. На «Прозе.ру» – Горгона. Но где бы вы ни встретили этого замечательного автора – вам будет интересно. И при этом вам будет тепло.

Надежда Вениаминовна Шляхова (Коган) живет в Подмоскowie, в поселке Лоза, под Сергиевым Посадом. И так же, как известна она в поэтическом Интернете, знают ее и в реале – в Лозе и окрестностях. Дверь ее маленькой однокомнатной квартиры на последнем этаже хрущевки совершенно по-окуджавски открыта для любого входящего, будь то сосед, юное дарование или далекий гость. И так же широко распахнуто ее окно в виртуальное пространство – круг интересов Надежды Коган настолько широк, что практически любому собеседнику найдется в нем место. И при этом весь ее мир – совершенно необъятный, сияющий самыми неожиданными гранями – начинается здесь, в Лозе:

Сегодня роза расцвела,
Пропавший кот пришел.
А это значит, что дела
Пребудут хорошо.
А это значит – в доме лад
(В душе, не напоказ...)
И потрясенья, мор и глад
Пока минуют нас.
И мы идем рука в руке,
И путь у нас – прямой.
И роза расцвела в горшке,
И кот пришел домой.

Я думаю, что для Надежды гармония в обыденных делах, душевное спокойствие – не за себя, а за близких и друзей – это та опора, которая позволяет бесстрашно забираться в любые выси и дали, будь то история Древней Руси, дзен-буддизм, целительство или нумерология. Ее интерес к любым проявлениям жизни практически безграничен, и любая тема рано или поздно находит свое отражение в стихах:

Освободи глину
из тесноты пласта.
Очень просты чары:
Вода и твои руки.
Пусть длинногорлым кувшином
Спрятанная красота
Вырастет на гончарном,
На чародейном круге.

Освободи воду,
запертую в кристалл –
И не удержишь в сите
Всплеск ее яркий, ясный.
Талой воды воля
Легко расплавит металл,
Влившись в ядерный синтез
Неудержимой плазмой.

● ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ В ИНТЕРЬЕРЕ

Освободи небо,
Закованное в слова,
Заплеванное, болезненное,
Окуренное мольбами –
И разорвутся скрепы,
Кастрюльная синева
Станет высокой бездной,
В которой таится пламя.

Освободи глину – и крылья выпрямят спину.
Освободи воду – разбей серебристый лед.
Освободи небо – и липкая паутина,
Сгорая в огне свободы, с души твоей упадет. . .

В этой работе с материалом, в освобождении его от всего лишнего, мешающего, загромождающего суть, и состоит для Надежды Коган смысл творчества. Ей не нужно придумывать сюжеты и образы – всё уже существует в мире:

Солнце зашло. Рапорт 11-прим-ДВ

Сим довожу до высочайшего сведения
Начальника департамента Всеведения,
Что явление выхода подотчетного участка планеты
За пределы их Всемогущества Светлых Ворот,
Именуемое в дальнейшем. . . (Как там у них: радуги, тучи, рассветы?),
Все перепуталось. . .) ладно, «явление бета»,
(Ох, не забыть, что альфа будет наоборот!),
Значит. . . явление «бета», сопровождаемое эффектами
Дифракции, рефракции и вполне благожелательными респектами
Со стороны департамента небесного благоустройства,
Было начато точно по графику в семнадцать – ноль пять
И завершилось без всякого беспокойства
(Разве что пара пиитов упились до мозгового расстройства) –
Так, по хронометру – в восемнадцать. Подпись. Печать.
Пренебрежем, пожалуй, остаточным заревом.
Итак: «явление бета» – Их Всеведению на доклад,
Копия – в Небесную канцелярию,
ТЬфу ты, вспомнилось, наконец: ЗАКАТ!

И в этом стихотворении перед нами – Надежда Коган, одно из любимых занятий которой — «похулиганить», привести читателя совсем не к тому финалу, которого он ожидал. А замечательное чувство юмора и неиссякаемый оптимизм – лучшие помощники в этом деле. Ну кто еще мог бы так написать:

Весенний дождь на тонких ножках
Шагает робко по земле.
Моя соседка, Бабка-Ёжка,
Руль починила на метле.

Под триста, а летает бодро,
Пугая ночью вороньё.
И два талона техосмотра
Висят на ступе у нее.

Протру полы, помою окна,
От грязи вычищу гараж
И под дождем пойду помокну,
Накинув куртку-камуфляж.

Сосед-лешак тропинки выгнул,
Но мне-то, право, наплевать:
Взмахну платком, на кочку прыгну —
Стрелу нечаянную ждаты.

И в то же время из тех же народных корней прорастают вот такие стихи:

Молчи над Вечным огнем, страна,
Молчи, опуская суровый взгляд.
Ведь это только твоя вина,
Что здесь братишки мои лежат.

Ведь ты принимаешь, как Божий дар,
Проросший сквозь пашни твои пырей:
Измену и козни твоих бояр,
Жестокость и глупость твоих царей,

Твоих чинуш тараканий бег,
Разнообразии харь и личин. . .
Минута молчания.
Год и век —
Молчим.

Это уже не стеб. Это настоящая боль за наше прошлое, настоящее и, увы, будущее. Говоря о неправильной и больной родине, на которой довелось родиться и жить, Надежда Коган никогда не смотрит на нее отстраненно – она плоть от плоти этой земли, и всё, что происходит вокруг, пропускает через свое сердце. «Я слишком многое вложила в эту землю, // Чтоб вам на растерзание отдать», – пишет она в стихотворении «Антисемитам» в начале 90-х годов. А лучшее подтверждение сказанному – блестящая поэма «Крылатые люди», которую я считаю подлинным шедевром современной поэзии. Прочитайте ее – и я уверен, что история древней, уже не существующей Рязани заденет самые тонкие струны вашей души.

А мне осталось рассказать еще об одной ипостаси Надежды Коган – о ее уникальном даре критика. На одной только «Стихире» ею написано более трех тысяч откликов и рецензий – и ни в одной из них вы не найдете банального «понравилось» или «!!!» Надежда не пишет откликов, чтобы «отметиться» – в каждом из них глубокое проникновение в суть прочитанного. Знаю по себе, и неоднократно убеждался на примере других – зачастую Надежда видит в стихотворении больше, чем в него вкладывал сам автор. Вот оно – «освободи глину!» И очень хорошо, что этот редкий дар поэтического аналитика находит применение – и в мастер-классах на портале «Что хочет автор», и в аналитической группе таких престижных поэтических конкурсов, как «Муравей на глобусе».

Я желаю дорогой Надежде, чтобы вдохновение и оптимизм ее не покидали, чтобы творчество приносило ей радость и удовлетворение, и пускай всегда и во всем ее дела «пребудут хорошо».

Андрей МОИСЕЕВ

ВРУНЕТ: ПОЭТЫ

Итак, мы углубляемся в страну слов и букв. И смотрим на тех, кто предпочитает писать в рифму или без рифмы, называя свои строки словом «стихотворение». Попробую припомнить самые массовые группы. Снова оговорюсь, речь не идет о степени таланта, потому что талант может воспеть равно и всемирную катастрофу и одуванчик у ржавого рельса и это будет – хорошо. Речь лишь о предпочтениях в приемах и способах, применяемых авторами.

Вот, к примеру, было раньше облаканное официальными структурами направление воспевания березок. Думаете, прошло? Сейчас никто не держит за шиворот и не рекомендует. Но, тем не менее, целая группа стихотворцев продолжает выращивать на своих авторских страницах березоньки и запускать журавликов, заливая полученные образы сиропом тихой любви к Родине. Все бы ничего, но стихи эти, как правило, клонированы настолько, что, читатель, даже проникнувшись, вряд ли обнаружит среди родимых кущей слабые авторские следы. Назовем этих авторов **нежными патриотами** и пойдем дальше.

«У меня есть Родина – Россия.
Это счастье – это жизнь моя,
Это моя будущая сила,
Это – моя дружная семья.

Это – шёлк лазоревого неба
И лесов немерянная ширь.
Это – поле золотого хлеба
И народ мой – добрый Богатырь.»

Есть ведь и другие патриоты... Они не поют, на гусях или бандуре себе подыгрывая. Они дуют в трубу или бьют в барабан. При малейшей угрозе инструмент, заменяющий лиру, отбрасывают, чтобы читателя за шиворот схватить и научить родину любить. Необходимость следить за политической картиной мира делает авторов нервными и резкими в движениях. Ну и что, если не так понял и разразился поэмой не в ту сторону! Можно быстренько написать другую, не менее злободневную. Любимые герои таких стихотворцев конечно, президенты и военные, а рифмы к фамилиям лидеров – предмет личной гордости. При встрече в реале **поэт-ура-патриот** может и морду набить читателю. Если тот поэтовых мировоззрений не поддерживает.

«Парнишка русский с автоматом
Не преступивший двадцать лет
Опять шагает по дорогам
И получить не ждёт ответ
Когда российские просторы
Забудет трогать злобный враг
И те, кто делает карьеру
О нём не будет забывать»

На этом фоне душой отдыхается рядом с **поэтами салонными**. Вот уж кто мягок и чист! Главное для салонного поэта – наличие клумбы поклонниц, в центр которой он сам себя высаживает, предоставляя им полив и окучивание. Вдохновением для салонного поэта служит любая фраза, слово, вздох и взгляд – в его или в противоположную сторону. Смо-

трящим на него посвящаются строки с намеками и ахами, отвлекшимся – строки с упреками и ахами. Главное, чтоб эта музыка была вечной. А пока гендерные различия никто не отменял, батарейки в поэте не садут.

«Страсти тайфун в черно-белом прикиде,
Женщина-вамп и красotka мечты...
Только грустинка в глазах затаилась...
Всё не так просто, как думаешь ты...»

Плакальщики и плакальщицы. Вот тут пол неважен. Главное, упасть в страдания и долго-долго, желательно бесконечно тонуть в них, издавая мелодичные звуки, окрашенные тоской и безнадежностью. Эта форма стихотворчества изрядно поблекла с появлением сначала готов, потом эмо, потому что страдания, столь массово ушедшие в народ, приобретают налет лубочности, а поэту – будто его в зеркале показали. Не слишком приятно видеть сотни таких же по уровню страданий, написанных маркерами на каждой городской стенке.

«по ладоням твоих оправданий
ты стал тем, кто быть может приснится
в душном поезде – смутном желании
улететь от тебя. и быть птицей»

Противоположность страдальцам – **попрыгунчики**. Это не разновидность салонного стихотворчества. Попрыгунчику для вдохновения противоположный пол не нужен. Он просто умеет говорить и писать в рифму – обо всем. Путая это умение с поэтическим даром, попрыгунчик исполнен радостного восхищения перед собой и щедро делится бусиками из слов с окружающим миром. Вы ему о погоде, а он в ответ – в рифму. Вы ему о тараканах в кухне, а он опять! К примеру, есть люди, которые, по глуховатости своей, громко кричат, беседуя. Но они не записывают свои крики, считая их новаторскими произведениями музыкального искусства! А попрыгунчики аккуратно фиксируют все подергивания гальванизированных рифм и считают это – стихами. Многие из них восторженно осваивают различные техники стихосложения, знают о них много и, без труда впадая в роль патриарха, с высоты своей плодовитости учат других. Как правило – ненормальных, неформатных, тех кого угораздило родиться талантливым.

«Тик-так... Всё пустяк...
Тень мечты, пустая блажь...
Без тебя жизнь – фальш...
Это так... Тик-так...»

Поэты хулиганствующие. Цель – эпатировать всех и вся. Средства – до зубной боли одинаковые. Начинающий хулиган, пугаясь сам себя, пишет слово из трех букв, рифмуя его с «танцуй, атакуй», и с трепетом ждет реакции. Но в соседнем разделе, о ужас, давно уже в каждой второй строчке «пипец», и начинающему хулигану ничего не остается, как писать круче и крепче. Так он становится певцом похабени, озобоченным лишь тем, чтоб «забирало покруче».

Есть еще **похабники тонкие**. Они не пишут грубых слов, они со словами играют. Игры эти выше пояса не поднимаются и в результате от прочитанного все равно остается ощущение, что читатель в баню зашел, а обратно, к одетым, его никак не выпускают.

• КУНСТКАМЕРА

«Зжми между ног свою похоть,
Запрячь её глубже и дальше,
О, как я устала сохнуть
По этой лоснящейся фальши.»

Отдельной толпой, держась за решетки штампов, стоят в клетке **эстетствующие хомячки**. Им ничего не надо, лишь бы позволялось щедро украшать пустоту «лунностями», «звездностями», «безбрежностями» — «на крыльях парящими». С одной стороны жалко их, потому что штампов с каждым написанным стихотворением становится все больше и клетка все крепче, а с другой — сами они своей судьбой совершенно довольны, — корм из красивеньких словосочетаний не переводится. И из клетки куда не рвутся. Лишь бы там — лунно и первоцветно.

«Ее глаза пылали страстью,
пленяли сердце дивной властью,
из уст срывался слабый стон...
А юноша не знал, несчастный,
в бреде ли он, иль видит сон»

И, наконец, есть еще категория рифмующих, которая имеет отношение ко всем перечисленным и всем упущенным. Это **Новые Пародисты**. О, эти санитары зачарованного леса под названием Графомань! Как много пищи, сколько вкусных объедков! И как же просто охотиться среди хромых и увечных порождений бесталанности! И вставать не надо, ваяйся под кустом и жди. Сплошным косяком идут в пасть сетевому пародисту нежные девочки с рифмованной любовью в руках, ура-патриоты, путающие даты и события, томные страдальцы и тонкие эстеты... И там, где корм доступен и изобилен, пародия вырождается в разжиревшее подобие своих собственных жертв. Тут уж, простите, минус на минус родит отраву и пустоту. Да и сам пародист ничего не приобретает, кроме того, что подкормит партию тех, кто пришел поглумиться. Но тут веселые рассуждения о типажах стихотворцев переходят в грустные общечеловеческие, а об этом читатели могут и сами. И должны бы.

Есть в самописной поэзии и редкие жанры. Непопулярные.

Как-то ушли в прошлое, вместе с возможностью получать за это деньги, заказные стихи на производственные темы. Практически нет стихотворных сказок и былин. Быть отсебятным усредненным патриотом, видимо, проще, чем «растекаться по древу мыслию». Нет в сети частушек. Вернее есть, но японские. И теперь русскоязычные юзеры, щуря глаза и разливая на клавиатуру жасминовый чай, сочиняют хокку сотнями. Мало кто пишет детские стихи, а уж хороших детских стихов — днем с огнем поискать.

Почему-то мало кто по своей воле пишет шансон. Над этим стоит задуматься. Такой популярнейший жанр, ни дня без рыдающего радио — не хочешь, заставят послушать, а в сети встречается редко. Жалеть не буду. Не потому что жанр плох, а потому что извратили его, насильно загнав в рамки тюремной лирики.

А вот то, что почти нет тех, кто пробует писать романсы — это жаль. Прекрасный жанр, уж получше штампованных красотостей. Хотя бы за счет того, что внутри романа, наполненного теми же красотостями, спрятана тонкая ирония. Может быть, слово «тонкая» тут ключевое? Отвыкли мы от тонкостей...

Елена БОНДАРЕНКО (БЛОНДИ)

• БЕЗУМНЫЙ СЛОВАРЬ

ДЕМОНЫ И БОГИ

ЧЕБУ-РАКШАС - в дословном переводе с санскрита «Демон Чебу». Ракшасы - один из основных классов демонов в индуистской мифологии. В Ведах ракшасы изображаются как ночные бесы, оборотни, являющиеся в облике различных зловещих животных (обычно непонятно — заяц это, медведь или вообще австралийский кенгуру), живущие в густых тропических лесах и, вожделем обрести себе друзей, нарушающие обряды святых отшельников. Считались неуязвимыми для любого рода оружия, поэтому задолбавшиеся отшельники в надежде провести когда-нибудь нормально хоть один обряд заманивали ракшасов при помощи фруктов в специально изобретенные ловушки в виде ящиков и отправляли в незаселенную, по мнению индуистов, Европу.

В Европе неуязвимые чудища продолжали заниматься любимым делом — нарушать обряды святых отшельников. В 1527 году Ватиканом, откликнувшимся на многочисленные жалобы католических подвижников, был учрежден во Франции, при монастыре им. Св. Ларисы, монашеский орден Шареау-Слак (фр. «Хлопающие по шляпе»), чтобы, согласно булле Папы Павла IV, «дать по шапке» зарвавшимся демонам. Особенностью ордена являлось то, что в качестве экзорцистов там выступали принявшие обет вечного безбрачия монахини, действовавшие исключительно «во славу Божию». Успешная деятельность ордена (в сочетании с активным экспортом демонов брахманами) привела к практически полному исчезновению ракшасов. В 50-х годах прошлого столетия орден был расформирован, как оказалось, преждевременно: в 1968 году на территории СССР было отмечено появление ракшаса ЧЕБУ.

Из-за отсутствия святых отшельников в стране победившего атеизма жаждавший чего-нибудь нарушать дружелюбный демон, сколотив банду из маргинальных животных и отстающих школьников, начал препятствовать нормальному отдыху граждан, вмешиваться в деятельность работников торговли и государственных органов, воровать стройматериалы и промышленную технику. К наиболее громким делам банды относятся организация крупной аварии на химическом производстве и открытие сети притонов, именованных «домами дружбы».

Для содействия в изгнании исчадия в страну была приглашена одна из последних представительниц Шареау-Слак, однако в условиях советской действительности ее деятельность оказалась малоэффективной. В итоге Ч-Р. был отловлен пионерами из кружка юных натуралистов, заморен в живом уголке и передан для изучения специалистам НИИ прикладной демонологии при АН СССР.

ТЁРКА - диалог, дискуссия, диспут, обсуждение чего-либо, разговор. Незаменимый элемент коммуникативного аспекта человеческого межличностного взаимодействия.

Чтобы разнообразить себе жизнь, допотопный человек придумал речь, которая вначале была бессвязна, а потом постепенно оформилась в общеизвестные символы, что позволило использовать её в качестве средства производства. Такое производство в официальной терминологии экономических наук обозначено как ПЕРЕТИРАНИЕ. Результатами данного производства с незапамятных времён являются эмоции, настроения, великие открытия, а также известная аксиома: истина рождается, если её как следует потерять.

Существует великое множество Т. Они бывают офисные, вагонные, телефонные, семейные, дружеские, телевизионные, радиовещательные и многие другие. В советское время были особенно популярны важные партийные, осторожные кухонные, а также восторженно-

стихослагательные Т. Ярчайшим примером ТЁРКОКЛАССИКИ в поэзии являются приключения персонажа по имени ВАСИЛИЙ ТЁРКИН.

ПЕРЕТИРАТЬ можно всё, что угодно, начиная с косточек соседей, заканчивая записями в блогах. Последний процесс до сего дня ошибочно назывался басурманским словом «комментирование», что имеет своей целью ввести неопытных пользователей и сторонних наблюдателей в заблуждение. Опытных же пользователей и непосредственных участников не обманешь: они знают, что комментарии в случае крайней необходимости можно ПОДТЕРЕТЬ.

Участие в Т. обычно принимают ТЕОРЕТИКИ. Им дозволено любыми ТЕОРЕТИЧЕСКИМИ методами воздействовать на собеседников, применять разнообразные уровни громкости и частоты колебаний звуковых волн, разные по диапазону и поражающей силе приёмы психологической атаки. Также не запрещено метание в собеседника электромагнитных импульсов из глаз. Однако особенной популярностью и уважением пользуются МАТЁРТЫЕ ТЕОРЕТИКИ, применяющие способ УТЕРЕТЬ НОС (в просторечии - задавить интеллект).

Существует особый вид Т.: деятельность защитника в суде, так называемое ОТТИРАНИЕ. По сути, та же тёрка, но имеется ряд отличительных особенностей. Ведущий ТЕОРЕТИК в суде, которого юристы хитроумно окрестили адвокатом, занимается профессиональным ВТИРАНИЕМ. К сожалению, для ускорения/затягивания процесса, юристам запрещено соображать НА ТРОИХ. Жаль! - это могло бы значительно разнообразить ПЕРЕТИРАНИЕ.

В свете вышеизложенного появляются небезосновательные подозрения, что понятия УТРИРОВАНИЕ, ТЕРАПИЯ, а также ТУРКА и ТЕРМОЯ-ДЕРНАЯ БОМБА появились в результате тёрки.

НООСФЕРАТУ - пандемический вампир-гомункулюс, выращенный в реторте алхимиком-каббалистом проф. Вернадским. Основные соображения, из которых исходил профессор в своих опытах, изложены им в монументальном саморекламном труде, известном как «Проспект Вернадского».

Согласно поверьям современных вавилонян, Н. является средоточием мирового Логоса, Нооса и Цимеса. В частности, Ноос его сформировался в результате патологического развития черепных костей в горловине алхимической реторты, каковую сам проф. Вернадский именовал «Ноосферой».

Истинные размеры планетарного Нооса отражены в классической кино(био?)графии «Ноосферату: Симфония ужаса», снятой в 1922 году с проката в Вавилоне по соображениям сохранения целостности психики населения. Впоследствии академик Вавилонской Академии Наук, герой соц. труда Трофим Денисович ван Хельсинг развенчал миф о Ноосферату; решающим доказательством послужил осиновый кол, выращенный им на побеге пшеницы. Однако в дальнейшем был развенчан и сам Трофим Денисович - по преданию, он был съеден трансгенными свиньями на ферме, принадлежавшей колумбийцам из «Менделистского картеля».

В наши дни Ноосферату, наряду с демоном Максвелла, - одна из замечательных научных абстракций, облегчающих профессорско-преподавательскому составу питье крови студентов естественнонаучных факультетов. Отдельные экземпляры Н. содержатся в государственном ноосферном заповеднике «Воробьёвы горы», названном так в честь героя «Симфонии ужаса» м-ра Кнока, пожиравшего живых воробьёв в больнице для умалишённых в ожидании прихода Мастера. Заповедник тщательно изолирован от общества и строго охраняется во избежание проникновения внутрь его актуального знания.

Авторы очерков: haritonoff, rakuzhka, boober_the_bird.

Подготовила Анна НОВОМЛИНСКАЯ

ЮЛИЯ ЗОНИС. ЛЮБОВЬ И ГОЛУБИ

Голубь клевал мой глаз.

«Значит, я уже умер,» – промелькнуло в голове. С другой стороны, даже если это и так, нафиг мой глаз голубю? Он вроде птица не хищная. С этой мыслью я окончательно проснулся.

Глаза моего голубь не клевал, но вместо этого задрал над ним хвост. Хвост был грязный. Я шуганул наглуемую птицу и уселся торчмя, среди полуразрушенных гнезд, битой скорлупы и бело-зеленых кучек помета. Опять я задрых на голубятне!

Внизу визгливо орали. Я прислушался. Кричали что-то типа «Зинаида». Голос принадлежал моей теще, и я в тысячный раз пожалел, что не женился на сироте. Готовила Софкина матушка, правду сказать, замечательно – даже сквозь вонь голубиного дерьма пробивался мянящий аромат ее стряпни. Первые дни ежегодных тещиных визитов были настоящими праздниками желудка, но сейчас она торчала у нас уже три месяца, и гурманские радости ощутимо поблекли. А ведь еще три месяца стерву терпеть! Чертыгнувшись, я вытряхнул из волос перья и на четвереньках пополз к лесенке.

Когда я спустился во двор, теща окинула меня неприязненным взглядом, и, поджав и без того тонкие губы, ткнула подбородком в сторону ворот:

– Вон, опять к тебе.

Я обернулся. За воротами был припаркован дряхлый жигуль-восьмерка. Рядом с жигуленком стоял гость. Был он высок, тощ, мосласт и небрит. С плеча гостя свисал изрядно потрепанный рюкзак. Еж мою мать, да будет Земля ей пухом! Только этого мне сегодня и не хватало.

Гость жадно пил чай, с хрустом разгрызал кусочки сахара крупными белыми зубами. А руки у него были немые, и под ногтями скопилось немало грязи. Впрочем, видал я и не такое. У этого хоть нож между лопаток не торчал, и кишки на стол не вываливались. Нормальный мужик, сидит, чай пьет, на тещу косится. Впрочем, что я вру! Был бы он нормальным, сюда бы, небось, не приперся.

Теща шваркнула на стол перед нами блюдо со сливовым вареньем, одарила меня напоследок еще одним злобным взглядом и убралась в дом. Гость поставил чашку, недогрызенный кубик сахара аккуратно положил рядом. Обернулся, кивнул в сторону голубятни:

– Они там?

Я не ответил. Зачем отвечать? Если он пришел сюда, то и сам знает. Кто же все-таки такой этот тип? На аэда не похож, аэды народ аккуратный, прилизанный. И не герой – это уж точно. Ладно, я в дела своих гостей не вмешиваюсь, и расспрашивать – не расспрашиваю. Их потом и без меня... расспросят.

Вместо ответа я облизал ложку – варенье в этом году удалось на славу – и спросил:

– Условия знаешь?

Мужик кивнул. Знает.

– А в рюкзаке что?

Гость мой развязал тесемку, и потянул из рюкзака ловчую сеть. Так. Со своим, значит, снаряжением пришел, моему не доверяет. Ну и правильно делает. Так меня все это достало, что я в своих сетях давно дырок понаделал. Ночью как-то, после такого же вот визита,

взял ножницы и чик-чик. Зато теперь они, гости мои, аэды-герои-любовники, хоть живыми отсюда уходят. А этот, видать, упрямый. И за дело решил взяться всерьез.

– Ну-ну, – говорю, – Решился, значит?

Он кивает.

– И голубков моих не боишься?

Мотаает башкой, не боится, мол. Интересно, за кем он пришел? Небось за той, серенькой, что третьего дня пожаловала. Молода она для него больно. Ну да такая любовь – самая цепкая, когда старший с младшей. По себе знаю. Моя Софка, перышко мое... К черту! Не хочу, не буду я думать о ней, не сейчас, не при нем. Через три месяца она к матери уедет, вот тогда и буду о ней думать. Вспоминать. А сейчас она в поле, ворожит там что-то над пшеницей. Или, может, цветы собирает. Она любит венки плести, Софка, только вот носить их некому. Не дали нам детей... А были бы дети, она бы, может, к матери своей, мегере старой, каждые полгода не ездила, меня бы тут с этими пернатыми тварями и с полоумными гостями не оставляла.

– Что ж, – говорю, – гостенек. Если знаешь условия, то и ладно. За дом иди. Пройдешь кипарисовую аллею, стой там и жди. Если сможешь отловить свою горлицу и обратно донести – скатертью дорожка, и ее, и тебя отпущу. Если нет... Ну, на нет и суда нет.

Он уже встает, торопится, неймется ему. Идет к выходу с веранды. А я ему вслед, чтобы не слишком торопился:

– Ты, друг, орать потише постарайся. У меня жена тут в поле, недалеко. Испугаешь.

Он остановился, я уж было подумал, спросит чего. Но он только хмыкнул. Станный гость. Не герой, не аэд, а туда же. Поэтому на прощанье я ему сказал то, что говорю немногим:

– Если совсем туго придется – выпусти птицу. Они от тебя мигом отстанут.

Он на меня посмотрел, медленно так головой покачал. И говорит тихо:

– А если бы твоя жена...та, которая в поле...была там, – и башкой дергает, на голубятню показывает, – ты бы ее отпустил?

Ничего я ему не ответил. Потому что отвечать мне было нечего. Моей-то Софке, перышку моему, там не бывать. Что же я ему сказать могу?

Встал я и за шестом пошел – голубей гонять.

Высоко они ушли на этот раз. Стая в основном белая, хотя и сизые попадаются, и совсем черные. Я смотрел с крыши голубятни, как они покружились над домом, над садом – а солнце так и блестяло на крыльях. Покружились и ушли к кипарисовой роще, где мой гость дожидался.

Хоть я и просил его не орать, крики раздались вскоре – видно, много у гостя было среди моих птах знакомцев...

...Я их даже понимаю отчасти. Чем на голубятне сидеть, корм этот вонючий жрать, в дерьме копать – можно ведь хоть на минуту, да почувствовать себя человеком. Прежним. Тем, кем был. Птички мои падки на воспоминания, а воспоминания – это плоть и кровь тех, кто приходит сюда. Вот и визжат мои гости в кипарисовой аллее за домом, исходят криком, и редко, редко кто обратно приходит. Что же они там сейчас жрут, голубки? Вечер над крышами незнакомого мне города, асфальтовый жар двора? Вкус молодого вина, первый удачный бросок в палестре, первую лопнувшую струну... Впрочем, он не аэд и не герой,

мой нынешний гость. Возможно, он и не знает, что среди пернатых клубков, ислеклавших в кровь его лицо и руки, есть и те, кому на земле он был дороже жизни... Утром и вечером слетаются белые птицы на мою голубятню, и много их уже здесь, много – не сосчитать.

Голуби выклевали ему глаза. Страшно просвечивали зубы сквозь порванные щеки, куски плоти свешивались с обнажившихся ребер, а кровь, почти черная, все лилась, лилась. Он мне закапал весь двор, теща долго будет ругаться, пока не придут сумерки и не исчезнут эти черные пятна в пыли. Он исчезнет вместе с сумерками, а пока я выйду в поле, найду там Софку. Мы с ней будем ночевать в стогу – я не пущу ее в этот страшный двор до рассвета.

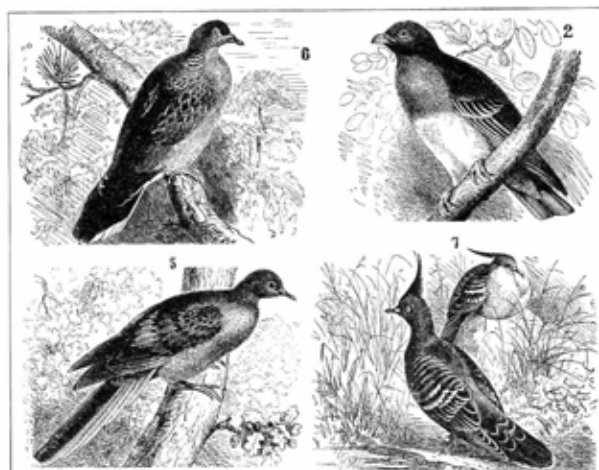
Гость сделал несколько спотыкающихся шагов и рухнул в пыль. Клубящаяся над ним стая опустилась, птицы расселись на его руках, голове, спеша, давась, доклевывали последнее.

Я подошел ближе, пинками разгоняя голубей. Да, гость был упрям. В руках у него, судорожно сжатых у самой груди, была свернутая ловчая сеть. А в сети билась та самая, серенькая. Билась, тоже небось пыталась добраться до сладкого. Тошнит меня всякий раз, как я это вижу. И тут чуть не вывернуло. Вкус проклятого сливового варенья, приторный, вязкий запах крови и блевотины.

Я отогнал остатки стаи и вытащил сеть из ислекванных рук. Вытряхнул сизую горлинку. Та заворковала, заклекотала, и шашь – вот уже топчется у него на груди. Роемся клювиком в кровавой каше, долбит. Я ей пинка, а она – обратно. Второй раз я пнул ее основательней, так что перья во все стороны полетели. А она не унимается. Стая расселась кружком, наблюдает, молчит. Признаюсь – даже мне жутко стало. Чего ей надо, этой бешеной, ведь ее бывший возлюбленный давно мертв...

Я уже собрался идти в дом за клеткой, когда заметил в кровавом месиве, среди белых костяных осколков, движение. Что-то билось там, трепетало, пробивало себе путь – а голубка старалась ему помочь. Можно было подумать, что это рвется наружу сердце моего странного, упрямого гостя.

Но это был голубь. Большой, серый вяхирь, он отряхнулся, расправил перья, и солнце заискрилось на его синеватом горловом оперении. Голубь чуть коснулся шеи своей подруги, провел клювом по нежным перышкам, а потом захлопал крыльями и взлетел. Сизая горлица последовала за ним. Они поднялись высоко, выше дома, выше голубятни, выше старых деревьев сада, прямо в нестерпимую небесную синь – туда, где мне никогда не бывать.

СТИХИ УЧАСТНИКОВ ФЕСТИВАЛЯ «ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦ» - IV

Лилия Абдулмянова (Казань)

ПРА

В самой глуби моей воронка, расставленная ловушка, язва,
ПРА-родительница моего волшебства. Колыбель счастья.
С Коктебелем, Мариной, Морем – самым любимым — связанная
Неразрывно. Навек. Заветная, ответная любовь — здравствуй.
Хочешь – называй меня глупой, посмеиваясь над этой жаждой,
Излияния вдали, на том-конце-мира тебе – малоинтересны?
Здравствуй, потому что где-бы-я-НЕ-была, но я была однажды
На твоём теле пушинкой, песчинкой твоего зодчества, песней.
Шепотом, заклинанием моего существа — «Мустек» и «У-лице».
Всеми ночами не заговорить, не перебить во мне твоего воз-Духа.
Мне пишут, Брунсвика в подарок не перевезти через границу.
Ночью: «Старо-место стоит пусто без тебя, девочка» — прямо в ухо.
Я так – быть от тебя вдалеке, быть – совсем — без – тебя – устала,
Что — готова изобрести крылья, парабеллум, параллельную жизнь.
И в странных снах о тебе меня целуют твои песчаные статуи,
И я химерой, срываюсь, пляской святого Витта, вниз-вниз-вниз.
О, как тебе легко, приосанься, глядеть кругом с такой колокооооольни
Среди твоих мостов-изгибов реки- людей-птиц- домов-крыш
Бесконтрольное счастье упало в нас, в этот и каждый раз — невольно —
Вольное, поющее на весь мир мной – люблю! — слышишь???

И пусть говорят, что влюбляться в тебя на расстоянии- на беду,
Что мой рыцарь долго еще не сойдет с места, стоя у реки, на часах —
Вестника, крестника, вольноотпущенника твоего — жду, жду, жду
С запахом твоего ветра в его светлых не-казанских волосах.

***

Запыхалась бежать из дома к тебе, через овраг и дикую смородину,
Подожди меня внизу, у склона, где тропинка делится на три,
Ты, горожанин, будешь смеяться, но эта маленькая лесная родина —
Исток всего, что случилось после — у меня снаружи и внутри.

Вон за тем окном школы я училась играть на фортепиано,
И мы по три раза в день бегали в эту гору и обратно, лет десяти.
Я не против времени, но любое изменение здесь — кажется странным,
Когда видишь, что почти ничего не осталось, как у тебя в памяти.

Вот отсюда лучше всего зимой слалом на школьном ранце, а тут
Я сломала руку во втором классе, хотя, вряд ли это интересно.
Горожанин, будь бережен, здесь каждое, каждое деревце на счету,
Каждая полянка, каждая трещинка в земле – наперечет известны.

Подожди меня внизу, у склона, где тропинка делится на три,
Она петляет, заросла – еле-еле видима — пропустишь поворот.
Вот эту елочку, в ее и нашем детстве, мы сильно-сильно трясли,
Чтобы с нее сверху-вниз на нас падал снег, на головы и за шиворот.

Вот здесь как-то в ураган вырвало опорный столб и с корнем четыре ели.
До их пор мне все кажутся какие-то волшебные силы тут и еще около.
Вот здесь мы представляли себя первопроходцами в сильную метель,
И потом сушили мокрые от снега штаны, сидя на батарее, вместо уроков.

Здесь почти все съедобно – малина, земляника, крапива, сныть, лебеда.
Не наступай так на эти узловатые корни – им может быть больно.
Горожанин, ты можешь меня увезти, но только я снова вернусь сюда,
Потому что только здесь я Дышу, наконец выпущенная на волю.

Андрей Абросимов (Казань)

***

куда прокудахтал наш товарняк
сидим тут перроном порваны
«Варяг» не сдаётся кранты верняк
регалии делим поровну

посмертно-пожизненно. навсегда
проходим контроль таможенный
сдаётся добро голосит вода
и вид у нас
обескоженный

***

синдром бродяжничества малый круг
испепелили нас подчистую
талдычишь рифмочки под каблук
не попадаешь тоску тоскуешь

разнуждан оборотень перемен
наверняка у него в заначке
припрятан ножичек и безмен
невыносимо болят болячки

все грамотеи и все пусты
опочивальня в говне и в саже
рояль устал сторожить кусты
поехал ссильничать экипажи

в распушем поле сидит кобзарь
а к небу колышек присобачен
все мы актёры но мир базар
и нам не вычислить Фибоначчи

Николай Артюшкин (Казань)

***

Паводок Ахерона переплывая кролем,
там, где росли берёзы – ныне живой гашиш,
здесь Гаутама Будда передавал пароли,
вымылся перед Смертью – и показал ей шиш.

Днесь проступал Вергилий, и появлялись мошки,
и, знаменуя что-то, каркали петухи;
здесь Александр Пушкин ел на снегу морошку,
тянущимися в небо женщины и стихи.

Пусто под капюшоном, нет позывных Олимпа,
здесь ничего не ловит, громко шумит вода;
кто-то уходит в Лету, кто-то уходит в лимбо,
кто-то туда уходит, и не сказать куда.

Москва-Ершалаим

Да здравствуют ночные города,
где сыты человеческими щами,
где Ворон произносит «Никогда»
и в черноту уносится с вещами.

Да здравствует великая страна,
где ссученные звёзды цвета крови
заранее покажут имена,
и не цари придут за Ним в коровник.

... как суетны крысиные бега,
осины в пустоте на горизонте...
Да здравствуют родные берега,
с которых целиком ныряет Понтий.

Олеся Балтусова (Казань)

Из писем внедорожницы # 37

в плацкарте ездят персонажи.
чего стоил один машинист из Юдино
по фамилии Подъельников в 1998 году -
столько бы нигде не узнала
о скоростных поездах на воздушных подушках -
ехал в московский техникум
повышать квалификацию.
нынче с верхней полки «Петербург-Казань»
наблюдают попутчиков.
напротив едут папа с дочерью,
папа с мощно выпирающим пахом
похож на украинского поэта Минакова.
его некрасивая дочь
читает Хулио Кортасара «Модель сборки».
скромный молодой татарин снизу
размышляет над «Ложными суставами».
а что обсуждают бабки на боковухе?
падение нравов? политику?
семена, огород...
в этой праведной жизни плацкарта
меня донимает комплекс.
в пакетике - два холодных пива «Козел»,
а выпить-то и не с кем.

Из писем внедорожницы # 73.

в камском устье закат дрожит над скалодромом и волга впадает
в каму а кама в волгу
корабли идут под обрывом далеко внизу и уходят за горизонт
грибы на опушках попадают но редко а в роднике вода пахнет осенью
скалолазы снимают пыльные костюмы и купаются в тихой воде
закрывают сезон

я мою полы в новой квартире и смотрю в окно на вождя народов
три пропущенных майских сплава не веселее его затылка
не веселее так называемой свободы имени которой площадь
на которой дом в котором я обнимаюсь с тряпкой
оттирая недвижимость

пропущенные сезоны ягод и грибов пропущенное лето
мне пришлют смски оттуда где небо и солнце сюда где дымится асфальт
мне скажут все еще будет и не раз так или иначе рано или поздно
расставленные приоритеты лишили меня счастья быть свободной
но дали покой и волю

Айрат Бик-Булатов (Казань)

* * *

Ах, как бы мне остаться без вериг.
Ах, как бы мне, захлопнув толщи книг,
Уйти в своё... Вот дача. Полисад.
И едет поезд: «Липецк-Ленинград».

Со мной жена, и сын, и семь рублей,
И молоко до горлышка долей.
И пусть прольётся струйкой по бокам.
И лишь теперь я научился сам

Сажать деревья. Сам варить грибы.
Я весь ушёл от стонов и пальбы.
В моём окошке воздух свеж, тих,
Но я...
не разлибил любить дожди.
Вот глупость!
Вот меня и выдаёт!
И снова – принимайся за своё!
И так же к горлу приступает страх,
И те же мне вериги на ногах...

Ливень, грянул ливень... сыро...
Шел поезд. «Ленинград- Липецк»,
«Ленинград – Липецк», «Ленинград – Липецк», -
Читал я на уходящих стремглав вагонах.

Анне

Было это немного странно мне,
Но теперь уж сомнений нет,

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Ты и впрямь оказалась Анною,
Да к тому же ещё – поэт.
Нас с тобой не катали пони ли
В зоопарке сто лет назад?
Мы друг друга случайно поняли,
Как сестру понимает брат.
Не стоять нам на крыше голыми.
То ли мало свободных крыш?
Мы с тобою недовлюблённые,
Мы придумаем свой Париж!
Притворись на минуту спящую,
Назови меня – «Елисей»!
Я отправлюсь искать красавицу
Средь бескрайних моих полей.
Буду спрашивать солнце с месяцем
Не встречали ль ее в пути,
И в какой-нибудь дикой местности
Вдруг сумею тебя найти.
Вот ты лежишь под хрустальной крышечкой
Вся нагая и видишь сон.
Охраняет твой гроб мальчишечка,
Тот – что, вправду, в тебя влюблён.
Целовать твои губы, плечи я –
Не решусь, уступлю ему,
Мне судьба – утонуть в наречиях –
Рифмах к имени твоему.

Алия Габитова (Казань)

1.

если приедет сестра из республики коми
ничего-ничего не изменится в доме
лишь появится фото в фотоальбоме
смеющихся лиц на фоне тайги
где пропадают без вести малые дети
где одиночество страшнее смерти
где в поисках выхода нарезают круги
не изменятся мысли слова и жесты
мы с нею из разного теста
у нас с нею разный состав
я давид она голиаф
она любит холодный джаз
я же горячий буги
эти батлы идут про нас
но условности крутят руки
если приедет сестра я ее встречу с порога
я лишь от нее узнаю как бывает в тайге одиноко
и мне некому верить кроме
сестры из республики коми

2.

Всё как в театре Кабуки -
Плачешь, смеешься, злишься,

Глазами впиваешься в лица -
Пытаешься с ними слиться,
От нервов ломаешь руки.

В карманном трепещущем ?я?
Ни писка о чувствах и боли,
Ни дерганного ?доколе?,
До дыр все заучены роли
И вжиты в круги бытия.

Всё как в театре Кабуки -
Отточены жесты и звуки.
И лица покрыты гримом -
Становится непостижимым
Таящееся подспудно,
И стелется, словно лунный,
На сердце мертвенный свет

Всё как в театре Кабуки -
Тебя там как будто и нет

Айгель Гайсина (Казань)

Порт Эль-Кантауи

1. Он

Я знал, что ты будешь здесь.
Ты снова пришла к воде
И опять промочила ноги,
А я ненавижу море
И все-таки тоже пришел.
Я с тобою провел все утро:
Представлял тебя белокурой,
Чернокожей, полной и полой,
Разодетой в шелка и голой,
Потом представлял тебя старой,
Ты дымила в меня сигарой
И в знакомой сварливой манере
Как всегда просилась на берег.
Как жаль, что не я твоя слабость,-
Ты хочешь курить, и плавать,
И вдыхать этот мокрый вечер,
И буду ли я замечен,
Даже если буду покорен,
Ведь я ненавижу море...
. . .Я сказал, что хотел бы сына.
Ты вскарабкалась мне на спину,
Горячо задышала в ворот:
«Побежали до самого порта!»

И ночь уже шла на убыль,
Я взмок, а ты, вытянув губы,
Дула мне на живот,
Выдывая оттуда пот

И всякую волю бежать,
«Повалить на песок и держать!..»-
Зудело в моем виске,
Но ты пела в ухо: «Быстрой!» —
И я шлепал послушно по пене,
Обхватив тебя под коленями.
А потом нас сразило сном.
В голове моей был целый сонм
херувимов... в твоей — вода,
Я знал, что так было всегда,
Каждую нашу милю,
Но ведь мы как будто — любили:
я мечтал с тобой просыпаться,
ты хотела курить и купаться,-
И в знакомой сварливой манере
Как всегда просилась на берег.

2. Она

Полнолуние — свет саднит.
А вода нам уже по пояс.
Море за эти дни
Ни разу не успокоилось.
По-песью соленая взвесь
Лижет мой позвоночник.
Я знала — ты будешь здесь, —
Значит, пришла нарочно.
Луна всплыла на поверхность —
Значит, желтое легче синего.
Я совсем не знаю про верность —
А ты просишь родить тебе сына.

Александра Зубарева (Казань)

* * *

знаешь, я хочу на тебя монополию...
целовать губы грейпфрутовой горечи;
отдыхая от долгой дороги, виснуть на поручне;
найти наконец свою колею...
подари мне на память, хоть бы даже недолгую,
витражи пронзительной яркости
из джаза, ветра, нечаянной радости
и дрожащей листвы... и смысла толику...

* * *

одиночество среди людей горестно,
одиночество в горах - привычно.
То, что было важно на плоскости,
нынче видится серо-безличным.
Обновляешься по-змеиному:
руки, щеки, душа и принципы.
ощущать причастность к миру сему
не всегда легко. а казалось бы...

Евгений Калашников (Казань)

* * *

Итак:

Когда кончаются и кокс и мак
И посреди шумного веселья начинается лёгкий сплин
Не выдержав натяжения струн, отношений и прочих резин
Человек с мягким голосом и старой гитарой выходит на
Сцену.
Небольшая толкучка в фойе превращается в давку, спина
Вся в мурашках,
а водка в стаканах:
всё готово для пения джентльмена
и он начинает со своей собственной про «по дороге в Хьюстон»
потом «Урал-байкер блюз»,
потом про . . . левый шуз,
и оказывается блюз-то
он как раз не умеет петь.
И хочется крикнуть: «люди! Не дадим чёрной музыке умереть!»
Долой мудаков со сцены. . .» но
В зале уже никого, и похоже давно. . .
Становится просто безумно пусто и до неприличия грустно
То ли оттого, что никого не осталось, толи оттого, что существует этот
Хьюстон
В который стремятся попасть подобные джентельмены
И вдруг бац!!! ни водки, ни блюза, ни сцены.

Алексей Караковский (Москва)

На станции Тайга

На станции Тайга всю ночь стоят составы,
На станции Тайга ветер рвёт провода,
Внутри меня война, ведь ты вчера сказала:
«Убей в себе врага, убей в себе врага!»

В этих ссыльных краях ускользнуть не удастся,
И нет смысла брать в плен, мы и так здесь в плену,
На морозе любовь примерзает к пальцу,
Это танцы на льду, танцы мёртвых на мёртвом льду!

«Кан» значит «кровь» — как не знать это слово татарам,
Чьи кольчуги ржавеют на дне сибирской реки,
А могила — ну что ж, просто слишком тесные нары,
А побег — что побег, вся наша жизнь вопреки.

Станция, впереди станция железной дороги,
Горят фонари. Представляешь, горят фонари!
Включение света означает рефлекс тревоги,
Внимательнее смотри, внимательнее смотри!

Мне хочется стрелять, когда ты твердишь о мире,
Зовёшь в штабной вагон, манишь из-за спины,
Для тебя боевой офицер —

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

сексуальная фантазия в съёмной квартире,
Но когда нас убьют, ты примешь условия этой войны!

На станции Тайга всю ночь стоят составы,
На станции Тайга ветер рвёт провода,
Качается фонарь в руке комиссара,
Я готов ко встрече с тобой,
Спешу, мой враг, спешу сюда. . .

* * *

Если утром унылым проснёшься один,
телевизор в углу, на столе анальгин,
чай вчерашний остыл, пусто в банке сардин -
значит, дело, действительно, плохо.
Жизнь предельно скучна и предельно проста,
и пока твоя совесть, как в детстве, чиста,
недостаточно белая скатерть листа
вся насквозь с ощущением подвоха.

Кто другой бы, возможно, достал пистолет,
коротка жизнь поэта, когда ты поэт,
а такие, как ты, покупают билет,
с удовольствием рвя эти цепи,
чтоб увидеть Кульджинский полуденный тракт
и крестьян, надрезающих опийный мак,
чтобы славить закат в Заилийских горах
и сухие аральские степи.

Если б ты, что возможно, родился другим,
то тебя окружали друзья и враги,
и повсюду ступали бы их сапоги,
попирая и радость, и горе,
но теперь ты один, и карельский прибой
отрезвит, накрывая тебя с головой,
и сосна повенчает навеки с волной
бесконечного Белого моря.

Так хватай же скорей, вечный странник, суму,
в этом мире нельзя унывать одному,
равнодушие — смерть, не позволяй же ему
жить от вешалки до гастронома,
ты пройдёшь по стране от пустынь до морей
и вернёшься назад, чтоб мудрей и добрей
быть до смерти своей и достигнуть скорей
своего настоящего дома. . .

Европа

(в соавторстве с Натальей Караковской)

Под снегами дремлет зимняя Европа,
беззаботно тратя жизнь свою. . .
Разрисуй мне небо кистью «Фотшопа» —
я тебе тихонечко спую.

У Гидрометцентра вымерзли приборы,
их послушать, то сейчас весна —
мне, конечно, снятся солнышко и горы,
но сегодня как-то не до сна.

Пью горячий кофе и читаю повесть
про Марсель, Монако и Париж,
за окном погода потеряла совесть,
замела дома до самых крыш.

Мне не надо снега и зимы не надо,
я совсем не этого ждала,
под моим окошком даже автострада —
лишь движенье в сторону тепла.

Алёна Каримова (Казань)

49-50

- Знаешь, Танька ей-то по девятнадцать, а нам по двадцать один. . .
- Ну, они же подруги, так ей-то и подешевле. . .
За окном проводов качели, и все километры, что впереди,
как-то заранее все по очереди надоели. . .
- У меня разбилось, я склеила — ничего,
продала потом, не пришлось даже скидку делать. . .
Я приклеила шейку-то лебедю. . .
К черту лебедя твоего!
Как башка болит, как сиденье осточертело!
Вдруг одна другой мечтательно говорит:
«Вот встаешь — темно, и думаешь, в вагон скорей ба. . . И уснуть. . .»
А вторая вторит, и снег за окном парит. . .
Ну, так спите, бабы. . . мне тоже уснуть «скорей ба». . .
Через два часа они сумки свои возьмут,
сумки в клеточку из клеенки — в руке по сумке. . .
Закричат «хрусталь», а по мне — хоть бы изумруд —
в голове туман, я не сплю уже ровно сутки.
в голове мешаются белка и черномор,
и стеклянных стопок позвякивает орава. . .
Вот поехал на службу, нести, так сказать, дозор,
и грызет методично орешки сосед мой справа.
Он речной капитан. Не замерзла Москва-река.
Приходите кататься — белеет в потемках свитер.
«Хорошо» - говорю. И вздрагиваю от гудка.
И мерещится, будто бы пароходный. . .
— Ну, спите, спите. . .
Да уснешь тут, как же! А знаете, в прошлый раз
тут мальчишки ехали — там, RnB, хип-хоп. . .
А однажды строитель в трениках адидас
говорил, что устал он жить как батрак, холоп. . .
А еще однажды странница из Челнов
возвращалась от мужа к любовнику, сомневаясь. . .
Мне теперь понятно, что значат слова «челнок»,
кочевая жизнь, экономика теневая
и любовь-разлука. . .
В сидячий вагон билет,

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

как в другую жизнь,
хорошо, если не по кругу...
Нет. Вокзал. Привет. Вот подарок тебе – держи.
Это лодка хрустальная...
Или тувелька...
Дай мне руку.

Ильнар Каримов (пос. Аксубаево, Татарстан)

бортпроводница

Когда я запрыгнул в поезд
Он уже трогался. Я бежал к нему 20 минут.
С картиной в руках.
На пути в последний вагон
Я проходил мимо красивых девушек
В шляпах, белых свитерах,
В юбках и трико, кажется.
В их глазах вспыхивали сигнальные огни.
А одна из них, в обтягивающих джинсах,
Посмотрела мне прямо в глаза.

Я нёс картину.

Среди ночи мне захотелось пить
И я снова пошёл через вагоны.
В тех прекрасных вагонах, теперь
Воняло ртами и ногами.
Красивых девушек и юношей я не узнавал.
Там были только тела моллюсков.
Всё это напоминало фильм о концлагере.
Открытые рты не молились.
Просто дыры.
Я вернулся и вспомнил, что есть ещё
Красивая проводница в обтягивающей форме.
Я тут же направился в комнатку проводников
и увидел там её.
Толстые ноги, закинутые на стул.
Опухшая как рыба, она спала.

Я сел на место и подумал -
«Человек без сознания - это всплывшая
брюхом кверху рыба»
Когда маскарад закончился,
оказалось, это только рыбы.
Но когда я сидел и думал так,
Проводница тихо подошла ко мне сзади.
- Вы нашли воду?
- Да, спасибо.
Она была на коне доброты.
Она была прекраснее всех в этот момент.
В этом мире. Включая меня.
Опухшая и сонная. Старая.

Константин Корнеев (Иркутск)

А большей и не бывает свободы...

А большей и не бывает свободы,
Чем та, огрубевшая влагой на окнах,
Чем та, поселившая в волокнах
Ткани, плетущей небесные своды...
И в каждой песчинке – огромное завтра,
На каждом вокзале – поток, толчея,
Возможно, на свет появился не я
Тогда. Лишь ещё один отблеск Амона Ра.
Поезд. 12 вагонов, как месяцев,
Ждущих приказа на выход из кокона,
Созданного всё теми же окнами,
Сотканными в дома. Перебесятся
Линии времени и пространства,
Веером ласточки грянут на выход,
Словно впитавшая проповедь паства,
Из деревянной церковки выйдет.
Словно слова заплетутся в спирали
Ловкими смыслами, тонкими гранями,
Вылечат, вылечат, коли уж ранили,
А не успеют – так очень старались.
И не успеют... Насытившись разницей,
Вспомню – шептали небесные своды:
Большой и не бывает свободы,
Чем та, что в чулане, под лестницей.

Ангелина Кузьминых (Казань)

* * *

Глаз твоих сиянье - лунная глубина
я тебя стерегла да не выстерегла
ты моим счастьем висишь под кормкой за форточкой
прилетишь не заметишь как сяду на корточку
и тихо буду глядеть когда улетишь
накормленной птицей в небосводную тишь
не так я ловлю раставляя силки по углам
не жизнь а бедлам я пускаю себя по волнам
ни попутного ветра ни до свиданья
ничего от тебя в твоё оправданье
может свидимся скоро? нет это было вчера
13-ый глобус засел в голове как игра
в домино на счет раз два три вот и рыба
уходи ты не рыба - льдиная глыба
холодно
холодно
холодно

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Алексей Остудин (Казань)

Ремонт марта

Подшофе, в компании с красоткой,
ты не обнаружен в этом списке –
хорошо закусывает тот, кто
яростней фехтует зубочисткой!
Только, на него наткнувшись как-то,
под столом у новогодней пихты,
будь секретней Молотова пакта
с Рибентроппом, сдержанней, чем Рихтер.
Если до обеда ходишь в кедах,
каска натирает обод скальпа,
онемели губы от синекдох -
чаще повторяй: Тегусигальпа!
Рыжий пузырьёк феназепам
прячь в гашёной извести, покуда
извести придётся тонны спама
ради самореза из Неруды.
Парусами бродит брагантина:
выпив сладкой пены целый чайник,
ткнёшься носом, словно Буратино
в чёрный лес, натопленный ручьями...
Март, как новостройка перед сдачей,
ждёт Людмилу из Бугуруслана -
Черномор лечить её прискачет
несваренъем газового крана!

Волга июля

От жары мене не до инжиру,
заряжаю бутылок пращу.
Три сосны на юру... майна-вира...
сеть пуста - пятый Гугл ищу.

Здесь, на стрежне, и Разин, и Вагин
обновляют на дровнях сердца.
Заводи свой Творец, газенваген –
накипело дождями с торца.

От рыбацких повеяло хижин
чешуёй ослепительной, где
дышит сперматозоид, недвижим,
плавниками в протяжной воде.

Аэробус взлетевшего грома
в гулком небе качает права.
Как дрова, перевиты соломой,
пахнут будущим дымом слова.

Стрекозой, прикорнувшей на коже,
время крутит себе подзавод.
Осыпается воздух порожний
половинке арбуза в живот.

Вспоминай прошлогодние галсы
пионерскую хлорку очка...
По каким кутюрье ошивался?
Заморил, наконец, червячка?

Новый день помаячит и канет...
Слушай, как в раздевалке ночной,
Вечность цокает вдаль каблучками
по обманутой гальке речной.

Екатерина Селюнина (Казань)

геомметрия

ich Liebe dich
ich Liebe
видели бы вы
видели бы
как меня пополам
разрезает вагонным стеклом
и я - здесь
и я же - там
на верхней боковой лбом
уткнувшаяся в тепло рук
истекающая навзрыд
в хлам
и идущая по перрону
круг
размыкается и складывается пополам
это какая-то чёртова карусель
лента Мёбиуса - вокзал, вокзал
бег навстречу по встреч/ен/ной полосе
прибегаешь на финиш и он же старт
а разрезы всё множатся
парадокс
разрезая по центру
вдоль по осям
увеличиваем количество и длину полос
разделяем и властвуем
пополам
разведённые поездом как мосты
а колёса выстукивают
ты
ты
ты

и срывается голос
и сердце уже сорвалось

а время течёт сквозь прядки твоих волос

Константин Струков (Казань)

Оранжевый троллейбус

По мелочи растратив весь кредит,
отчаявшись решить всемирный ребус,
без лишних сожалений и обид
вскочить легко в Оранжевый троллейбус!
И не имея цели, наугад,
как змей на оборвавшейся веревке,
лететь туда, куда глаза глядят,
до самой до конечной остановки
А лучше будет ехать без конца
по улицам, бульварам и проспектам,
в параболе дорожного кольца,
под семиструнной радугой спектра
В пути открыть бутылочку пивка,
начать знакомство с девушкой напротив
и выпить за победу «Спартака»
с соседом, если он не будет против
Собрать оркестрик, чтобы не скучать,
чтоб дали жару в соль-дизель мажоре,
и всей толпой водителя качать,
он за рулем - налить ему «Боржоми»!
Теперь нас не удержит колея!
И пусть твердят, что это несерьезно,
а мы поставим вахту у руля
и рассчитаем свой маршрут по звездам
И все-то у нас будет хорошо,
и каждому в салоне хватит места -
неважно, что троллейбус небольшой,
вы присоединяйтесь, нам не тесно
Троллейбус наш проедет много стран,
взлетит над Юго-западной равниной,
и погружаясь в Тихий океан,
окажется вдруг желтой субмариной

Элина Сухова (Москва)

* * *

Цвета зимы - оранжевый и белый,
цвета снегоуборочных машин
и дворников в оранжевых жилетках
на белом поле...
Если б можно было
мне основать пускай не королевство,
хотя б республику -
в какой-нибудь там тундре -
приберегла б идеюку я для флага.
Оранжевый на белом -
славный цвет
для гордой маленькой
заснеженной державы...

* * *

Засушу автобусный билетик
Как цветок в бессоннице извечной.
Куча слов, прощанье, вечер, ветер,
И автобус. Он опаздывал, конечно...

Остановка. Брызги. Шелест трассы.
Привкус гари. Теребила сумку...
Можно на луну смотреть, а можно -
Сквозь луну. Так рыба смотрит в лунку.

Прочность вещи, даже если это
Лишь билетик, как лодчонка утлый,
Больше, чем законченность столетья,
Лето, дождь, и завтрашнее утро.

Игорь Тишин (Казань)

Не садись в электричку

Не садись в электричку – как бы чего не вышло.
Если в первом вагоне кто-то орет, то в остальных – не слышно.
Под взглядами попутчиков становится весьма неловко.
Вдобавок можно случайно проехать нужную остановку.

Ни за что не садись в электричку, не покупай билета.
За окном все повторяется, как киносьемочный дубль, и это,
в совокупности со столь неуместным дождем в июле,
наталкивает на удручающую мысль, что тебя надули.

Не садись в электричку. От ее дребезжания как-то
жутко. К слову, в ней велика вероятность теракта.
Не упрячься, признай, что она – неподходящее место
для тебя. Для каждого, если честно.

Не садись в электричку, представь, что она взорвется.
Все электрички похожи, и это – дурное сходство.
Останься на станции, проводи электричку взглядом
и вздохни с облегчением, потому что я все еще рядом, рядом.

Алексей Шмелёв (Москва)

* * *

Быть может так встречаются в пустыне два миража,
и воздух плавится меж ними едва дрожа,
но мы не миражи, мы – люди –
нам речь дана!

На что нам речь дана?..

И всё ж не сумев подобрать нужных слов
мы только кивнули друг другу пугливо,
а старый фотограф – ловкач-птицелов
поймал наши чувства в силкок объектива.

Катерина БОРНОВИЦКАЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Горький шоколад

Не для тех, кто любит клубнику со сливками...
 Не для тех кто слепо мечтает в рай...
 Между прозой дня и ночными криками
 Обстоятельно выбирай.

Обожжешься ведь, не согреешься.
 Вознесешься и камнем в ад!
 Сколько чувственно-дикий прелести
 Этот горький есть шоколад...

Ощущать, как он нежно плавится
 На поверхности языка,
 Словно вдох/поцелуй красавицы
 От ключицы и до виска...

Что-то есть в этом хищном таянье...
 Как от клада найти ключи.
 Между всеми мечтами/тайнами
 Ну, признайся – чуть-чуть горчит?

Не клубнично ведь, не со сливками.
 Острословие, не хвала.
 И не рассыпью, только слитками
 Этот горький есть шоколад...

незабудка с шипами

не. за. будь...
 за шершавым стеклом инсталляций
 откровением Лили Брик
 слишком нежно для черствых пальцев
 слишком тонко для дамы пик
 это грань за которой пусто
 перейти донельзя нельзя
 и не то чтобы ноты грусти
 и не то чтобы я не вся...
 но с тобой я чуть-чуть целее
 на одну ледяную треть,
 чуть смешливее веселее
 я хотела бы отогреть
 нашу небыль и невозможность
 легким облаком на плечах
 я хотела бы – если можно –
 доиграть эту game of chance...

пересилив себя – на память...
 ты считаешь меня плохой? –
 Незабудка всегда с шипами...
 по-другому не комильфо

Девочки/мальчики

Эти признанья ни капли не значили.
 Тусклые девочки, пьяные мальчики...
 На иллюзорность мечты поделенные,
 Делают вид, что безумно влюбленные.

Пишут стихи, выдыхая их в форточку,
 Ждут, пока небо покроется корочкой
 Льда... фиолетово-пламенно-рыжего.
 Самооценка немного завышена.

Джинсы у всех с металлической плащечкой,
 Волосы – раз двадцать пять перекрашены,
 Мысли запрятаны в черные ящики,
 Думают – только они настоящие.

И о любви говорят обстоятельно,
 Верят в какие-то там обстоятельства...
 Жарко смакуя свои прегрешения,
 Мнят будто бы до сих пор совершенные.

Плачут сухими слезами неслышными.
 Вроде и люди, а чуточку лишние.
 Нечем гордиться? – «Так будем же тачками!»
 Горькие девочки, сладкие мальчики,

Вам с посторонним проснуться не хочется...
 А вы умеете заснуть в одиночестве?
 Вот и бредете по ночи рассеяно,
 Вслух декламируя строчки Есенина.

Не осуждаю – сама без отличия...
 Рифмы, слова, монолог – обезличены.
 И не закончить никак, то что начато.
 Глупые девочки, горькие мальчики...

Ловлю светофоры

Ловлю светофоры, ругаясь на красный,
 Пытаясь отринуть/не чувствовать разность.
 Смотрю, как бессонница режет по венам,
 Стараясь найти оправданье изменам

Ищу в своих жилах продрогшую робость –
 Лечу в никуда, а как-будто бы в пропасть
 Снимаю take-up с полусонных кварталов,
 Улыбки съедаю циничным оскалом

И на чердаках препарирую вечность,
 Живу, когда в город спускается вечер
 Касаюсь ладонью холодных экранов
 И лишь понимаю – мне все еще рано

Я все еще пьяно ловлю светофоры,
 Латте по утрам заедаю фарфором...

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

И падаю, падаю, падаю в пропасть...
В надежде найти ускользнувшую робость.

* * *

Исчезая в переулках
По жемчужной мостовой
Кто-то вышел на прогулку,
Кто-то топает домой

И в цветных людских потоках
Все смешалось до нельзя!
И уже не видно Бога...
И сказать ему нельзя,

Что мы грешны и бесстыжи,
Но бессовестно добры!
И земля нам просто ближе
Понимания игры...

Нам осталось только падать –
С тротуаров в облака
И оставить эту падалу
Жрать другим. Наверняка

Ты поймешь меня, о Боже,
Отправляя в смертный бой...
Я-то знаю, что дороже
И труднее быть Тобой....

Да, я грешна, но прекрасна...
Я смешлива и грустна...
По живому режет красным
Забродившая весна

И глаза блестят/слезятся...
И не хочется домой!
И себе за горло взяться,
Чтобы снова стать немой

Я пытаюсь. Запивая
Крепкой дрянью каждый слог.
И нарочно забываю,
Как рыдал над ними Бог.

Я пытаюсь. Запивая
Крепкой дрянью каждый стих...
И нарочно забываю
О слезах твоих. Прости.

реактопласты

грассируя по наклонной
за каждым культурным пластом
где тоннами люди-клоны
и люди-реактопласты
под небом свинцово-низким
на почве из пластилина
на деле-то одалиска
а мыслями неповинна

и бросивши кость собакам
дворняжечьей грязной своре
пока те пытались плакать
сбиваясь на ноты воя
пока они разминали
отекие рудименты
паршиво и номинально
бессмысленно безмоментно
а кто-то сходил поджавшись
с ума как с подводной лодки
мне правда бывало жалко
оно застревало в глотке
оно холодило руки
и переплавлялось в нежность
оно становилось глюком –
кому-то, кому-то режет
еще словно по живому
и ртуть выплавляет глазом
и кто для кого животным
а кто для кого заразой
бывал задыхаясь дрожью?
я хвастаюсь новой властью,
а мимо все те же рожи!
... и те же реактопласты.

Баловство на творчество Бродского

и зачем вся дева, раз есть колено?
на фига подружка, раз есть подушка?!
это все же лес, а не часть полена.
да, и я не кобра, а скорее ужик
молоко лакала,
вытирала губы
двадцать шесть с довеском,
а оно не сохнет!
в этой лампе был мимолет накала,
осторожный шаг к безопасной зоне...
если секс лишить как стихи прилюдий
а любовь как акт запороть глаголом
виноваты все – совпадения, люди,
откровенность, ночь, чьи-то шкалы/школы
попадешь вот так и чего же делать?
чемодан без ручки, а оставить жалко!
мимолетный факт, словно между делом,
я всего лишь ужик, но могу ужалить

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Осеннее

Октябрем не спеша выдыхая
города/берега/облака
О греховности рассуждая
Первородного же греха
Закопаться поглубже в листьях
Покрывало до самых плеч
Цвета рыжеподобнолисей
Стала улиц московских речь...
По старинке и по незнанью
Беглых слов пролегла строка
И горят наподобье знамя
Гордо голые облака
Под ногами – ковер и морось
Над величием – лазурь и блажь
Небо с небом немного порознь
Разродился мирок/мираж
Псевдодетскоосенним плачем
Возведение до нельзя...
Каждой буквке предназначен
Свой полет и своя стезя.
И глаза поднимая выше –
Эта осень не так плоха –
Если тихо ладони лижет
С безнаказанностью щенка

Письмо

Гораздо важнее то, о чем промолчат
О чем промолчали...
В маленьком городе, замороженным снегом
Я бы могла пригласить за добавкой в чат
Я бы могла подарить тебе боль и небо...

Что-то еще?
Упираясь рукой в закат...
Боже/безбожно слова на десерт излишни
Твой персональный Иуда, твой Брут и маркиз де Сад...
Может, ты сам для меня уготовил такую нишу?
Может, ты слышал лишь то, что хотел услышать?
Может, ты?... хватает. Ведь я же умею вечно.
Если ты скажешь, где был наш последний вечер,
Если ты вырвешь меня из нутра по утрам да с корнем?
Ты говоришь, что вырвал уже давно, навсегда. Не спорю.
Молча не спорю – смотрю, как ты часто куришь,
Как половишишь себя.
По твоей фигуре,
По твоему лицу ничего не скажешь...
Просто мне хорошо знакомо искусство сказок.

Да, я и не жду никаких признаний за откровенность
Это я в твоих или ты в моих поселился венах
Давно не важно.
И нет ни мечты ни планов...

Только мне кажется, что я тебе не сказала о самом главном...

И если у тебя будет свободная минутка,
Напиши о том, какой ты меня видишь...
Когда смотришь блуждающим взглядом на мои губы,
Когда жалеешь и ненавидишь...

А я... Я больше тебя не потревожу,
Я останусь навеки рядом – просто дрожду в твоей руке...
А тебе ведь больше, увы, не надо

Всегда твоя,
И даже больше,
К.

Ангел

она скорее ангел чем демон
просто у каждого ангела своя мораль
кто-то поскальзывается на арбузной корке
и об стену!
...а кто-то находит Святой Грааль
да, она скорее ангел, но чуть темнее –
где золотая дрожь моросит с ресниц
и на рассвете с востока когда краснеет
ей сладко падать но только не падать ниц
если боишься – вот она замахнется
просто представь, что это размах крыла
льются лучи прямо в губы осколком солнца,
с кем же она это солнце под утро всегда пила?...
он ее вряд ли об этом когда-нибудь спросит,
путаясь в зелени как в ледяной росе...
чувствуешь, как пробивается в сердце проседь?
чувствуешь, как обесценено всё и все?
вряд ли был страх – она ангел она не тронет,
даже читая тебе монолог конца

просто когда Ты сдуваешь Ее с ладоней,
на них остается дьявольская пыльца.

Александр КОЖЕМЯКИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

ХАРАКТЕР

Окурок языком столкнул с губы,
«Седой», «король» поселка, монотонно
пропел, что я, мол, белая ворона,
и что совсем не помешало бы
мне, как и всем «нормальным», закурить,
не то он будет мне «мордашку бить».
Дружки его, ухмылки подло пряча
за мнимой озадаченностью рож,
кивали головами: дескать, что ж,
закуривай, парниша, а иначе ...
Метнулся стриж на солнце, в вышине.
Я, стиснув зубы, отошел к стене.
“Кури!” – уткнулась фильтром сигарета
в протест моих до сини сжатых губ.
Жест был вальяжен и пока не груб,
но только мало радовало это:
«Седого» упоительный оскал
пощады мне совсем не предвещал.
“ Кур-р-р-и-и!” – и – с хрустом – за спину мне руки,
Тычки свивая с хрипом бранных фраз.
Метнулись искры веером из глаз.
«Кур-р-ри, щен-нок!!!» Боль. Сопот. Боль! Боль! Глюки...
Табак во рту... Сарай (в стрехе – дыра)...
«Кур-р-р-ри, пас-ску-у-д-да!» – et ... et cetera...
Орал “Седой”: “Повешу, падла! Вожжи!!!” –
И резво шею в петлю мне вправлял. . .
Я – закурил.
Тремя годами позже.
Так, от безделья: дурака валял.

***

Я – из крови и плоти, а значит, порочен.
И, как жаждут тепла, выйдя из полыньи,
Жажду я целовать лучезарные очи,
Теплотворные очи твои.

Повседневность бледна и бездарна до скуки:
Суета, колготня, за портфели бои...
К черту – все!
Существуют лишь нежные руки,
Вожделенные руки твои.

Мне твердят о Платоне, но что мне за дело
До философов? Их измышленья – враньё!
Все есть – ложь! В мире истинно только лишь тело,
Совершенное тело твоё!

***

Спасибо тебе, спасибо
За терпкость негласных встреч,
За то, что – как воздух рыба –
Целуя, пил нежность плеч.
Спасибо за страсти взрывы,
За счастье лукавых глаз,
За нрав как вино игристый
И солнечный как топаз.
За речи твои хмельные,
За умную ласку рук,
За губы твои шальные,
Ввергающие в недуг!
За хохот твой и за всхлипы,
За взбалмошность и за спесь...
Спасибо – тебе! Спасибо
За то, что ты просто есть!

СОЛНЕЧНАЯ СТОРОНА

«... мир встает огромной птицей...» Э. Багрицкий
«Я верю: то Бог меня снегом занес...» А. Блок

Утро ясным соколом —
в синеву.
Солнце чистым золотом —
на листву.
Свет, отринув мрак ночной, —
в дом ко мне:
Я живу на солнечной
стороне!

Завирухи длинные,
злы дожди,
Ночи воробьиные —
позади,
Потому что жребий мой —
свет в окне.
Ведь живу на солнечной
стороне.

Если даже, случаем,
на беду,
Вновь во тьму тягучую,
упаду,
Верьте, люди добрые:
и на дне
Я умру на солнечной
стороне!

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

БУМЕРАНГ

Извелась. Постарела до срока.
Не жена, не подруга, не мать.
Как же, милая, ты одинока,
И уже поздно что-то менять!

Вновь среди ночи какая-то сила
станет душу рвать так, что невмочь:
отомстила тебе, отомстила,
не рожденной убитая, дочь.

ДЫРЯВАЯ ПОДВОДНАЯ ЛОДКА

На дырявой подводной лодке,
Без компаса и без руля,
Мы идем, попивая водку,
Не для пьянства, отваги для.
Нам осталось – лишь верить в чудо,
Потому что уже вот-вот
Эта ядерная посуда
Не по шуточному рванет!
С той поры, как наш мудрый кормчий
Олигархам спулил свинец,
Стало нас от рентгенов корчить,
И мерещиться стал конец!
А с момента, когда дейтерий
Иностранцам загнал старпом.
Мы уже ни во что не верим.
Одного лишь покорно ждем:
Мы – простые. Мы зла не держим.
Но ответьте нам, сюзерен:
Для чего с лодки углестержни
Скоммуниздил какой-то хрен?
Кто электро– содрал проводку?
Ведь поэтому только, мля,
Дохнем мы на подводной лодке
Без компаса и без руля.

УХМЫЛКА СУДЬБЫ

Начинал – шумно, гордо, властно.
Был нахрапист и неленив.
Нотки жизни ложились классно,
но собрать их не смог в мотив.

Повело как-то юзом, боком:
тест – на жалость, тест – на излом...
Так мечталось – прослыть пророком!
А пришлось доживать – рабом.

ПОСЁЛОК

Здесь все дороги, будто в Рим,
Ведут к замызанной пивнухе,
Где отставник багряноухий
Гундосит Блока, пьяный в дым.
Где в воздухе клубится мат,
И в разговорах шумно-пенных,
Как правило, и непременно,
Во всём правительство винят.
Где большинству на все – наплевать.
Где каждый – с пьяных глаз, – мессия...
Где пропивается Россия,
За жизнью – жизнь, за пядью – пядь.

ССОРА

В квартире – будто кто-то умер.
Дом стал безмолвен словно скит.
Лишь в оброненной трубке зуммер,
Как пульс разгневанный, частит.
Ни ругани, ни объяснений.
На всем – нервозности канва.
По гулким комнатам две тени
Снуют: тень – он, и тень – она.

ЗРЕЛОСТЬ

Мне уже не вернуть разудалые юные годы,
И во взоре моем притупился восторженный свет,
Но зато я узнал благодатную мудрость природы,
Но зато стал ценить тех друзей, что уже в мире нет.
Мне уже у судьбы не пристало запрашивать много,
Разве только, что жить и любить, потихоньку творя.
И я верить хочу, что не очень грешил против Бога,
И надеюсь, что срок отбывал не земле своей не зря.
Вот, опять журавли тают в небе мифической лодкой:
Снова кто-то узнает, что ждет нас за Вечной рекой.
И так тихо вокруг, так светло и божественно кротко,
Что невольно душа наполняется свежей строкой.

Вероника РУЧИМСКАЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Не нужен

Из памяти вычеркивая дни,
Я не живу, а трачу свое время...
Как тяжело обреченной жизни бремя,
Когда мы остаемся здесь одни...
И каждый миг, что прожит не тобой,
Отчаянный, холодный и пустой,

Где все напоминает о тебе —
Не нужен... Как и ты не нужен мне.

Револьвер

Когда я захочу одна уехать,
Купи мне револьвер и сигареты.
Я буду мчаться в поезде на запад,
Куришь, пить виски и ругаться матом.
И в тамбуре последнего вагона
Под стук колес я вытащу патроны.
К виску приставив дуло револьвера,
Подумаю: «Последняя премьера...»
И на полу с закрытыми глазами
Я буду наслаждаться небесами...
Когда я захочу одна уехать,
Купи мне револьвер и сигареты.

Пыль

Меняю дни на чистые листы...
Меняю сны на пыль от кокаина...
Построены хрустальные мосты
Ведущие в забвения долину.
Где губ твоих осталась теплота?
Где радости пурпурные бутоны?..
Но нет ответа...Только я одна
Кладу на стол холодные патроны.
Я жду, когда настанет мой черед...
А за стеною — ванна формалина...
Ну а пока же дни бегут вперед —
Меняю сны на пыль от кокаина.

Бросая звезды

Бросая звезды на песок тебе под ноги...
Уже все знаю: ты меня покинешь...
Обуглишься, потухнешь и остынешь...
Мы оба снова будем одиноки...
Лишь миг один останется на память:
В молчании проявленные мысли...
Глаза твои, наполненные смыслом...
И то, чего нельзя уже исправить...
Пожар на сердце, пепел на ладонях...
Но сколько еще нужно повторений,
Чтобы меня из всех своих творений
Ты выбрал, полюбил и понял?..

Алексей ШОЛОХОВ

САПРОФИТЫ

— Здравствуйте. Меня зовут Антон.

Молодой человек небольшого роста протянул Алексею руку и включил дежурную улыбку. Алексей все-таки подал руку улыбающемуся парню. Из темноты подъезда к ним вышла высокая девушка с желтой листовкой в руке.

— Здравствуйте, я Людмила, — произнесла девушка и снова зашла в тень.

— Мы представляем американскую компанию «Скавинжер». Вы что-нибудь слышали о нас? — Улыбка Антона стала еще шире.

— О вас лично? — Алексею не по душе был разговор с людьми, звонящими ему в дверь после тяжелого трудового дня. Он уже трижды пожалел, что открыл этим коммивояжерам. Бродячие торговцы, а именно ими Леша и считал коммивояжеров, чем-то ему напоминали свидетелей Иеговы. Наверное, своей добродушной навязчивостью. Вообще, люди улыбающиеся без особых на то причин, у Алексея не вызывали доверия.

— Нет, нет. Не о нас, конечно же. О нашей компании. Мы на российском рынке более восьми лет.

— Надо же! — Алексей попытался показать удивление; у него получилось плохо, но Антона это не трогало.

— Да, да, — обрадовался торговец. — Поэтому нас удивляет, когда люди говорят...

— Удивляет компанию? — язвительно спросил хозяин квартиры.

— Нет, это удивляет нас, лично. — Антон продолжал улыбаться.

«Интересно, — подумал Алексей, — если ему наложить за шиворот, он продолжит скалиться?»

— Вы так и не сказали: чего хотите. — Алексей терял терпение.

Из темноты снова появилась долговязая Людмила и протянула желтую листовку.

— Мы производим совершенно бесплатно демонстрационную чистку ковров и мягкой мебели, — будто по написанному протараторила девушка.

— Дело в том, что нам очень нужно ваше мнение, — произнес улыбчивый Антон.

Не плохо бы было, если бы эти торговцы убрались на халяву, но Леша вспомнил о докладе, который должен подготовить к понедельнику.

— Ребята, давайте я вам напишу, какой хотите, отзыв, и мы ничего демонстрировать не будем. У меня на это нет времени.

— Что Вы! Это займет всего десять минут. — Антон поставил коробку в квартиру. — Тем более у нас все с собой.

Черт с вами! Все равно я собирался передохнуть.

— Ладно. Заходите. — Алексей отступил в сторону, пропуская гостей в квартиру.

— Людмила Вам все покажет, а я подойду позже. — Антон развернулся и пошел к лестнице.

Девушка затащила коробку в комнату. Алексей остался в дверях. Он скрестил руки на груди и наблюдал за отлаженными движениями Людмилы. Она открыла коробку; Алексей увидел множество хромированных частей. Леша улыбнулся, когда девушка, подобно супергерою из дешевого боевика, начала собирать свой агрегат. С каждым щелчком из бесполезных в одиночку частей в руках Людмилы аппарат приобретал свою истинную форму.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

– На что похоже? – спросила девушка, когда последняя деталь защелкнулась в своем пазу.

На блестящую хрень с ручкой, – подумал Леша, а в слух сказал:

– На пылесос.

– Вы неоригинальны. Это и есть пылесос. Но посмотрите. – Людмила взяла аппарат и повернула сначала вправо, потом влево. – Ну? Видите? Он похож на автомобиль.

– Бог ты мой! – взмолился Леша. – А почему не на ракету?

– Ну, это как посмотреть...

– Девушка, – произнес Алексей.

– Людмила.

– Да, конечно, Людмила. Может, начнем?

– А мы уже начали.

– Дев... Людмила. У меня куча работы. Не могли бы вы мне вкратце поведать о вашем чуде техники?

Через пять минут Леша забыл о докладе и об опыляющих насекомых, описанных в этом докладе. Он слушал девушку и ровный шум двигателя блестящего монстра.

– Вы говорите, жена вчера убиралась? – язвительно спросила Людмила.

– Да, – солгал Алексей.

– А вот посмотрите. – Девушка поднесла Леше демонстрационный фильтр. – Смотрите, сколько грязи осталось внутри.

Алексей наблюдал, как девушка один за другим меняла фильтры, а старые складывала в угли.

– Видите разницу?

Он видел. Еще как видел.

– И мы этим дышим, представляете? – Людмила продолжала улыбаться.

Леша посмотрел на часы. Он не заметил, как пролетело сорок минут. Черт! Доклад!

– Людмила, я все понял, техника очень хорошая. Давайте ваши бумаги я напишу отзыв, и мы расстанемся. – Алексей улыбнулся на манер коммивояжера.

– Нет. Что Вы, так нельзя. Тем более осталось еще минут на пять.

Девушка быстро сменила насадку, достала из коробки брошюрку и подала Алексею.

– Полистайте пока.

Людмила показывала насадки и производила ими всевозможные манипуляции, при этом, не забывая играть в «на что похоже». Пылесос был действительно хорош. Он жидкости собрал и пузыри пускал, чистил ковры и мягкую мебель, но когда Леша дошел до страницы с ценой за агрегат, он даже удивленно присвистнул. Девушка замерла.

– Что-то не так?

– Да эта игрушка, как моя «пятнашка» стоит.

– «Пятнашка»? – не поняла девушка.

– ВАЗ 2115, – пояснил Алексей.

– Да. Стоит он сто пятьдесят девять тысяч, но оплатить можно в рассрочку.

– Нет уж, я лучше немного пыль поглотая, – хмыкнул Алексей.

– Вы можете еще передумать. – Люда поставила новую насадку. – Брошюра остается у Вас. Там есть телефоны...

– Людмила, а Вы давно занимаетесь этим? – спросил Леша.

– Наша компания на российском рынке более восьми лет...

– Вы не поняли, – перебил ее Алексей и подумал:

«Все она поняла. Это же надо так людей зомбировать».

– Я имел в виду Вас лично. Сколько Вы на российском рынке?

Девушка улыбнулась. Нет, она все время улыбалась, но сейчас это было по-настоящему, от души.

– Год с небольшим.

– А до этого, где работали?

– Продавцом в «Электросети». – Девушка пожала плечами. – Ко мне вот так же пришли и объяснили.

– Простите? – Алексей не понял ее. – Что объяснили?

– Здоровье на первом месте. – И снова эта искусственная улыбка.

– Это само собой. Зарплата побольше, наверное. – Алексей потешался.

– Здоровье на первом месте, – повторила девушка.

Вот это им промыли мозги!

Людмила сняла с хромированного основания, так похожего на автомобиль, длинную ручку и поставила маленькую.

– А это что мы будем делать?

– А это мы будем чистить диван. Вы же на диване спите?

Глупый вопрос. На чем он мог еще спать в однокомнатной квартире?

– Нет. На антресоли, – пошутил Алексей. Девушка улыбалась, но той настоящей улыбки так и не появилось.

Люда поставила пылесос на диван и начала водить им от подлокотника к подлокотнику. Она никуда не спешила, и это раздражало Лешу. Девушка выключила аппарат и достала фильтр.

– Как Вы думаете, что это?

Алексей всмотрелся в грязь на белом круге, взял щепотку и растер между пальцами. Пыль, не больше. К тому же она была того же цвета что и обивка дивана.

– Ворса от ткани.

– И она тоже, но не только. – Девушка нагнулась к коробке и достала зеленую папку. – Вот. – Она подала Леше лист с изображением какого-то насекомого.

Черт! Доклад! – снова вспомнил Алексей.

– Что это?

– Это сапрофиты. Их можно увидеть только под микроскопом. То, что на фильтре – их трупы.

Трупы? Девчонка мистики читалась. А, Алексей, как тебе спится на трупах?

Леша улыбнулся. Такую чушь он слышал впервые. А почему бы ей не показать ему снимок Лох-Несского чудовища и не сказать, что такие каждое утро в его кружке с кофе плавают?

– Вы зря смеетесь. Это очень серьезно. Эти жучки поедают отмершую кожу. В какой-то степени они даже полезны, – девушка сделала паузу.

Наверное, сболтнула лишнего, а теперь задумалась как впарить эту блестящую хреновину.

– Но если у вас имеются какие-нибудь кожные заболевания, жучки только ухудшат ваше положение.

Вот оно в чем дело. Сейчас побегу продам машину и въеду в квартиру на чудо-пылесосе так похожем на... На мечту параноика эта хрень похожа. Надо заканчивать эту увлекательную демонстрацию и...

– Ну что ж. Вот и все, собственно, – сказала девушка и начала разбирать свой хромированный аппарат. – Сейчас, мы заполним с Вами небольшую анкету. Брошюрка остается Вам, если надумаете, звоните. Кстати, Вы можете стать одним из нас.

• КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

– В каком смысле?

– Работать у нас, – пояснила Людмила.

Упаси, Господь!

– Я подумаю.

После заполнения анкеты девушка распрошлась и, подхватив коробку со спасителем всего человечества от злобных падальщиков, вышла в темноту коридора.

Леша посмотрел на часы – вечер пятницы был бесповоротно загублен. Он перечитал доклад. Саша – его сын учился в четвертом классе и, несмотря на развод с его матерью Алексей всячески проявлял себя как любящий отец. Одним из проявлений и был доклад под гордым названием «Опыляющие насекомые».

В голову ничего не лезло кроме жуков, пожирающих человека ночью. Алексей включил телевизор, посмотрел какую-то бредовую передачу и улегся спать.

Ему приснился жук-падальщик. Но не такой, каким его описывала Людмила – чтобы увидеть жука Леше не потребовался микроскоп. Тварь была размером с журнальный столик, собственно говоря, на его месте жук и сидел, потирая свои волосатые лапки. Леша даже слышал хруст трущихся друг о друга ворсинок.

Алексей посмотрел на кресло. Там сидел Саша. Он, как показалось Леше, даже и не замечал монстра в пяти сантиметрах от себя.

– Сынок, убегай, – хотел закричать Алексей, но осекся. В другом кресле сидел он сам. Теперь Леша наблюдал за происходящим со стороны. Огромный жук повернулся и откусил от Алексея, сидящего в кресле, как будто это был шоколадный заяц.

Леша всмотрелся в собственное лицо и ужаснулся – его обглоданный двойник улыбался. Ну чем не коммивояжер?

– Нет ничего, чтобы не могла исправить улыбка, – сквозь зубы произнес двойник. – С пылесосом «Скавинжер» вы будете улыбаться. . .

Жук откусил говорящую голову, и слова новоиспеченного коммивояжера заглушило смачное чавканье.

Леша закричал. . . и проснулся. Никаких жуков в комнате не было. По крайней мере, в темноте журнальный столик выглядел вполне миролюбиво. Алексей встал и пошел в туалет. Наткнулся в коридоре на ботинки, выругался и включил свет. В ванной посмотрелся в зеркало. Его двойник не улыбался. Это уже хорошо. Леша нагнулся к крану, чтобы попить.

Здоровье на первом месте, – вдруг всплыли в голове слова Людмилы. Пошел на кухню и взял кружку.

Черт знает что! – возмутился Алексей. – Сорок минут бесплатной демонстрации хромированного пылесборника из меня сделали параноика. Привычка облизывать кран, как говорила его мама, сохраненная им до тридцати двух лет, была сломлена какой-то торговкой пылесосами.

Леша пошел в комнату. Потянулся к выключателю и замер. Он готов был поклясться, что увидел нескольких насекомых пробежавших по простыни. Леша подбежал к дивану, скинул простынь и подушку. Света из коридора не хватало, поэтому он включил торшер у дивана. И снова ему показалось, что кто-то пробежал по дивану и скрылся между подлокотником и стеной.

– Черт знает что! – повторил уже вслух Алексей.

Если это сапрофит, то либо девушка заблуждается в размерах насекомого, либо вместо глаз у меня линзы от самых мощных микроскопов. Конечно, это чушь. Но он хотел проверить. И почему только не сделал этого сразу? Алексей сел за кухонный стол и открыл ноутбук.

Информация о сапрофитах тесно переплеталась с продажей пылесосов «Скавинжер». Было такое ощущение, что только эта фирма об-

наружила беспощадных паразитов. Или, того хуже, запустила их, для успешной реализации своего товара. А почему бы и нет?

Но это еще не все, что поразило Алексея. Как он узнал из статьи, за год от человека отшелушивается около двух килограмм омертвевшей кожи. Больше всего чешуи человек теряет во сне. И как только она оказывается на подушке, на матрасе и одеяле, со всех сторон на нее бросаются полчища жадных тварей (около четырехсот миллионов на одной кровати). В матрасах сапрофиты чувствуют себя лучше всего и размножаются с максимальной скоростью.

Вот так-так! Мало того, что эти твари жрут тебя, так они еще и гадят в твоей постели.

Сапрофит живет четыре месяца, – прочитал Леша. – В течение этого времени клещ производит экскрементов в двести раз больше собственного веса и откладывает до трехсот яиц.

Матрас без специальной обработки, используемый более трех лет, может состоять до десяти процентов своего веса из сапрофитов и их помета! Идеальные условия для жизни клещей – тепло, влажность и темнота, то есть в матрасах они чувствуют себя лучше всего и размножаются с максимальной скоростью.

Алексей вздохнул. Перед глазами встал клещ из сна, жующий его голову. Ну, это же надо, как бесплатная демонстрация хренти-чего-там с хромированным корпусом может выбить землю из-под ног. До прихода улыбчивой Людмилы Леша ни сном, ни духом о тварях размером в одну десятую пылинки. Ни сном, ни духом.

Выходные пролетели как. . . Да точно также как и предыдущие выходные. В субботу после бессонной ночи Алексей ходил как вареный, но сына отвезти в бассейн согласился. Вечер субботы и весь следующий день Алексей смотрел телевизор. На диван он ложился только спать.

Об опыляющих насекомых Алексей вспомнил в понедельник.

– Папа, ты не забыл? Доклад. – Саша позвонил отцу в семь тридцать утра.

Леша протер глаза. Доклад, доклад. Черт! Единственные насекомые, которыми была забита его голова, это сапрофиты. Черт!

– Сынок, во сколько у нас выступление?

– Пап, доклад перенесли на пятницу.

– Очень хорошо. Я еще раз все перепроверю. – Алексей облегченно вздохнул.

– Пап, у тебя все нормально?

Почему он спросил? Черт! Я же в бассейне задал трепку этим якобы санитарным врачам.

– Да сынок, все хорошо.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Ну, тогда до пятницы?

— До пятницы.

В субботу произошло то, что давно должно было произойти. Алексей просто поразил грязь в мужской раздевалке. Сколы керамической плитки буквально цвели плесенью. Шкафы изъедены ржавчиной. Леша подумал, что каким-то образом оказался в параллельном Постапокалиптическом мире, а не в современном спортивном комплексе. И он высказал все первому попавшемуся на глаза человеку в белом халате. После недолгого пререкания санврач вызвал охрану и два дюжих парня любезно согласились проводить Алексея до выхода, где он и дождался сына. Лешу переполняли эмоции даже после того, как он отвез Сашу домой. Если еще в ночь перед походом в бассейн он винил в своей паранойе Людмилу и всех продавцов пылесосов, то сейчас Леша склонялся к мысли, что коммивояжеры открыли ему глаза на антисанитарные условия окружающей среды.

На работу идти не хотелось, но и слушать постоянное шуршание паразитов в диване Леша больше не мог. Он прошел в ванную, умылся, взял с полки пластиковый стаканчик и поднес к крану. Посмотрел на воду в стакане.

Нет, надо купить фильтр. Вода может содержать еще больше паразитов, чем диван.

Алексей вылил воду.

Всю неделю его преследовали паразиты. Он подпрыгивал от малейшего шороха. Спал с включенным светом. Ночью падальщики становились наиболее активными. Теперь им не хватало той чешуи, что Алексей сбрасывал за ночь, клещи жрали его живьем. В ночь со среды на четверг Леша не выдержал и выбежал из комнаты, закрылся на кухне и просидел там до утра.

В четверг Алексей уволился. Он пришел к начальнику за пять минут до обеда. Как Леша рассчитал, с десяти до часу в общественном транспорте будет меньше народа, а значит и заразиться чем-нибудь шанс будет тоже минимален. Несмотря на конец сентября, погода стояла теплая. Но Алексею было не до Бабьего лета, он три дня не снимал перчаток. В среду он купил марлевую повязку — здоровье должно быть на первом месте.

— А, Сафронов, заходи. — Савелий Павлович сидел во вращающемся кресле и играл в дартс. — Чей-то у тебя на лице? Заболел, что ли? — Мужчина отложил дротки и указал на стул.

— Нет. Это чтобы не заболеть. — Алексей не сел.

— Ясно. Так ты бы противогаз одел. Ни одна болезнь не проскочит — верняк. Ладно, чего хотел? — Худой болезненный человек принял серьезный вид.

— Вот. — Алексей положил перед начальником лист бумаги.

— Что это?

— Заявление об уходе по собственному желанию.

— Могу я узнать, что тебя не устраивает?

— Здесь слишком пыльно, — ответил Леша.

— А-а-а, — с пониманием закивал Савелий Павлович. — Черта-с два ты не больной! На улице плюс двадцать, а ты вырядился как на Северный полюс. — Савелий смял заявление и кинул в урну. — У тебя неделя — отлеживайся. Если желание уволиться не пропадет, держать не стану. — Он взял со стола дротки и, практически не целясь, кинул в мишень. — Все Леша, свободен.

Весь вечер четверга Алексей просидел за докладом. Под скрежет челюстей сапрофитов, он закончил к одиннадцати часам. Аккуратно

сложил распечатанные листы в файлы и удовлетворенно хмыкнул. В полночь он улегся на линолеум у кухонного стола и уснул. Марлевая повязка и перчатки так и остались на нем. Здоровье — на первом месте.

В пятницу Алексей зашел в аптеку и купил все марлевые повязки, которые были в наличии. Набралась сорок одна штука. Довольный правильно выбранным планом дня, направился к школе сына.

К назначенному часу собрались одноклассники Саши и их родители. Классный кабинет оказался мал, и поэтому решено было перейти в актовый зал. Уже там Алексей раздал повязки собравшимся. Он подходил к каждому, ложил на колени повязку и приговаривал:

— Здоровье — на первом месте.

Если сначала люди смотрели на него с легким непониманием, то к середине лекции они открыто выказывали нежелание слушать, и уходили из зала. Доклад Алексей заканчивал в присутствии сына и его учительницы. Саша тихо плакал на последнем ряду. Женщина, молча, рассматривала фотографии сапрофитов.

— Отправляя регулярно на помойку матрас и подушки, Вы делаете свою жизнь чище! Помните, здоровье на первом месте, — закончил Алексей.

— Вы знаете, все это очень хорошо, но кто из них опыляющее насекомое?

— Вы не понимаете?! Они же едят нас! — закричал Леша.

— А Вы, пожалуйста, не кричите на меня, — мягко попросила женщина. — Только из жалости к Вашему сыну, Алексей Петрович, я поставлю ему тройку.

— Как тройку?! — возмутился Леша.

Саша вскочил с места и выбежал из зала. Леша, не скрывая злости, посмотрел на учительницу и сказал:

— Пусть тройка, здоровье должно быть на первом месте.

Он собрал все бумаги и, не попрощавшись, ушел.

Дома Леша набрал номер Саши. Тот не захотел разговаривать с ним. Ничего, отойдет и поймет. Он должен понять...

Скрежет из комнаты был невыносимым. В десять часов вечера Алексей умылся водой из фильтра, постелил на пол новую простыню и лег спать.

Ему приснился огромный клещ-сапрофит. Теперь он сидел в кресле и доедал Сашу. Алексей не мог пошевелиться; его поразило собственное спокойствие, бездействие по отношению к происходящему.

— Вот! А кто-то не хотел слушать мой доклад, — с укором произнес Алексей. Поднял руки, показать, что они в перчатках и тут же спрятал их за спину. Он не помнил, когда их снял, но руки были голыми. Вдруг Леша заметил свое отражение в полированном шкафу. Опустил голову — ни носков, ни трусов. Алексей стоял обнаженный, исключением были две марлевые повязки. Одна на лице, другая прикрывала член. Размышления о том, за что она там держится, заставили его отвлечься на некоторое время от своей незащищенности перед монстром.

Клещ тем временем доел Сашу и пополз к хозяину квартиры. Алексей выбежал из комнаты и столкнулся с точно такой же тварью, как и та, что преследовала его. Леша почувствовал, как его повязки сползают, а затем и падают к ногам. И тогда Леша закричал.

Он продолжил кричать, когда вскочил с пола, на котором спал. Алексей ощупал себя. Убедившись, что стоит в одежде, сел на табурет у стола.

Надо что-то делать. Он совершенно не чувствовал себя защищенным перед этими беспощадными тварями, буквально витающими в воздухе.

Черт знает что! Если бы не коммив...

Алексей КАРАКОВСКИЙ

КНЯЖНА СОФИКО

1.

Теперь у Алексея не поворачивался язык назвать этих милых людей бродячими торговцами. Они словно пророки ходили по квартирам и открывали глаза на происходящее в мире, давали шанс людям обрести веру. Веру в Чистоту. И если бы не они, Алексея уничтожили сапрофиты.

Его привлекло движение справа. Леша посмотрел на дверь и тут же, опрокинув табурет, вскочил. На дверном стекле сидели тысячи, сотни тысяч клещей-сапрофитов. Алексей слышал, как работают их крохотные челюсти.

Что они там жрут?

Через несколько секунд он понял что. Стекло покрылось морщинами трещин и водопадом упало в кухню. Леша запрыгнул на стол. Спасения не было. Кроме...

И Алексей взвизгнул от восторга. Спасение было рядом, но для этого ему пришлось бы пройти по жукам-людоедам. Он хищно оскалится и спрыгнул со стола. Быстро прошел в комнату, с наслаждением слушая, как под его ногами хрустят маленькие тельца паразитов. Но те, кто не погибал под тяжелыми ботинками, перебирались на брюки. Вскоре Алексей весь был облеплен ими. Леша схватил с полки желтый листок и телефон. Попытался стряхнуть с себя сапрофитов, но они не сдавались. Если Алексею удавалось скинуть десяток, на их месте появлялось в два раза больше. Он вбежал в ванну и закрылся на щеколду. Тут же в щель под дверь хлынула волна падальщиков. Только теперь им было нужно живое мясо.

Леша лихорадочно вспоминал, как их можно убить. Кроме пылесоса «Скавинжер» на ум ничего не приходило. Леша самопроизвольно включил холодную воду. Он услышал слабый писк. Алексей посмотрел на себя — куда попадали брызги холодной воды, насекомые отпадали подобно отмершей коже.

Вот!

Алексей положил телефон и листовку на крышку унитаза и залез в ванну. Включил холодную воду и ступил под струю. Не обращая внимания на холод, Леша выстоял до конца. Осмотрелся — на нем и в помещении насекомых не было. Он выключил воду и вылез из ванны. Во всей квартире была тишина.

Дрожащей рукой набрал номер с желтой листовки. Через долгих пять секунд на другом конце провода ответили.

— Алло, — сказал Алексей, стуча зубами от холода. — Это фирма «Скавинжер»?!

— Да. — Даже не видя собеседника, Леша понял, что тот улыбается.

— Мне нужен ваш пылесос!

— Очень хорошо. Наша фирма на российском рынке...

— Да, да. Я знаю! Я все о вас знаю, — выдохнул Алексей. — Я хочу стать одним из вас.

— Простите? — не понял представитель фирмы.

— Мне нужна работа.

Закончив разговор, Алексей вышел из ванны. Прошел в комнату и, не раздеваясь, лег на диван.

В эту ночь он спал крепко.

— Здравствуйте. — Высокий парень улыбнулся и протянул хозяйину квартиры руку в черной перчатке. — Меня зовут Алексей.

— Мы представляем американскую компанию «Скавинжер», — после небольшой паузы продолжил парень и улыбнулся еще шире. — Нет ничего, чтобы не могла исправить улыбка, не правда ли? Только с пылесосом «Скавинжер» вы будете, улыбаясь идти по жизни.

Я наткнулся на Кирилла у лифта. Он жил на втором этаже, я на первом, у лифта мы просто курили. После развода я стал курить чаще.

— Всё тоскуешь? — спросил он.

— Тоскую.

— Она звонит?

— Нет.

— А ты?

— Не звоню. Знаешь, я так и не понял, что произошло. Женщина вышла замуж, родила ребёнка, и ушла от мужа на третий день после выписки из роддома, ничего не сказав. Насколько я знаю, пока она была замужем, она ни разу мне не изменяла, да и сейчас у неё никого нет. Единственная версия, что всё было спланировано заранее: родить в двадцать один год замужней, чтобы потом жить в своё удовольствие. Такое хладнокровие, такое отсутствие нервов можно объяснить только расчётом. Мы ведь даже не поссорились ни разу.

— Надо тебе в Москву съездить. В Желдоре ты долбанёшься.

— Да что там делать? Я уже два года как университет закончил — наверное, ни одной знакомой рожки не увижу. А больше мне ехать некуда.

Поездки из Железнодорожного в Москву были привычными, пока совершались ежедневно, но два года без постоянной работы сделали своё дело: смысла в прогулках по столице я не видел. Впрочем, не имея никаких определённых занятий, я не мог найти аргументов и в пользу того, чтобы сидеть дома.

Проснувшись далеко уже не ранним утром, я посмотрел на часы. Два года назад я вставал в такое время, если мне нужно было в университет к третьей паре, после обеденного перерыва. «Почему бы и нет?» — вяло подумал я и вышел из квартиры.

Электричка, как обычно, была переполнена. Ностальгии это почему-то не вызывало. «В университете всё равно нечего делать, нормальные люди сидят на лекциях», — думал я.

Наш факультет находился в отдельно стоящем здании неподалёку от Сретенки. От Курского вокзала до станции «Сретенский бульвар» можно было добраться всего за пару минут на метро — впрочем, во времена моей учёбы эту линию ещё не построили. Выйдя из электрички, я не торопясь направился через Земляной вал к Покровке. Прохожие обгоняли меня, спеша по своим делам. Мне было всё равно — я исподтишка разглядывал идущих рядом женщин. После ухода жены это невинное занятие стало моей постоянной привычкой.

Я зашёл в арку на углу Покровки и Садового кольца, возле «Кантри-бара». Когда-то мы с женой любовались там на храм, спрятанный в глубине двора, но всё это было при закатном освещении; сейчас, при дневном свете, двор был лишён романтического флёра. «Правильно, давно следовало забыть обо всём этом», — грустно думал я, шагая мимо когда-то любимого кинотеатра «35 миллиметров» в сторону Тургеневской площади.

Почему-то во времена моего советского детства Чистые пруды считались городской достопримечательностью. Родители несколько раз вывозили туда на прогулку нас с сестрой, но моя память ничего не сохранила о тех поездках. Позже я узнал, что в семнадцатом веке эта местность назы-

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

валась, наоборот, Погаными прудами, а водоёмы использовали для слива отходов бойни и мясные лавки. Прибрав это место к рукам, Александр Меньшиков приказал почистить и переименовать отстойник, но к началу двадцать первого века местность стремительно возвращалась к своему первоначальному облику. Теперь Чистые пруды ассоциировались со скучными политическими митингами у памятника Грибоедову и бомжихой Наташей, самозабвенно танцующей у музыкального ларька возле метро. «Я принцесса, я принцесса!» — кричала она, распугивая прохожих.

Постаравшись поскорее миновать неприятное место, я нырнул в подземный переход и вскоре оказался на Сретенском бульваре, недалеко от жутковатого памятника Надежде Крупской, возле которого в студенческие годы мы постоянно пили пиво. В каменном варианте жена революционера и «деятель народного образования» выглядела одухотворённо-идеальной, словно Прекрасная Дама; ужаснуться пи виде Крупской заставляла не жестокая к её внешности историческая правда, а неадекватные размеры памятника, вызывающие ассоциации с гигантскими младенцами, описанными Станиславом Лемом в «Солярисе».

Я не дошёл до университетского здания совсем немного, когда меня окликнули. Оглянувшись, я увидел Иру Савватееву, с которой познакомился в турпоходе незадолго до окончания университета. Наше с ней общение исчерпывалось несколькими шумными компаниями, но, как ни странно, через два года моя знакомая была очень рада меня видеть.

— Привет! Куда ты пропал так надолго?

— Женился, развёлся, искал работу, не нашёл работу. Да это не важно! Ты-то как?

— У меня сегодня день рождения. Вот как раз сейчас сидим, отмечаем, как в старые добрые времена — у памятника Крупской. Ты не занят? Я была бы рада, если бы ты присоединился хотя бы на минуточку.

— Да я считай, только за тем и приехал, чтобы кого-нибудь встретить и пообщаться. Знаешь, в последнее время как-то одиноко живу, замкнуто.

— Ну тогда пошли! Тимур Шарафутдинов, правда, уже уехал, но зато девчонки остались — Сонька Никифорова и Катька Иванова.

— Никифорову, кажется, не знаю, а Иванова была девушкой Шарфика, верно?

— Вот именно, что была. Они с Шарафутдиновым вроде как больше не находятся в близких отношениях, но всё равно постоянно тусуются вместе. А Никифорова — лучшая подруга Ивановой.

— Да... Я бы, наверное, так не смог — остаться рядом с человеком, который тебя бросил.

— Если это он её бросил, а не наоборот...

— Наоборот? С её внешностью это смелый поступок...

Зайдя в магазин, я купил бутылку шампанского и бутылку полусладкого вина. Холодная погода не располагала к длительному времяпровождению на улице, но алкоголь позволял немного растягивать время.

Всё было почти так, как и два года назад — шуточки, анекдоты, рассказы о каких-то приключениях, об общих знакомых. Я с интересом смотрел на трёх девушек, понимая, что ни для одной из них не стану чем-то большим, чем случайным эпизодом нетрезвого вечера. Впрочем, чем пьянее и болтливее я становился, тем больше мне нравилось быть в центре внимания.

Мы пили уже, кажется, третью бутылку вина, когда Софья Никифорова, до этого непринуждённо хихикавшая над моими рассказами, неожиданно поднялась с места и отчётливо произнесла:

— Я НЕНАВИЖУ ТЕБЯ.

Не прерывая рассказа, я глянул на девушку боковым зрением. «Интересно, о ком это она? Ясно же, что не обо мне».

— ДА-ДА. ИМЕННО ТЕБЯ, — решительно повторила Софья и сделала шаг в мою сторону.

«Боже, чем я мог её обидеть за пару часов, в течение которых мы здесь находимся?» — растерянно подумал я, сделав шаг назад.

— Ты его ненавидишь? — спросила так же ничего не понимающая Ира.

— Его, — уверенно ответила Софья, указывая в мою сторону.

Происходящее не укладывалось у меня в голове. «Но я же хороший! Во всяком случае, не слишком плохой!» — беспомощно бунтовало моё сознание.

— Напилась ты, Сонька, пошли домой, — попыталась разрядить ситуацию Иванова.

Софья отрицательно покачала головой и отхлебнула ещё вина.

— Ты хоть можешь сказать, за что меня ненавидишь? — спросил я.

— Ты в центре внимания. Тебя девушки любят. Ты им льбишься. Ты предатель.

Я посмотрел на Иру и Катю, надеясь на какую-то моральную поддержку.

— Ну, точно, напилась, — вздохнула Иванова.

София посмотрела на подругу ненавидящим взглядом.

— Я знаю, ты сейчас потащишь к метро, а потом домой. Силой потащишь! А я тебе не дам, Катька.

— То есть, как это — не дашься? Тебя мама дома ждёт.

— Нельзя к человеку применять силу. Нельзя и всё, — тихо ответила Софья.

Резко поднявшись с места, она пошла по бульвару куда-то в сторону Чистых прудов. Провожая девушку взглядом, я думал о том, что там сейчас куча народа, пьяная бомжиха у музыкального ларька и, в целом, всё гораздо хуже, чем здесь.

— Не иди за ней, — остановила меня Ира, — она как напьётся, постоянно устраивает какое-нибудь кино. Не знаю, наверное, ей вообще стоило бы бросить пить, если это ещё возможно.

— И ещё у неё совершенно больная фантазия, ты не принимай всё-рьёз, что она там несёт, — добавила Катя.

Мне протянули бутылку вина, но я выпил без радости. «Что же вы с ней тогда общаетесь, раз так ненавидите?» — подумал я.

— Нет, девчонки, ничего не получится. Я всё-таки мужчина, а она всё-таки женщина. Если она сейчас влипнет в какую-нибудь историю, я себе этого не прощу.

— Смотри, сам не влипни с ней в историю, — иронически улыбаясь, посоветовала мне Ира.

Наскоро попрощавшись, я отправился догонять Софью, которая к этому времени добрела уже до середины Сретенского бульвара.

2.

Каждый шаг давался Софье с трудом. Силы, отобранные опьянением, возмещала злость. Догнав девушку, я попытался предложить ей руку, но Софья, едва удержав равновесие, отскочила в сторону. «Сейчас начнётся», — подумал я.

Впрочем, ожидаемой вспышки возмущения с её стороны не последовало.

— Ты что здесь делаешь? — удивлённо спросила она.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Собираюсь побыть немного рядом с тобой. Ты на меня не обращай внимания, я просто хочу, чтобы тебя никто не обидел.

Откинув назад длинные светлые волосы, Софья захохотала, но лицо её оставалось мрачным.

— Уходи отсюда. Ты домашний глупый мальчик, я испорчу тебе жизнь.

— Если не ошибаюсь, тебе двадцать два, а мне двадцать четыре.

— Дурачок, какая разница сколько тебе лет, — прошептала Софья и бессильно оперлась на какое-то дерево.

Мне было сложно что-либо возразить, но я и не думал отказываться от своих намерений.

— Ладно, пошли, — согласилась наконец Софья, изящным жестом протянув мне руку.

Несмотря на то, что все пять лет моего обучения в университете прошли в непрерывном употреблении алкоголя, классический сценарий «молодой человек провожает домой незнакомую пьяную девушку» разыгрывался в моей жизни впервые. Сперва мои альтруистические побуждения не распространялись за рамки защиты и опоры, но чем ближе мы подходили к метро, тем больше я понимал, что моя едва переставляющая ноги спутница совершенно несчастна и именно потому агрессивна. Это заставляло меня делать то, к чему я больше всего привык: быть ласковым. Но из этой ласки могло развиться — и незаметно развивалось — нечто большее, чем простая, ни к чему не обязывающая забота о беспомощном человеке.

Подойдя к метро, мы едва не стали лёгкой добычей милиции, но, увидев, что девушка находится в надёжных руках, нас не стали задерживать и пустили. «Да, одна она бы тут точно не прошла», — подумал я, почувствовав впервые за вечер свою относительную полезность.

На эскалаторе Софья едва не упала, и мне пришлось её обнять за плечи.

— Вот так хорошо, — пробормотала она и неожиданно прижалась ко мне всем телом.

«Чёрт побери, что мы делаем?» — подумал я, но объятия были приятными, и я никак не мог заставить себя отказаться от них.

В тепле Софья пьянела буквально на глазах.

— Где ты живёшь? — спросил я.

— В Измайлово, мой герой. . . Знаешь такую станцию метро — Семёновская?

«Значит, пересадка на Курской, совсем недалеко», — с облегчением подумал я. Проехав остановку, мы с трудом преодолели длинный подземный переход. Всю дорогу Софья висела на моём плече, периодически интересуясь, нет ли у меня мелочи для того, чтобы подать играющим в переходе музыкантам. Я был щедр, но старался не задерживаться.

— Обычно мне не уступают место в метро, — заплетаящимся языком поведала она, когда мы вошли в вагон и сели на два свободных сиденья, — обычно мне говорят, что я порочная, и моё место на помойке. Но, знаешь, я не порочная. Я просто неубедительная. Иначе бы я давно разъяснила каждому в метро, где находится его место.

— По-моему, тебе лучше поспать. Ложись ко мне на плечо, — предложил я, обняв свою спутницу за плечи.

Софья посмотрела на меня так дерзко, что у меня пропали последние сомнения в том, что сейчас последует. Впрочем, к этому моменту я уже не хотел ничего другого и боялся лишь той станции, на которой наш поцелуй было просто обязан прерваться. . .

— Семёновская. Пошли со мной, — спокойно сказала Софья, оторвавшись наконец от моих губ.

Ни разу в жизни не побывав на этой станции, я знал, что мимо неё к платформе Новогиреево ходит 34 трамвай. «Что ж, главное успеть на последнюю электричку», — подумал я.

Выйдя из метро, Софья казалась совершенно трезвой.

— Я хочу ещё пива, — сказала она.

— Ты же десять минут назад ходить не могла.

— Я сказала, я хочу пива, — упрямо повторила она.

Мы купили пива и отправились вдоль какой-то улицы. «Если это безумие не прекратится — а оно, конечно, теперь уже не прекратится — то надо хотя бы успеть выпить побольше», — думал я, отхлёбывая из бутылки веселящее пойло.

— Запомни, — показывала мне местность Софья, — вот магазин, вот подземный переход, вот здесь, в стороне, мой дом. Даже если это тебе не пригодится, всё равно запомни.

В подземном переходе возле её дома, как и на Курской, играли какие-то музыканты — нетрезвые подростки, не столько зарабатывающие деньги, сколько убивающие время. Отсыпав им мелочи, Софья устроилась рядом. Подростки играли невыносимо плохо, но пели, пожалуй, ещё хуже.

— Может, попросить у них инструмент? — предложил я.

— Мальчики, одолжите гитару на одну песню, — попросила Софья.

Я взял гитару, подтянул струны и запел «Звезду по имени Солнце» — едва ли не единственный общеизвестный номер, который я был способен исполнить на должном уровне. Впрочем, за первой песней последовала вторая, потом третья — отбирать обратно гитару никто не торопился. Улыбающаяся Софья, сидя рядом, обнимала и меня, и гитару.

Вскоре подростки, посчитав нас своими друзьями и единомышленниками, сами принесли нам пива.

— А вы кто — хиппи, панки, киноманы? — интересовались они.

— Анархисты, — вызывающе серьёзно отвечала Софья, — мы готовим заговор против президента страны. А в сумочке у меня лежит оптический прицел для снайперской винтовки.

— Да ну, гонишь! Покажи!

— Не имею права, я подпольщица! Но если вы туда заглянете, то сами легко найдёте: я замаскировала его под презерватив. . .

Время стремительно приближалось к ночи. Для того чтобы успеть в Железнодорожный, мне следовало поторопиться, но Софья и не думала покидать переход. Впрочем, о доме я думал только по привычке: девушка позволяла себя обнимать, целовать, я ей нравился и уже рассчитывал на что-то большее. . .

— Тебя мать ещё не ищет? — поинтересовался я.

— Мы живём в разных комнатах, — ответила Софья.

Впервые за день я почувствовал себя пьяным, когда закончилось пиво. Музыканты разошлись по домам, Софья дремала, сидя на моей сумке.

— Надо идти, — сказал я, и мне показалось, что мой голос звучит откуда-то со стороны.

— Веди меня, — разрешила она, и я повёл её в сторону хрущёвской пятиэтажки.

Поднявшись по лестнице на четвёртый этаж, Софья открыла дверь. Видимо, её мать уже спала: квартира казалась безжизненной. Мы прошли в комнату напротив; там у Софьи была отдельная гостевая вешалка и даже специальный ящик для обуви.

Я помог девушке снять плащ. Неловко обняв меня, она повалилась вместе со мной на кровать.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Кормить сегодня не буду, сегодня будем спать. По-моему, нам обоим будет приятнее, если ты разденешь меня сам, — прошептала Софья.

3.

Мы проснулись в час дня и тотчас продолжили заниматься тем, чем занимались до рассвета. Прошедший день вспоминался только в общих чертах, но и я, и Софья старались делать вид, что вчерашнее знакомство состоялось осознанно.

— Ну, ты силён: пять раз вчера, шестой сегодня. Я считала. Это тебя алкоголь так стимулирует?

— Скорее, долгое отсутствие женщины. . .

— Кстати, тебе, конечно, сказали, моё имя Софья Никифорова?

— Да. Это не так?

— Нет. Моё настоящее имя другое, но его мало кто знает.

— И как же тебя зовут на самом деле?

— Фамилия моей матери — Эристави, она потомок грузинского княжеского рода. А меня друзья называют Софико. Или княжна Софико, кому как нравится.

«И ещё у неё совершенно больная фантазия», — вспомнились мне слова Кати Ивановой. Теперь эта фраза казалась мне обычным завистливым трёпом.

— Ты не очень-то похожа на грузинку, — сказал я.

— Ты когда-нибудь любил грузинок? — Софья высокомерно подняла бровь, и мне стало окончательно ясно, что она не врёт.

— Никогда. Теперь люблю.

Вместо ответа Софья улыбнулась какой-то светлой, почти детской улыбкой и вдруг запустила руку под одеяло. Почувствовав её прикосновение, я внезапно понял, что седьмой раз практически неизбежен. . .

В тесной, запущенной комнате на замусоренном полу лежала сваленная в беспорядке одежда. У двери валялась испачканная грязью подземного перехода сумка.

— А кого ты ещё любил? — спросила Софико в начале третьего.

— Два года назад у меня была жена. С того времени, как она ушла, никого не было. Я до сих пор сильно переживаю: она отняла у меня сына и не даёт с ним общаться. Не знаю, согласится ли кто-нибудь ещё выйти за меня замуж.

— Почему ты делаешь такой странный вывод?

— Если женщина уходит от мужчины, мужчина всегда виноват. Если он не знает, в чём состоит его вина, как я, это не значит, что он невиновен.

— Ишь ты, как загнул. То есть, ты считаешь, что развод — это что-то вроде несмыслимой «чёрной метки»?

— Я бы рад считать иначе, но у меня это, кажется, вбито в подсознание.

— Да ладно, какое подсознание! Ну, развёлся, снова женился — чего такого?

Мне показалось, что Софико можно верить. Собравшись с духом, я рассказал, как высокоморальные православные родственники недавно загнобили моего дядю. После расставания с женой и двумя детьми он прожил восемь лет один-одинёшенек, а потом покончил с собой в тридцать пять лет.

— Суки, — лаконично выразила своё мнение об этой семейной трагедии Софья. — А хочешь, я тебе расскажу, почему Софико Эристави носит в сумочке паспорт на имя Софьи Никифоровой?

— Хочу.

— Мою мать в шестнадцать лет изнасиловал какой-то урод из соседнего двора. Она не придумала ничего умнее, чем пойти к его родителям, устроить скандал и выйти за урода замуж. Прожили они вместе около года. Она сама от него сбежала с младенцем на руках. Отец долго преследовал нас, первые три года моей жизни мы постоянно переезжали с места на место, пока не оказались в Измайлово. В конце концов отец умер в тюрьме — как-то его поймали за руку при угоне тачки, это была третья судимость. От него нам остались фамилия и фотография, которую мать держит на самом почётном месте. Представляешь, он её насиловал, а она его любит — причём любит именно потому, что насиловал. Я не такая!

Я задумался. Мой жизненный кругозор не включал в себя такие вещи, как третья судимость и сексуальное насилие.

— У тебя есть деньги? — спросила Софико.

— Да, — ответил я.

— Я хочу пива.

Быстро одевшись, я помчался к ларьку. Начиная со встречи на Среднем бульваре, это была первая возможность остаться наедине с собой и подумать.

Глядя на Софью, я удивлялся тому, насколько она хороша. Блондинка с выразительными тёмными глазами, аккуратной чёлкой (о, эти женские чёлки, безотказно сводящие меня с ума!), гармоничной фигурой — именно то сочетание, которого я наверняка хотел и ждал последние два года. Конечно, эта московская девушка-студентка не была чистокровной грузинкой, совсем вряд ли она имела какое-то отношение к национальной диаспоре, но игра ей, без сомнения, шла. В то же время, меня пугала разрушительная энергия Софьи, совершенно не свойственная моему вяловатому времяпровождению в Железнодорожном. Для того чтобы быть желанным, мне следовало, как минимум, не отставать от её жизненного темпа, не говоря уже о кураже и дерзости (чего стоила одна только история об отце-уголовнике!). Я не мог быть до конца уверен, что Софико надолго останется со мной; но если бы мне просто удалось быть достойным этого, этого было бы уже достаточно для счастья.

Я принёс столько пива, что мы могли не вылезать из постели до вечера. За время моего отсутствия Софико разогрела обед и вскипятила чайник.

— Кушай, я хорошо готовлю, — сказала Софья и села рядом.

— А ты?

— Уже поела. Хочу теперь на тебя посмотреть.

Я быстро съел порцию и впрямь великолепного сациви.

— А теперь десерт, — сказала Софья.

Сев ко мне на колени, она распахнула халат, под которым не было ничего, кроме её тела. Я поднял своё сокровище на руки и понёс в сторону комнаты, но Софико вдруг резко остановила меня, схватившись за дверной косяк, и я едва не потерял равновесие.

— Подожди. Я хочу, чтобы мы сделали это в постели моей матери. Она сейчас на работе, и её ещё долго не будет дома.

Удивившись, я решил исполнить её желание и поменял маршрут.

Комната Софьиной матери оказалась гораздо более просторной и светлой. На полке старого шкафа и впрямь стояла фотография молодого человека, почти мальчика с каким-то вызывающе весёлым и в то же время ожесточённым выражением лица. «И после этого она говорит, что от отца у неё только фамилия», — подумал я.

— Здесь солнечная сторона, потому я тут больше люблю, — сказала Софья, — ну давай же скорее, я соскучилась по тебе!

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

«Солнечная сторона здесь ни при чём, Фрейда не обманешь», — думал я, торопливо раздеваясь...

— Наверное, твоя жена не была твоей первой женщиной? — спросила Софико через четверть часа.

— Нет. Я хотел жениться на своей первой девушке, но она бросила меня. Мы долго встречались, и мне было обидно. Потом, когда боль ушла, я огляделся по сторонам и понял, что мне нравится моя старая, ещё школьная подруга. Она-то и стала моей первой женой.

— Сколько же тебе было, когда ты впервые оказался в постели с женщиной?

— Почти восемнадцать. Наверное, на твой взгляд, это поздно?

— Я влюбилась в четырнадцать лет в одного мужчину, грузина. У него была семья, ребёнок. На меня, девочку, он даже не глядел. Как-то мне удалось подпойти его друга, и он лишил меня девственности. Но своему любимому человеку я и женщиной не пригодились. До сих пор ненавижу их обоих.

— Ого!

— С того времени у меня было тридцать восемь мужчин, ты тридцать девятый. Я помню каждого, хотя некоторых хотелось бы забыть. Я не любительница уголовников, просто бывали периоды, когда мне не попадался никто достойнее.

— Тридцать восемь... Страшно представить. С кем же из них ты была дольше всего?

— Я ни с кем не была подолгу. Некоторые из них возвращались, потом исчезали снова. Это не важно. Понимаешь, в жизни мне нужны только алкоголь, секс, и чтобы было интересно. В университете я учусь для того, чтобы отделаться от матери.

— Интеллект в твои планы не входит?

— Я читала достаточно, чтобы не быть душой. Ладно, пошли ко мне — всё равно скоро начнёт темнеть.

Следующие восемнадцать часов мы потратили на то же самое — пиво, секс и разговоры, наконец-то вышедшие из фазы первого знакомства. На сон времени не было, но с рассветом Софико наконец утомлённо закрыла глаза. Следом отключился и я.

4.

Утро началось довольно резко.

— У тебя есть деньги? — услышал я сквозь сон.

— Только на обратный билет домой. Но обычно я езжу без билета, в Новогиреево нет турникетов, — ответил я, не открывая глаз.

— Ничего, у меня есть фамильное серебро. Я уже не раз закладывала его в ломбард, — сказала Софико, звонко собирающая пивные бутылки.

Вскочив с кровати, я быстро оделся и стал помогать убираться в комнате.

— Если сдать тару, много денег с неё не выручишь.

— Это бомжам, им тяжелее даются деньги, чем мне, — пояснила она, набирая воду в ведро, чтобы вымыть пол.

Среди институтских конспектов Софико, сваленных как попало на засыпанном окурками и пеплом столе, выделялась толстая тетрадка с заголовком на грузинском языке. Открыв её, я увидел, что на каждой странице наклеено по мужской фотографии; ниже следовала непонятная мне подпись.

— Это список твоих побед, Софико? — спросил я, заметив, что она стоит рядом.

— Нет, это список моих поражений. На ней так и написано — «сик-варулис дигуреби». Говоря по-русски, «дневник любви». Ну, знаешь, как в детстве мы подписывали школьные тетради — «для работ по русскому языку», «для работ по математике». Вот так и здесь, только по-грузински. Хотя сейчас мне пришло в голову, что «тетрадь для занятий любовью» было бы лучше... Ну, ладно, пошли. Мусор выбросим по дороге.

Ломбард оказался рядом с метро. В маленьком помещении, напоминающем прачечную, никого не было, кроме пожилой приёмщицы. Подойдя к стойке, Софико отретированным движением изящно-презрительно бросила на стол серебряное блюдо и несколько ложек. Получив взамен квитанцию и деньги, она отправилась напрямик к ближайшей палатке, у которой уже топтались утренние алкоголики.

— Тебе классно удаётся этот жест, княжна.

— Если бы я не была алкоголичкой и дочерью уголовника, я была бы актрисой.

— Разве нельзя как-то изменить эту жизнь?

— Можно, если ты не ставишь на себе «чёрную метку».

У меня не было контраргументов. Менять свою жизнь, в первую очередь, надо было мне самому. И всё же я не хотел сдаваться.

— Слушай, но ведь всё поправимо. Если одному человеку трудно справиться со своей несвободой, то двум-то проще отстоять себя. Неужели мы должны жить недолго, несчастливо и умереть одиночками?

— Ты на минуту вспомни, что люди — это просто хорошо организованные мартышки. Любишь мартышек? Я тоже не люблю! Кошки, лошади, волки — есть множество животных, которые намного благороднее и красивее! А теперь подумай о ценности человеческой жизни. Врубается, что она ничего не стоит? И даже я со своими понтами скоро сопьюсь и сдохну, как типичная мартышка. И ты тоже, если не сдрейфишь и не убежишь.

— Я не убегу.

Софико посмотрела на меня грустным взглядом — она явно не верила моим словам.

— Ладно, пошли. Говорят, сегодня последний холодный день мая. Лучше провести его в тёплой постели. Ты же не будешь отказываться, правда?

... Софико лежала на кровати, глядя в потолок. То, как она улыбалась после секса, было самым чудесным зрелищем, виденным мной за последнее время. Ради того, чтобы осчастливить эту женщину, я был готов пойти на многое.

— Софико!

— Что, любимый?

— Ты бы согласилась выйти за меня замуж?

— Замуж? И что бы я делала замужем за тобой?

— Не знаю — наверное, то же, что и сейчас! У меня есть отдельная квартира в Железнодорожном. Мы могли бы жить, ни от кого не завися. Ну... или я могу просто перевезти свои вещи в твою комнату. У меня их очень мало, почти нет.

— Разве ради этого обязательно жениться?

— Нет. Но если ты станешь моей женой, никому не придёт в голову обидеть тебя, все будут знать, что ты находишься под моей защитой.

— Обидеть женщину легко и приятно. Не думаю, что наличие мужа кого-нибудь остановит. Знаешь, я могла бы выйти за тебя замуж, если ты так этого хочешь, но мне это дастся легко, а ты пострадешь.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Почему?

— Твои родители не примут сноху-грузинку.

— Они и так не приняли мой развод с первой женой. Хуже уже не будет.

— Знаешь, я тебе вот что скажу. Есть такой человек, Шарафутдинов. Он бросил мою подругу, потому что она мешала ему спать с кем попало. Он жестокий, он мусульманин, он враг, он из тех, кто использует женщин только в качестве военной добычи. Я ненавижу его.

Я удивился. Полноватый лысеющий татарин Тимур, которого девочки ещё на первом курсе ласково прозвали Шарфиком, не производил грозного впечатления. Честно говоря, было довольно трудно поверить, что он вообще кому-то приглянулся, кроме Ивановой.

— Твои родители — типичные обыватели, считающие себя русскими и православными. Сноха-грузинка будет для них личным врагом, как для меня Шарафутдинов — и всё только потому, что мои предки приехали в Москву с Кавказа, а расисты не делают разницы между воином-мусульманином и беззащитной девушкой-христианкой. Если они не избавятся от меня, то загонят себя в могилу. А ты окажешься в самом центре этой войны. Скажи, эта жертва стоит того?

— Я готов воевать за тебя хоть с ними, хоть со всеми вокруг.

— Ты не сможешь, ты предашь меня. У тебя есть жена и ребёнок. Ты уйдёшь, как только тебя позовут обратно.

— Я не уйду от тебя!

— Ты уйдёшь. И предашь. Иначе не будет, потому что не будет. Не говори глупостей, лучше иди сюда!

Поцелуй Софико был так сладок, что моя обида на неё тут же испарилась. Не в силах оторваться от Софико, я и сам не заметил, как прошёл день. Лишь к вечеру она надела халат и пошла на кухню готовить ужин. Поднявшись с кровати, я почувствовал, что земля под моими ногами ходит ходуном. Стараясь не упасть и не задеть ничего, я проковылял на кухню. Софико крутилась у плиты, за столом торопливо допивала чай её мать — маленькая, некрасивая женщина, выглядевшая гораздо старше своих неполных сорока лет.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Здравствуйте, — равнодушно ответила она и, оставив на столе грязную чашку, быстро ушла в свою комнату. Для неё я был очередным любовником её дочери — чем-то средним между предметом интерьера и домашним животным.

Наевшись, я почувствовал, что меня клонит в сон.

— Не отключайся на кухне, — попросила меня Софико и теперь уже сама помогла мне дойти до комнаты.

Последнее, что я почувствовал перед сном, была Софья: устроившись рядом, она уткнулась мне в плечо и затихла.

5.

Разбудил нас телефонный звонок. Выскочив из-под одеяла, моя любимая бросилась к аппарату в чём была, и это заставило меня провести несколько томительных минут в ожидании конца беседы.

— Мне сказали, что сегодня в Москве наступило настоящее лето, — сообщила Софико, отдышавшись после моего натиска, — так что сегодня мы пойдём гулять, только сначала выпьем.

Открыв бутылку пива, Софико сделала большой глоток, потом передала бутылку мне.

— Знаешь, у меня есть подруга, Катя Иванова, непроходимо тупая девочка, влюблённая в меня. Она тоже обожает секс и алкоголь, но у неё нет вкуса. Несколько раз мы пили со знакомыми мужчинами в этой комнате, всё заканчивалось сексом. Она очень смешная с мужчинами, не понимаю, почему им не смешно. Однажды она приехала ко мне совсем невменяемая после какой-то пьянки, упала на эту самую кровать и уснула. Я её раздела и стала тихонько ласкать. Сначала она не проснулась и не поняла, что с ней делают, а потом как вдруг открывает глаза! У неё было такое лицо, что я хохотала, как ненормальная. Ей, кстати, понравилось. С тех пор я зову её своей девушкой.

«Чёрт побери, что ей там наговорили по телефону?» — подумал я. Тем временем Софико повернулась набок и, ласково касаясь губами моего уха, прошептала:

— Знаешь, мы обязательно должны затащить Иванову в постель. Я буду её целовать спереди, а ты войдёшь в неё сзади. Если она будет достаточно пьяная, то получится очень смешно.

— Боюсь, я не хочу Катю Иванову. Я хочу только тебя, — отстранившись, испуганно ответил я.

— Правильно, что хочешь только меня. Если бы ты трахнул эту толстую дуру, я бы тебя зарезала столовым ножом. Всё, одевайся, пошли!

— Куда? — ошарашенно спросил я.

— В Измайловский парк. Катя предложила встретиться там.

Изначально станция метро «Измайловский парк», находящаяся, кстати, не так уж близко от парка, задумывалась московскими градостроителями как очередной памятник советскому строю: там предполагалось построить гигантский стадион, но отчасти из-за войны, а отчасти из-за тяжёлого грунта, проект так и остался проектом. В 1944 году вместо станции «Стадион имени Сталина» открылась станция «Измайловская», а спортивную символику в вестибюле заменила партизанская. В 1964 году «Измайловскую» построили на новом месте, а старую, рядом с построенным к московской Олимпиаде-80 небольшим стадиончиком «Измайлово», переименовали в «Измайловский парк». Но и это название не стало окончательным: в 2005 году, в честь 60-летия Победы, станцию официально переименовали в «Партизанскую»; не принявшие нововведение москвичи продолжали использовать старое название. Общую путаницу усилила история с постройкой в 1954 году деревянной станции «Первомайская» на 1-й Парковой улице и Измайловском проспекте. Новую, каменную «Первомайскую» открыли спустя семь лет совсем в другом месте, а её предшественница превратилась в один из цехов депо. Во всей Москве не было места с более запутанной историей переименований. Я знал об этом, потому что любил читать о всяких загадках. Кругозор Софико почти не выходил за пределы её двора и любимых с детства книг, так что мне было чем её удивить, но, слушая меня, она выглядела всё печальней и печальней.

— Бесплезная информация, — строго ответила она, когда поезд подходил к «Измайловской», — а вот то, что здесь нам выходить — это полезная информация. Пошли. Да, и ещё. Я не хочу, чтобы моя подруга знала, чем мы занимались три дня. Если она догадается, это будет её дело, но мы с тобой ей не дадим ни намёка о нашей тайне.

— Разумеется, — ответил я.

Иванова ждала в условленном месте Софью, но не нас двоих.

— Сонька, да ты теперь с постоянным сопровождением! Кстати, как ты тогда добралась?

— Нормально добралась. Моё бездыханное тело было доставлено до квартиры в целости и сохранности. Мне есть за что быть благодар-

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

ной, вот я и предложила молодому человеку выпить пива в компании девушек.

— Я от скуки дома с ума схожу, а тут сегодня отличная погода и отличная компания, — подтвердил я.

Мы купили шесть литров самого дешёвого пива и направились вглубь парка. Погода была и впрямь летней, солнце припекало. Мои спутницы были одеты по погоде — то есть, совсем легко; я снял рубашу и повязал её на талии. Пиво начали пить ещё по дороге; когда мы наконец нашли какую-то полянку, было выпито уже больше половины двухлитровой бутылки. Обе девушки кокетничали со мной изо всех сил: Иванова искренне, а Софико — чтобы посмеяться над Ивановой. Помня об альтернативе между обещанием, данным мной в метро, и угрозой быть зарезанным столовым ножом, я соблюдал приличия изо всех сил.

Когда закончилась вторая бутылка, солнце стало припекать почти по-июльски. Ощувив головокружение, я откинулся на ствол дерева, растущего как раз за моей спиной.

— Слушай, тут же где-то был ручей, — вспомнила Софья. — Пошли к ручью!

Ручей, протекавший по дальней части облюбованной нами поляны, мне не понравился.

— Ну и канава! На что она тебе?

— Ты ничего не понимаешь! Это вода! — закричала Софико.

Сбросив босоножки и высоко задрвав подол платья, она прыгнула в ручей; за ней тут же последовала Иванова. Вода доходила им до колена.

— Давай к нам! — закричала Софья и побежала по дну ручья.

Брызги, летевшие во все стороны, долетали не только до меня, но и до случайных прохожих. Добропорядочные граждане спешно уведили своих детей от двух пьяных тёт, мужья под надзором строгих жён неохотно отворачивались в сторону от весёлого смеха и соблазнительных женских ног.

— Чё, совсем оборзела, сука? Сейчас по морде получишь! — слышался вдруг раздражённый рёв.

Компания, отдыхавшая неподалёку от нас, употребляла шашлыки и водку, и мужчины были уже в том состоянии, когда их надо развозить по домам.

— Это ты на женщину собрался поднять руку, урод? — закричала Софико и изо всех сил ударила ногой по воде.

Вскочив с места, я помчался к ручью. Было ясно, что драка пьяных быдловатых мужчин с пьяными красивыми девушками неизбежно закончится сексуальным насилием. Не переставая прыгать по воде, Софико провоцировала нечто страшное и, наверное, непредотвратимое моими скромными усилиями.

— Ты, козёл, быстро оставь в покое этих шлюх! Ещё раз взглянешь на эту шалаву, я тебе пилочкой для ногтей горло перережу! — слышался пьяный женский голос.

Воспользовавшись паузой, мы с Ивановой вытащили из ручья отбивающуюся Софико.

— У нас ещё осталось пиво! — попытался уговорить её я.

— Пиво? Ну ладно... — равнодушно ответила Софья и позволила отвести себя на безопасное расстояние.

Выплеснув энергию, девушки успокоились и даже почти перестали кокетничать. Улёгшись на траву, Иванова положила голову Софье на колени; та стала ласково гладить её по голове. Из-под задравшегося Катиного платья были видны ядовито-розовые трусики; в сочетании с чрезмерно полными ногами это было и впрямь смешно. Отсев чуть в

сторону, я смутился ещё больше: теперь мне открывался слишком хороший ракурс на Катину декольте.

— Ей плевать, она пьяная, — одними губами прошептала Софья и улыбнулась.

— Я не сплю, — не открывая глаз, пробормотала Иванова.

— За это я и люблю тебя, дорогая, — не скрывая иронии, сказала Софико и вдруг ласково поцеловала Иванову в губы. Та словно только этого и ждала...

Сидя рядом, я внезапно почувствовал кожей, что имею дело с вещами гораздо более опасными, чем обычный столовый нож.

6.

Начинался вечер. Наскучившую Иванову пора было отправлять во свояси, а самим возвращаться домой к Софико и продолжить то, чем мы занимались до прогулки, но особой радости от этого я уже не испытывал. По дороге я думал о том, что слишком задержался на «Семёновской». Из меня словно вынули какой-то важный стержень, и дело было совсем не в том, что у нас закончился алкоголь и деньги на его покупку. Дело было даже не в том, что я был вымотан запредельным количеством секса, давно уже превысившим мои физические возможности. Я устал от бессмысленности бунта, из которого Софья не выходила ни на минуту.

— Я хочу поехать сегодня вечером к себе, — предупредил я, когда мы подошли к её дому.

Софико посмотрела на меня с тревогой.

— Зачем ещё?

— Ну, хотя бы для того, чтобы найти денег. К тому же, неделю назад я рассылал по Интернету своё резюме, меня могут пригласить на собеседование.

— Какая работа? Ты так здорово пел в переходе «Звезду по имени Солнце»!

— Софико, этих денег не хватит даже на пиво. Чтобы мы были счастливы, я должен получать какую-то постоянную зарплату.

— Я не хочу!

— Софико, милая, пойми: мне рано или поздно всё равно нужно заехать домой.

Она едва не плакала.

— Ладно, поезжай, но только сразу же возвращайся обратно! Я умру одна. У меня нет еды, денег, пива, мои ценности в ломбарде. Умоляю, помни о том, что я не смогу без тебя!

— Хорошо. Я поеду вечером, переночую дома, и с утра вернусь.

— До вечера ещё далеко. Приласкай меня перед отъездом!

Проходил час за часом. Пару раз я пытался встать с кровати, но Софико, глядя на меня умоляюще, запускала руку под одеяло и снова творила со мной какие-то немислимые вещи. К девяти вечера ей стало ясно, что разлука неизбежна.

— Пойдём, провожу тебя, — сказала она.

Мы молча дошли до остановки трамвая, который словно ждал нашего появления.

— У меня есть проездной, — сказала Софико.

Приложив к турникету свою карточку, она пропустила меня внутрь, а сама сделала шаг назад. Хлопнув раздолбанными дверями, трамвай быстро набрал скорость. Подбежав к заднему стеклу, я успел заметить, что Софико плачет на трамвайной остановке. «Ты предашь», — звенели у меня в голове её слова, сказанные накануне.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Приехав в Железнодорожный, я не стал включать компьютер и сразу лёг спать. Проснулся я только к обеду — организм возвращал долги за прожитые на пределе сил три дня. Когда же я наконец проверил электронную почту, оказалось, что меня ждут два приглашения на собеседование.

— Одна из фирм в Текстильщиках, там зарплата повыше. Другая — в Лефортово, совсем рядом с тобой. Но и там и там мои шансы не очень высоки, — докладывал я по телефону Софье.

— То есть сегодня ты не приедешь?

— Я должен устроиться на работу, тогда у нас будут деньги. Постараюсь приехать, как только закончу все дела.

— Позвони мне сразу после собеседования! — в голосе её слышалась тревога.

Съездив в обе фирмы, я договорился выйти на работу на следующий день — в офис, расположенный в Лефортово. Позвонив прямо оттуда сначала на мобильный, а потом на городской телефон Софики, я удивился, что никто не взял трубку. Когда я приехал домой и уже подходил к подъезду, зазвонил мой телефон; определитель показал незнакомый номер.

— Привет, это Катя Иванова. Короче, наша Соня тут пару часов назад пошла к метро сигарет настрелять и попала под машину. . .

— Что ты говоришь? Соню сбили?

«Боже мой, только бы не насмерть!» — думал я.

— Нет, погладили! Ну, если серьёзно, Сонечка легко отделалась, даже не сломала ничего. Сейчас лежит в больнице, завтра, наверное, будет готов рентген. Может, врачи тогда что-то ещё скажут, пока ей поставили сотрясение мозга первой степени. Ты бы к ней заехал завтра, она, похоже, реально на тебя запала, говорит, что хочет видеть. Сама сейчас пользоваться телефоном не может, плохо себя чувствует, совсем не встаёт с постели. . .

— Я завтра в первый раз на работу выхожу. Постараюсь отпроситься пораньше в ближайшие дни и тогда приеду. Продиктуй мне, где она находится.

Утро следующего дня шокировало меня переполненными электричками, в которые было невозможно влезть, и очередями на наземный транспорт, тянущимися по привокзальной площади куда-то за пределы видимости — ничего подобного я не видел с института, когда ездил на занятия к первой или второй паре. Сумев всё-таки с боем взять электричку и едва не выпав из неё в Реутово, я добрался до работы с опозданием на час. Отпрашиваться после этого для поездки в больницу было немыслимо, тем более что промашку мне не простили и напоминали при каждом удобном случае.

В среду Иванова позвонила во второй раз.

— Сонечку выпишут, скорее всего, в пятницу. Приезжай, она ужасно скучает и постоянно спрашивает, куда ты пропал. Сказала, что выбросится из окна, если ты не приедешь.

— Я приеду завтра!

На следующий день мне удалось отпроситься с работы после обеда. Где находится больница, я представлял довольно смутно и запутался в переулках. И тут Софики позвонила сама.

— Можешь не приезжать! Я поняла, чего ты стоишь! — яростно закричала она в трубку.

Растерявшись, я остановился около какой-то автобусной остановки.

— Катя Иванова провела у меня три дня! Тимур Шарафудинов провёл у меня три дня! Ира Савватеева приезжала два раза! Не было только того, кто нужен мне больше всех!

— Софики, да я уже у больницы стою!

— Я не хочу тебя видеть, проваливай в свой Железнодорожный! И если хочешь знать, сегодня я переспала с Шарафудиновым — прямо здесь, в больничной палате!

— С Шарфиком? Как? Зачем?

— Только чтобы сказать тебе об этом! Знаешь, он ласковый, мне с ним понравилось! Интересно, ты чувствуешь вообще хоть что-нибудь, когда я тебе это сейчас говорю? — она истерично захохотала.

— Софики, прости меня!

Смех перешёл в плач, связь прервалась. Я тяжело рухнул на скамейку. Всё получилось так, как говорила мне княжна: я оказался предателем — но не потому, что хотел вреда, а потому что недостаточно принёс пользы. Только сейчас я понял, что упустил единственный шанс спасти свою дурацкую, подлую жизнь, вложив в неё хоть каплю смысла. . .

Вечером, как обычно, я вышел к лифту, где меня уже ждал Кирилл.

— Ты куда пропал?

— На работу вышел.

— И как работа?

— Нормально. Два года после развода уже прошло, а ещё шесть я наверняка придумаю, куда деть. . .

— Да ладно, прекрати, тебе же всего двадцать четыре года!

Я убрал сигарету обратно в пачку и сделал шаг в сторону квартиры. Курить не хотелось.

— Кирилл, какая разница, сколько мне лет. . .

Ночью снились кошмары: то спившаяся Софья танцевала у музыкального ларька, крича: «я княжна, я княжна», то, занимаясь со мной сексом, закалывала меня столовым ножом. К утру ответственность за бывшую любовь окончательно покинула меня, и тут я впервые с облегчением почувствовал, что предавать — это не только естественно, но и удивительно приятно.

Генрих Гриневский. Портрет грузинской девушки.

Мария ПОЛЯНСКАЯ

ДИКИЙ ЦВЕТOK

Эта сказка совсем не для детей. Она вряд ли и для взрослых, разве что для тех, кто хорошо знает, что не во всех сказках случается хороший конец. У этой сказки нет хорошего конца. У нее, собственно говоря, нет никакого конца вообще, потому что она начинается с середины и там же заканчивается. Это еще одна причина, почему она ни для детей, ни для взрослых.

Она для тебя.

В одной деревне жил один еще не старый мужчина. У него все было крепкое – и кражистое сильное тело, и умное жесткое лицо, и большие сильные руки. И хозяйство у него было тоже крепкое – уток, кур и гусей без счета, упитанные рослые свиньи, пара пуховых коз, коровы и телята, а еще огромный огород, на котором хозяйничала его жена – такая же крепкая, рослая и немногословная, как муж. У них и дети были, и лишне будет говорить, что и дети унаследовали отцовскую и материнскую крепость и скудость на слова. Зимой дети учились в городе, а летом помогали родителям. И если смотреть на эту семью со стороны, то все у них было крепко и ладно и по уму – от дома до одежды, и только одна странная вещь бросалась в глаза. У них одних на всю округу был цветник.

В наших деревнях почти не осталось цветников – цветы ведь бесполезны, вот их и не заводят. Так, кое-где можно заметить чахлые маковые головки, подслеповатые анютины глазки, да сорную садовую ромашку. Но таких цветников не было даже в соседних городах, поэтому всякий прохожий надолго прикинул к крепкому забору, пытаясь вдоволь налюбоваться и надыхаться красотой, сотворенной природой и облагороженной умелыми руками человека. Здесь были цветы всех сортов и мастей – садовые и дикие, местные и выписанные из далеких заморских стран, цветы-черенки и цветы-лианы, цветы, приносящие плоды и цветы, полезные лишь одним своим видом, цветы, источающие чудесный аромат, и цветы без запаха и вкуса, цветы-жертвы и цветы-хищники, цветы всех цветов и форм, когда-либо вышедших из-под рук творца. И всем этим великолепием занимался хозяин. Жене и детям не разрешалось даже поливать цветник, не то что прикасаться к нему руками. Когда хозяин входил в сад, он начинал насвистывать какую-то веселую беззаботную мелодию, и цветы словно откликались – мигом поворачивали к нему свои изящные головки, испуская самый лучший аромат, на который только были способны. Он без усталости высаживал, полон, окапывал, окучивал, присыпал, прищипывал, поливал цветы, а они платили ему невиданной любовью – цвели так, словно жили в раю. Да это и был настоящий цветочный рай на земле, и все это знали. Деревенские

любили говаривать, что никто не без изъяна и добродушно прощали хозяину эту странность. Даже домашние животные и шкодливые мальчишки обходили цветник стороной, а заезжие городские люди ждали милости хозяина – возможности купить у него хотя бы скромный букет в подарок. Иногда хозяин бывал щедр и разрешал самому выбрать понравившиеся цветы, но никогда и никто не получил от него в подарок ни единого стебелька, даже его крепкая и трудолюбивая жена. Односельчане знали об этой слабости, а вот проезжим дамам это было невдомек, и напрасно они нетерпеливо сидели в дорогих колясках, ожидая милости хозяина – он был непреклонен и цветы мог продать, но подарить – никогда. В сердцах топнув ножкой, дамы уезжали, а цветник с новой силой льнул к своему хозяину.

И так было до тех пор, пока однажды хозяин, проходя по улице, не бросил рассеянный взгляд за забор деревенского дурачка, жившего неподалеку. Дурень был известен всей деревне тем, что хозяин он был никудышный, двор у него зарос лебедой и крапивой, живность у него не задерживалась, а сам он промышлял на жизнь тем, что расписывал всякую посуду, притом, так затейливо, что простые вещи в его руках превращались в необыкновенные, сказочной красоты предметы. Порядка дурень не знал совсем, и там, где ушлый хозяин преуспел, дурачок то и дело перебивался с хлеба на воду, без счета раздавая ложки, тарелки, половники собственной работы или, когда нужда поджимала, почти за бесценок продавая городским перекупщикам лучшие свои произведения. На вырученные деньги дурень покупал и готовил краски, и так без конца. Хозяин дурачка не уважал, но его утварью охотно пользовался, поэтому и бросил взгляд за забор – проверить на всякий случай, как бы не помер.

Бросил, да так и остался стоять, словно пригвожденный к месту. В заросшем, запущенном огороде очаровательно нес головку к солнечному свету не известный ему цветок. Нигде и никогда не видел он такого нежного прозрачно-зеленого стебля, таких скромно опушенных бархатных листьев, такого волнующе-округлого бутона неопределенного цвета, обещавшего стать и розовым, и пурпурным, и коралловым, и сиреневым одновременно с примесью потемневшего старого шоколада. В левом боку у хозяина закололо, и он понял, что отдаст все в жизни, лишь бы получить прекрасный дикий цветок. Хозяин знал наизусть лучшие садовые каталоги мира, и ему было понятно, что это дичок, случайная игра природы, которой можно воспользоваться, чтобы получить настоящее сокровище, если все получится. Ясно было и то, что дурню все это ни к чему, а соседские козы быстро смекнут, в чем дело, и оприходуют цветок по-своему.

Одним прыжком перемахнул мужчина через забор, наклонился над цветком и чуть не умер от терпкого и нежного аромата, который напомнил ему запах молодой девушки, ставшей ему женой, аромат завитков

на затылке его первенца, свежесть холодного августовского утра на лугу, тепло дома с мороза. Он осторожно достал острый нож и уже собрался вырезать легкий и слабый еще цветок из земли, как вдруг на крыльцо, зевая и почесываясь, вышел дурень. Он, казалось, ничуть не удивился тому, что сосед склонился над дивным цветком, ведь все в деревне знали, что калитка у дурачка всегда нараспашку. Все еще потягиваясь, дурень подошел к цветку и с гордостью сказал хозяину:

– Ишь, какая красота вымахала! Выхожу, понимаешь ли, я неделю назад в огород, и тут на тебе – растет, – и он осторожно дотронулся до нежных светло-зеленых листьев.

Хозяин спрятал за спиной нож и нарочито небрежно спросил у дурня, что он собирается делать с такой неземной красотой.

Дурень зевнул и широко махнул рукавом:

– Да ничего не собираюсь, пусть себе растет и глаз радуется. Я ее тут пишу помаленьку, на ложки-поварешки, да на вазы всякие перевожу, народ покупает и еще просит.

Хозяин решил не мешкать и сразу же перешел к делу:

– А ты продай мне цветок-то, а? У меня за ним уход особый будет, опять же семена соберу, еще лучше выведу, и тебе же первому и пересяжу? Что скажешь?

Дурень почесал в затылке и замотал головой:

– Нет, ты того-этого, даже и не проси. Тут понимаешь, заковыка имеется, – и дурень понизил голос, – с этим цветком против его воли никак нельзя.

Увидев, что у хозяина глаза на лоб от удивления полезли, дурень продолжал:

– Надумал я его подальше от забора пересадить, чтобы рисовать сподручнее было, только приступился, а он как выпустит колючки, да такие огромные, что твой чертополох, и как я к нему ни подойду, он все норовит мне в ладонь вцепиться, словно собака. Изловчился я, схватил его, да и ношу отметины, – и дурень повернул ладонь, широкую как ло-

пату, складнем вверх, и хозяин ясно увидел свежие розовые следы от глубоких рваных ран.

– То-то и оно, закончил дурень, – я его с тех пор и не трогаю. Издали любуюсь, приласкать могу, а трогать ни-ни. Его и козы не щиплют, и собаки не топчут. Так что брат, сам понимаешь, я бы и рад, да не могу – нет на то его воли, чтобы это место покинуть.

Хозяин молча выслушал рассказ дурачка и испросил себе разрешения хотя бы ухаживать за цветком – укрывать его в холод, поливать в зной, полоть сорняки, отгонять насекомых. Дурень сразу же с радостью согласился, и с тех пор хозяин стал так же много времени проводить у дурня, как и в своем цветнике. Он возился с цветком, словно с малым дитем, вскоре и цветок к нему привык, стал поворачивать аккуратную головку в его сторону, качаться в такт его незамысловатой песенке. Ни разу не видел хозяин, чтобы цветок выпустил шипы, и вскоре вся история стала казаться ему очередной выдумкой дурня. Ни на секунду не переставал он думать о том, как выкупить цветок у дурачка.

Тем временем цветок становился все краше, бутон наливался светом, словно внутри него жило самое настоящее солнце, пробивающееся сквозь шелковые лепестки. Вся деревня сбегалась к дурню любоваться цветком, вдыхать его нежный аромат, такой разный по утрам и вечерам, но неизменно нежный, глубокий и очень свежий. Дурень пускал всех без разбора в огород, который вскоре вытоптали до последней травинки, а вслед за деревенскими пожаловали городские, и всем подавай одно – дай на цветок поглядеть. Сердце у хозяина кровью обливалось, когда он смотрел, как все без конца нюхают, теребят, глядят цветок. Приезжали и художники – чтобы запечатлеть красоту цветка на холсте, фотограф с огромным черным ящиком, владелец городской оранжереи – с твердым намерением купить цветок. Но дурень все гнул свою линию – мол, растение своенравное, и он против воли цветка ни за что не пойдет. Хозяин молча ухаживал за цветком, гладил его бархатные теплые листья, вдыхал его аромат, пел ему песенки, и все время мечтал о том,

чтобы выкопать цветок и посадить за домом, в укромном месте, и никогда и близко к нему не подпускать. Не раз пенял он дурню за то, что тот бесстыдно выставляет красоту цветка напоказ, да только что с дурачка возьмешь, тот отвечал, что такая у цветка судьба — быть на виду, людей радовать, мир собой осенять. Дурень даже до того договаривался, что и цветку это нравится — быть на особинку, всегда на виду, но тут уж хозяин ему не верил. Он и сам, когда никого поблизости не было, беседовал с цветком. То есть, ему казалось, что цветок его понимает. Тогда он говорил цветку, что хочет забрать его домой и всю жизнь ухаживать за ним, и вывести от него знатное красивое потомство, и жить с ним душа в душу до самой его, то есть цветка, старости. И цветок смотрел ему прямо в сердце и кивал нежной головкой. Через несколько дней бутон должен был бы раскрыться, и все с нетерпением гадали, что же у него внутри.

В это время у деревни остановились цыгане, люди вороватые и хитроватые. Само собой, что вскоре то тут, то там стали всякие вещи пропадать. И тут у хозяина родился в голове хитрый план. Он-то и привел цыган к дурню, а те, завидев цветок, стали восхищенно цокать языками и просить дурню продать красоту. Добродушный дурак знай себе отнекивался, а хозяин все подливал да подливал масла в огонь — цветок нахваливал, дурня уговаривал. Разошлись, однако, ни с чем, только хозяин, уходя, дурню сказал, чтобы за цветком присматривал — не ровен час украдут.

И точно — утром, когда хозяин пришел к дурню, обнаружилась пропажа — цветка не было, от него осталась одна голая сиротливая ямка. Дурень глазам своим поверить не мог, плакал словно малое дитя. Хозяин действовал не мешкая — созвал односельчан и отправился к цыганам, а тех уж и след простыл. Делать было нечего — не идти же в город с жалобой, что цветок не уберегли. Погоревали деревенские и разошлись по своим делам. Только дурень был безутешен, словно близкий человек умер. Неделю ни ел, ни пил, молча лежал на печке спиной к входу, и единственный человек, кого он в дом пускал, был хозяин — тот и еду носил, и в избе убирал, и по голове гладил. Через недельку-другую стал дурень потихоньку вставать, за краски свои браться, вроде отошел понемногу. Только цветы больше не писал — камни, деревья, дома, пожалуйста, а цветов больше и видеть не мог.

Но сказка не о нем. Уходя от дурня, шел хозяин напрямик за дом, надевал толстые рабочие рукавицы, словно вор, прокрадывался в сарай, отпирали амбарный замок и плотно закрывал за собой дверь. В сарае было светло, словно в праздничный весенний день, потому что посреди земляного пола в раскрывшемся бутоне горел яркий свет в глазах маленькой огневолосой девочки с крохотными крыльями за спиной. Она сидела посреди цветка на мягкой пушистой подушечке из пыльцы и горько плакала, потому что очень хотела увидеть солнце, небо, цветы, милых подружек, живущих в соседних бутонках и родившихся чуть раньше. И напрасно хозяин пытался убедить ее в том, что вокруг ничего этого нет, и все цветы живут в темных и тесных сараях, где пахнет сыростью и гнилью, она упрямо качала головой, а цветок выпускал огромные острые шипы. И напрасно хозяин приносил девочке мед и козье молоко, она отказывалась от еды и продолжала безутешно рыдать. Она была лучше всего, что хозяин видел в своей жизни — красивее жены, милее детей, дороже цветов. Хозяин был готов все сложить к ее ногам, но ей ничего не было нужно — она хотела жить на воле, перелетать из цветка в цветок, радоваться жизни и радовать самой. Но она никак не хотела провести остаток своих дней в сарае, в одиночестве, без свободы и любви. Она топала ножкой и ломала руки, но хозяин был непреклонен, ведь и в гневе она принадлежала ему и только ему.

Надо сказать, так было с самого первого дня, когда хозяин исколот себе все руки, неся цветок домой. Так было и на следующий день, когда хозяин заглянул в сарай и увидел, что в цветке лежит крохотная неземной красоты девочка, и в глазах ее сияет солнце, озаряющее все вокруг. Но стоило хозяину наклониться над цветком, как тот вдруг выметнул в воздух огромные уродливые шипы, едва не лишившие хозяина глаз. С тех пор все пошло не так, как мечталось, — девочка плакала, худела день ото дня, и однажды утром, хозяин зашел в сарай и увидел, что свет померк — посреди цветка безжизненно лежало крохотное серое тельце. Головка цветка нежно покачивалась, словно баюкала мертвую девочку, а потом и вовсе закрылась. Хозяин хотел было подойти к цветку, но передумал. На девочку он старался не глядеть. В тот день он ни разу не был в цветнике, и даже его ко всему привычная жена, заметила, что с ним что-то не так, но как обычно промолчала.

На следующий день сарай встретил хозяина ужасным зловонием — цветок стал багрово-красного цвета, словно гнилое мясо, и испускал такой запах, что хозяин чуть не задохнулся. Ничего другого не оставалось, кроме как разрубить цветок на мелкие кусочки, сложить их в глухой мешок, тайком отнести в лес и закопать от греха подальше. Пока хозяин нес мешок, через холстину проступали нежно-розовые капли, словно разрубленная девочка истекала кровью. Даже мертвый, цветок сильно поранил хозяину руки, и эти раны еще долго гноились и не заживали.

В тот же вечер хозяин безжалостно вырубил под корень цветник, охапками бросая стонущие цветы за забор, безжалостно расправляясь с созданной им красотой. Наутро изумленные деревенские увидели, что цветника нет, а на его месте молчаливая крепкая жена хозяина разбила грядки. В деревне и городе еще долго судачили о странностях хозяина, но вскоре и это забылось, как забылась странная история с пропавшим цветком.

У хозяина все хорошо, его жена ухаживает за новым огородом, петрушка уже взошла. Недавно в доме дурня вдруг объявилась странная рыжеволосая девушка необыкновенной, неземной красоты. Говорят, она просто проходила мимо, зашла полюбоваться на расписные ложки, да так и осталась. Говорят, она целый день порхает вокруг дома дурня, словно бабочка. Вся деревня уже ходила на нее смотреть, и даже жена хозяина, только хозяин ни разу не был. Ему и ходить не надо, он просто ждет, пока случай представится. На этот раз ошибки не будет.

И девушка, и дурень это знают, но в том-то и сказка, что никто ничего не может изменить. Поэтому она и заканчивается на середине, как, впрочем, и начинается. Ее можно начать сначала, и она никогда не кончится.

Как не кончается жизнь.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИНТЕРНЕТЕ» (LITSERIES.RU)

Самое амбициозное и пока ещё недорогое издательство Москвы приглашает новых авторов!

Издательство «Современная литература в Интернете» организовано опытными специалистами, и поэтому мы хорошо знаем, как напечатать книгу, которая осчастливила бы автора и доставила бы удовольствие читателям. Всем нашим авторам предоставляются приятные бонусы: при выпуске книги они получают бесплатно ISBN, оформление обложки (по материалам заказчика), доставку до подъезда в пределах Москвы и распространение в магазинах (на этот счёт у нас давно налажены связи с магазином «Библиоглобус» — одним из самых больших в Москве). Кроме этого, Интернет-магазин «Библиоглобус» рассылает издания книг не только по России и Ближнему Зарубежью, но и по всему миру. Предлагая книги в магазин, издательство не берёт никакой платы за свои услуги; таким образом, вся прибыль от издания книги достаётся автору.

Но продажи редко зависят от одного лишь факта попадания книги в магазин, гораздо важнее то, как Вы организуете рекламную кампанию. Если Вам нужен сайт в поддержку книги, то наши специалисты могут помочь в его разработке и продвижении (подробнее — см. сайт нашей веб-студии). А если Вы сочтёте необходимым публикацию критических статей об изданной книге в средствах массовой информации, то мы можем помочь Вам и в этом. Наше издательство может предложить несколько вариантов проведения рекламной кампании (сами мы предпочитаем Интернет-рекламу — как наиболее дешёвую и эффективную).

Деятельность нашего издательства регулярно освещается в СМИ, а изданные книги номинируются на различные литературные премии («Национальный бестселлер» и т.п.). Кроме того, мы имеем возможность организации презентаций книг в клубах Москвы и некоторых других городов. Именно на презентациях, как правило, удаётся успешно продавать книги людям, привлечённым тематической рекламой на сайтах и в социальных сетях.

Публикацию в журнале или сборнике можно назвать экономичным способом издания не только потому, что он дешевле, чем выпуск книги, но и потому что издательство берёт на себя все расходы и хлопоты по продвижению и рекламе сборника. К началу 2010 года наше издательство выпускает три периодических издания — * Литературный журнал «Контрабанда», хрестоматию «Музыка в переплёте» (стихи, рассказы и статьи, посвящённые музыке) и «Кошкин альманах» (сборник забавных стихов и рассказов о кошках). Участие в сборнике платное, имеет место строгий отбор материалов, литературное редактирование и корректура текстов.

Наши услуги можно заказать в любой точке России и за рубежом, воспользовавшись электронной формой, расположенной на сайте. Для удобства клиента мы организовали постоянно растущую сеть региональных представительств в различных городах России. Это позволяет нам избавить Вас от хлопот по оплате и получению заказа: всё это возьмёт на себя наш представитель в регионе.

Заказать расчёт на издание книги можно на сайте Litseries.Ru. К каждому литературному проекту мы относимся индивидуально!

Хрестоматия «Музыка в переплёте» (по материалам конкурса «Бекар»). Хрестоматия «Музыка в переплёте» выпускается издательством «Современная литература в Интернете» по итогам семи лет истории конкурса «Бекар», произведения которого посвящены музыке. В сборнике могут участвовать как авторы, участвовавшие ранее в конкурсе, так и те, кто в нём не участвовал. Стоимость публикации в хрестоматии — 300 рублей за полосу формата А5 (для прозы это около 1600 знаков, для стихов — 40 строк, включая заглавие, имя автора и пустые строки). Работы, вошедшие в шорт-лист конкурса «Бекар», могут быть опубликованы с 25% скидкой.

Кошкин альманах. Сборник стихов и рассказов «Кошкин альманах» будет выпущен издательством «Современная литература в Интернете» в первой половине 2010 года в поддержку сборника поэта Михаила Придворова «Кошкина книга». К участию в хрестоматии не допускаются тексты, в которых никак не отражена тема кошек :) Стоимость публикации в хрестоматии — 300 рублей за полосу формата А5 (для прозы это около 1600 знаков, для стихов — 40 строк, включая заглавие, имя автора и пустые строки).

Все книги распространяются по книжным магазинам России — таким, как торговый дом «Библиоглобус», книжный магазин Литературного института имени Горького, Передвижная книжная лавка писателей Живого журнала и т.д. Планируется организация презентаций хрестоматии в Москве, Петербурге, Ярославле и Киеве.

Заявку на участие в наших издательских проектах принимают по адресу karakovski@gmail.com. В случае положительного решения автору будет выслано уведомление и после оплаты текст будет немедленно добавлен в хрестоматию..

